

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГАОУ ВО «РГГУ»)

Филин Сергей Антонович

Германская колониальная империя на рубеже XIX-XX в.:
региональные и локальные аспекты

Специальность
5.6.2 – Всеобщая история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Доктор исторических наук,
профессор
Н.В. Ростиславлева

Москва 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ГЕРМАНСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ	26
1.1. НАЧАЛО КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ	26
1.2. ОСОБЕННОСТИ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРИОД КАНЦЛЕРСТВА Л. КАПРИВИ И Х. ГОГЕНЛОЭ	41
1.3. КОНФЛИКТЫ КОЛОНИАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ В АФРИКЕ НАЧАЛА XX В. ...	62
ГЛАВА 2. РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕРМАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.....	76
2.1. УТВЕРЖДЕНИЕ ВЛАСТИ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В АФРИКЕ И ОКЕАНИИ В 1880-1890 ГГ.	76
2.2. КОЛОНИИ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В АФРИКЕ: СИСТЕМА ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ.....	92
2.3. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ В ОКЕАНИИ И КИТАЕ.....	112
2.4. МИССИОНЕРЫ В ГЕРМАНСКИХ КОЛОНИЯХ: ПОПЫТКИ «ГЕРМАНИЗАЦИИ» НАСЕЛЕНИЯ.....	125
ГЛАВА 3. КОНФЛИКТЫ ГЕРМАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ С КОРЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ	140
3.1. ОТВЕТЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ВЫЗОВЫ ГЕРМАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ В 1880-1890 ГГ.....	140
3.2. ВОССТАНИЯ В ГЕРМАНСКОЙ ЮГО-ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ.....	152
3.3. ДВИЖЕНИЕ МАДЖИ-МАДЖИ: АНТИКОЛОНИАЛЬНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ В ГЕРМАНСКОЙ ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ	165
3.4. РЕАКЦИЯ ВЛАСТЕЙ: ПОПЫТКИ ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ КОЛОНИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	186
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	190
ПРИЛОЖЕНИЯ	208

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Изучение колониальной политики Германской империи обусловлено сохраняющимся значением колониального прошлого для современного мира. Бывшие колонии европейских держав в значительной степени унаследовали язык, религию и традиции, которые навязывались им в ходе колониальных завоеваний. Германская империя была не только крупнейшим государством в Центральной Европе, но и одной из заметных колониальных держав конца XIX – начала XX в. Колониальная политика Германии в настоящее время находится в центре научных и общественных дискуссий не только с точки зрения постколониального подхода, но и с позиции исторически укорененного немецкого влияния на зависимые территории.

Относительно недолго существовавшая Германская колониальная империя в то же время сыграла значительную роль в политике колониализма других европейских стран, а колониальные практики Германии оставили глубокие шрамы в истории бывших колоний. Колониальная политика предстает в качестве неотъемлемой части международных отношений конца XIX – начала XX в., истории Германии и ее колоний. Исследование колониальных практик Германии позволяет глубже понять механизмы европейской экспансии и влияние колониальной политики на передел мира, приведший к Первой мировой войне. Анализ прошедших событий актуален в свете современных требований к признанию ответственности колонизаторов и реституции культурных ценностей. Германия, как и другие европейские страны, сегодня сталкивается с необходимостью переосмысления колониального прошлого в публичном поле.

В настоящее время обращение к постколониальным исследованиям, которые зародились еще во второй половине XX в., становится все более актуальным. Постколониальные исследования выступают новым подходом к

переосмыслению колониального прошлого европейских стран, учитывая, что в его основе находятся идеи антиколониальной и антиимпериалистической борьбы. Сегодня в Германии активно подвергается критике колониальная политика империи на рубеже XIX-XX в., что подчеркивает актуальность данной темы в исторической науке¹.

Научная проблема диссертационного исследования заключается в комплексном изучении колониальных практик Германской империи на региональном и локальном уровнях сквозь призму постколониальной оптики, что позволяет выявить особенности германской колониальной политики в разных географических и локальных пространствах.

Степень изученности темы

Историографический обзор выстроен в соответствии с проблемным принципом и охватывает труды отечественных и зарубежных историков. Германская колониальная империя попадала в поле исследовательского внимания в различных ракурсах, поэтому необходимо представить историографию в виде нескольких групп.

Первая историографическая группа – общие труды о германской колониальной империи. В данных работах рассматривались ключевые моменты заокеанской экспансии Германии: причины ее начала, основные события и роль канцлеров в определении политики. Подробное изучение колоний Германской империи начинается немецкими историками в 1920-30-е гг. (работы П. Лейтвайна², О. Хамманна³, В. Валентина⁴, Д. Вегенера⁵

---

¹ Bechhaus-Gerst M. Die (koloniale) Begegnung: AfrikanerInnen in Deutschland 1880-1945. Lausanne, 2003. Zimmerer J. From Windhoek to Auschwitz? Colonialism and Genocide in Germany. München, 2023.

² Leutwein P. Dreißig Jahre deutsche Kolonialpolitik mit weltpolitischen Vergleichen und Ausblicken. Berlin, 1922.

³ Hammann O. Deutsche Weltpolitik, 1890-1912. Berlin, 1925.

⁴ Valentin V. Deutschlands Außenpolitik von Bismarcks Abgang bis zum Weltkriege. Berlin, 1921.

⁵ Wegener G. Das deutsche Kolonialreich: Wie es entstand, wie es war, wie es verloren ging. Potsdam, 1937.

Э. Веренальпа⁶ и Г. Хальгартена⁷). Более поздние исследования расширили представления о колониальной политике Германии. Некоторые историки стремились раскрыть роль христианских миссий в период колониальных завоеваний (Х. Грюндер⁸). Г. Риттер использовал большое количество записей современников тех событий (политиков, колониальных чиновников, критиков, публицистов) для более детального анализа колониальных практик⁹. Себастьян Конрад исследовал транснациональные связи и культурные аспекты Германской империи, раскрывая, как колониальные практики влияли на идентичность метрополии¹⁰. Помимо работ немецких авторов в данный историографический блок входят труды американских исследователей: М. Э. Таунсенд¹¹ описала причины начала заокеанской экспансии Германии, основные события, а также итоги колониальной политики. Исследование Х. Стокера сместило фокус прошлых исследований с политических на социально-экономические предпосылки колониальной экспансии¹².

Крупных исследований, непосредственно посвященных Германской колониальной империи, в отечественной историографии существует не так много. До 1950-х гг. публиковались небольшие аналитические записки или очерки о германской колониальной политике. Начиная со второй половины XX в., интерес к теме германского империализма усилился, освещались такие ранее неисследованные процессы как политическая борьба в рейхстаге и развитие общественного мнения в Германии (А.С. Ерусалимский¹³,

---

⁶ Wehrenalp E. Deutschland greift über den Äquator: Ein Buch von Deutschlands Kolonien Einst und Jetzt. Berlin, 1933.

⁷ Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. М., 1961.

⁸ Gründer H. Christliche Mission und deutscher Imperialismus. Paderborn, 1982.

⁹ Ritter G.A. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1914. Ein historisches Lesebuch. Göttingen, 1992.

¹⁰ Conrad S. Deutsche Kolonialgeschichte. München, 2016., Conrad S. Globalisation and the nation in imperial Germany. München, 2016.

¹¹ Townsend M. E. The rise and fall of Germany's colonial empire, 1884-1918. New York, 1930.

¹² Stoecker H. German imperialism in Africa: From the beginnings until the Second World War. London, 1986.

¹³ Ерусалимский А.С. Германский империализм: история и современность. М., 1964.

И.С. Чарный¹⁴). В XXI в. тема германского колониализма расширяется благодаря работам Е.Ю. Пуховской и С.В. Фокина. Пуховская Е.Ю. в своих работах анализировала формирование колониального сознания в Германии, уделяя внимание роли офицеров, чиновников и миссионеров¹⁵, в то время как Фокин С.В. изучал военные аспекты колониальной политики, вводя в научный оборот новые архивные материалы¹⁶.

Вторая историографическая группа – германские колонии в Африке и Океании, охватывает работы, целью которых стало изучение отдельных колоний Германской империи. Авторы, изучавшие Германскую Юго-Западную Африку, в своих работах акцентировали внимание на различных аспектах колониального господства. О. Хинтрейгер¹⁷ и Х. Дрехслер¹⁸ в своих работах дали общее описание периода немецкого правления, а также рассмотрели систему германского колониального господства и её последствия. Х. Блей анализировал взаимосвязь между колониальной властью и социальной структурой¹⁹. Ю. Циммерер рассматривал реализацию государственной власти на практике²⁰, а его более поздние работы были посвящены связи колониализма и геноцида. Д. Нойес применял подходы культурной географии, изучая, как колониальное пространство конструировалось в дискурсе²¹. В целом, их труды отражают эволюцию историографии от описания колониальной системы к её критическому

---

¹⁴ Чарный И.С. Начало колониальной экспансии Германии в Африке, 1879-1885 гг. М., 1970.

¹⁵ Пуховская Е.Ю. Колониальная идея в кайзеровской Германии: Замыслы и воплощение: дисс. д-ра. ист. наук: 07.00.03. Иркутск: ИГПУ, 2001.

¹⁶ Фокин С.В. "Дранг нах Африка": колониальная политика Германии (конец XIX - 30-е годы XX века). М., 2003.

¹⁷ Hintrager O. Südwestafrika in der deutschen Zeit. München, 1955.

¹⁸ Дрехслер Х. Юго-Западная Африка под германским колониальным господством, 1884-1915. М., 1987.

¹⁹ Bley H. Kolonialherrschaft und Sozialstruktur in Deutsch-Südwestafrika 1894-1914. Hamburg, 1968.

²⁰ Zimmerer J. Deutsche Herrschaft über Afrikaner. Staatlicher Machanspruch und Wirklichkeit im kolonialen Namibia. Münster, 2001.

²¹ Noyes J. K. Colonial space: spatiality in the discourse of German South West Africa 1884-1915. Routledge, 2012.

анализу, включая вопросы насилия, социального контроля и пространственных репрезентаций.

Германская Восточная Африка также приковывала к себе особое внимание исследователей, изучавших как саму колонию и внутреннюю систему управления (К. Бюттнер²², Д. Копонен²³, Б. Гиссибль²⁴), так и восстание Маджи-Маджи (А. Де Хуан²⁵, Д. Илиффе²⁶). Отдельно стоит отметить историков из Танзании Г. Гвасса²⁷ и Н. Рушора²⁸, которые подчеркивали жестокость немецких войск во время подавления восстания в колонии. Колонии Камерун и Того менее подробно освещены в историографии по причине их меньшей значимости для империи и отсутствия крупных восстаний. Из известных работ можно выделить труды Г. Рудина²⁹ и К. Хаузена³⁰. Г. Рудин в своем исследовании представил подробное описание немецкого управления, экономической эксплуатации и взаимодействия колониальной администрации с местными обществами. К. Хаузен сместил фокус на анализ экономических интересов метрополии, механизмов колониальной эксплуатации и их взаимосвязи с системой управления, уделяя особое внимание роли торговых компаний и финансовых структур. В данный

---

²² Büttner K. Die Anfänge der deutschen Kolonialpolitik in Ostafrika: Eine kritische Untersuchung an Hand unveröffentlichter Quellen. Berlin, 1959.

²³ Koponen J. Development for Exploitation. German Colonial Policies in Mainland Tanzania. Helsinki, 1994.

²⁴ Gissibl B. The nature of German imperialism: conservation and the politics of wildlife in colonial East Africa. NY., 2016.

²⁵ De Juan A. Extraction and Violent Resistance in the Early Phases of State Building: Quantitative Evidence From “Maji Maji” Rebellion 1905-1907 // Comparative Political Studies. 2016. Vol. 49. №3. P. 291-323.

²⁶ Iliffe J. The Organization of the Maji Maji Rebellion / John Iliffe // The Journal of African History. 1967. Vol. 8, № 3. P. 495-512.

²⁷ Gwassa G.C.K. Records of the Maji Maji Rising. Nairobi, 1967.

²⁸ Rushora N. Cult, Crosses and Crescent: Religion and Healing from Colonial Violence in Tanzania / Nancy Rushohora, Valence Silayo // Religions. 2019. Vol. 10(9).

²⁹ Rudin H. R. Germans in the Cameroons 1884-1914. A case study in modern imperialism. New Haven, 1938.

³⁰ Hausen K. Deutsche Kolonialherrschaft in Afrika: Wirtschaftsinteressen und Kolonialverwaltung in Kamerun vor 1914. Freiburg, 1970.

историографический блок также входят исследования о немецких колониях в Океании и Китае (работы П.Г. Сака³¹, Л.В. Шраймера³², О. Коко³³).

В отечественной исторической науке в 1980-е гг. выходит крупная совместная монография А.М. Пегушева и Б.М. Туполева о восстании Маджи-Маджи в Германской Восточной Африке³⁴. Это была одна из первых отечественных работ, показывающая всестороннюю картину антиколониального выступления африканских племен против колонизаторов. В этом же году выходит отдельная монография Б.М. Туполева, в которой изучается политика Германии на Ближнем востоке и в Восточной Африке³⁵. Германская Юго-Западная Африка была главным предметом исследования в исследовании российского историка С.В. Буталия. Автор акцентировал внимание на отношениях между коренным населением и колониальной администрацией³⁶. Рассмотрение деятельности Германской империи и Пангерманского союза в Китае находит отражение в статье А.А. Турыгина³⁷. Автор показывает, как пангерманцы, используя идеи расового превосходства, «жизненного пространства» и имперского престижа, создавали образ Цзяочжоу как «образцовой колонии» и стремились формировать в немецком обществе поддержку экспансионистского курса.

---

³¹ Sack P.G. *Land Between Two Laws: Early European Land Acquisitions in New Guinea*. Canberra, 1973.

³² Schrameier L.W. *Kiautschou seine Entwicklung und Bedeutung*. Berlin, 1915.

³³ Coco O. *German Imperialism in China: The Leasehold of Kiaochow Bay (1897–1914)* // *The Chinese Historical Review*. 2020. Vol. 26(2). P. 156–174.

³⁴ Пегушев А.М., Туполев Б.М. *Восстание Маджи-Маджи. Становление и кризис германского колониального правления в Восточной Африке*. М., 1991.

³⁵ Туполев Б.М. *Германский империализм в борьбе за место под солнцем: Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX - начале XX вв.* М., 1991.

³⁶ Буталий С.В. *Германия и Юго-Западная Африка: межцивилизационный контакт и его результаты: 1870-е гг. – 1915 г.: дисс. канд. ист. наук*. Краснодар, 2010.

³⁷ Турыгин А.А. *Пангерманская агитация и Китай: о задачах германской колониальной политики в Китае в конце XIX- начале XX века* // *Вестник Пермского университета*. 2023. №3(62). С. 18-27.

Третья историографическая группа – колониальная политика в период Нового империализма, представлена работами Дж. Лоу³⁸, Д. Маккензи³⁹ и Ю. Остерхаммеля⁴⁰. Данные исследования характеризуются повышенным вниманием к периоду конца XIX- начала XX в., когда происходил активный захват новых колоний европейскими странами. Несмотря на то, что работы содержат в себе анализ эпохи колониализма в целом, значительная роль в них отведена именно германской политике. Авторы рассматривают германский колониализм в сравнительной перспективе, выделяя его особые черты: поздний старт, агрессивность и тесную связь с националистическими проектами. Отдельные темы, связанные с периодом Нового империализма, как, например, Берлинская конференция 1884-1885 гг., поднималась, в том числе, и африканскими исследователями⁴¹. Среди отечественных исследователей описание империализма в Европе в целом, и в Германской империи частности, является главной темой в работе Е.В. Тарле⁴². Дальнейшее освещение в науке колониальной политики Германии в контексте международных отношений связано с именем А.Л. Нарочницкого⁴³.

Таким образом, несмотря на значительное количество исследований, посвященных общей истории германского колониализма, комплексное изучение колониальных практик Германии в отечественной историографии остается недостаточно разработанным. Отечественная наука лишь фрагментарно затрагивала вопросы германской колониальной политики с учетом новых теоретико-методологических подходов, тем самым сохраняя потребность в исследованиях, которые опирались бы на широкий круг

---

³⁸ Lowe J. The Great Powers, Imperialism and the German Problem, 1865-1925. London and NY., 1994.

³⁹ MacKenzie J.M. The Partition of Africa, 1880-1900 and European imperialism in the nineteenth century. London, 1983.

⁴⁰ Osterhammel J. The transformation of the world. A global history of the nineteenth century. Princeton, 2014.

⁴¹ Uzoigwe G.N. Reflections on the Berlin West African Conference, 1884-1885 // Journal of the Historical Society of Nigeria. 1984. Vol. 12(3/4). P. 9-22.

⁴² Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма, 1871-1919 гг. М., 1928.

⁴³ Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860–1895. М., 1956.

источников, включая новые архивные документы, а также использовали постколониальную оптику.

Объектом исследования выступает Германская колониальная империя.

Предметом – особенности формирования и функционирования Германской колониальной империи на рубеже XIX-XX в.

Целью исследования является выявление специфики колониальных практик Германской империи с учетом региональных и локальных аспектов.

Исходя из поставленной цели, были сформулированы следующие **задачи**:

1. Рассмотреть основные этапы формирования германской колониальной империи и действия, способствующие возникновению колоний в Африке, Океании и Китае;
2. Изучить региональные и локальные особенности германских колоний, их организацию и способы управления;
3. Выявить причины, механизмы и последствия конфликтов между германской колониальной администрацией и коренным населением с учетом региональных и локальных особенностей.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1884 по 1914 гг., в который происходили все основные процессы, связанные с колониальной политикой Германской империи. Нижняя граница обусловлена тем, что 1884 г. стал отправной точкой оформления Германской империи как колониальной державы. Верхняя граница определена началом Первой мировой войны, которая привела к быстрой оккупации германских колоний странами Антанты и последующей полной утрате Германией всех ее заморских владений после завершения мирового конфликта.

Диссертационная работа опирается на широкую **источниковую базу**, которая может быть подразделена на несколько групп в соответствии с их видовыми характеристиками.

Первая группа – обширный комплекс документов из фондов Архива внешней политики Российской империи, ведомственного архива в

подчинении министерства иностранных дел (далее АВПРИ), среди которых находятся источники российского, французского и немецкого происхождения, отражающие российскую оценку германской колониальной политики в конце XIX – начале XX в. Эти материалы представляют значительный интерес, так как позволяют взглянуть на события глазами современников и очевидцев ключевых международных событий.

В данную группу входят донесения российских дипломатов, послов, резидентов, работавших в Берлине, Париже, Танжере и других городах. В их отчетах, телеграммах и докладных записках подробно освещались инициативы Германской империи, реакция немецкого правительства, а также позиция европейских держав. Особую ценность представляют секретные донесения и депеши в Министерство иностранных дел России. В них дается ретроспектива таких событий как Марокканские кризисы 1905 и 1911 гг., включая оценку мотивов и целей Германии. Так, например, депеши В.Р. Бахерахта из Танжера содержали детальный разбор предпосылок кризиса⁴⁴, включая попытки Германии подорвать франко-британское соглашение 1904 г. Российские дипломаты отмечали стремление Берлина добиться не только экономических выгод, но и ослабить Антанту, используя колониальные конфликты как инструмент давления.

Важное место среди документов архива занимают материалы о событиях в Африке, в частности о восстании гереро и нама (1904-1907 гг.). Российский посол в Берлине Н.Д. Остен-Сакен регулярно направлял в Петербург отчеты о военных действиях, настроениях в обществе и правительстве⁴⁵. При оценке данных материалов, однако, необходимо понимать, что Остен-Сакен являлся германофилом, и некоторые его оценки действий Германии могли быть необъективными.

Вторая группа источников – документы официального происхождения. К ним относятся международные договоры, заключенные Германской

---

⁴⁴ АВПРИ. Ф. 167. Посольство в Берлине. Оп.509/1. Д. 4632.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 167. Посольство в Берлине. Оп. 509/1. Д. 4566. №30. Л. 52.

империей с Великобританией и Францией, а именно Гельголандско-Занзибарское соглашение⁴⁶ и франко-германский договор по Марокко⁴⁷. Кроме того, в работе анализируются франко-британское соглашение⁴⁸ и секретный договор между Испанией и Францией по Марокко⁴⁹, что дает возможность реконструировать систему международных отношений исследуемого периода. В диссертационном исследовании используется официальная переписка канцлера Бисмарка с британским послом графом Мюнстером, в котором стороны обсуждали обмен острова Гельголанд в пользу Германии в обмен на поддержку английских приобретений в Египте⁵⁰. В работе также приведено секретное соглашение между Великобританией и Германской империей о разделе португальских колоний⁵¹.

В эту же группу входят договоры между немецкими частными лицами (А. Людериц, К. Петерс) и вождями народов Африки, подразумевающие уступку территорий африканскими племенами в обмен на защиту со стороны Германии – договоры о защите. В 1884-1885 гг. подобные соглашения были заключены со многими народами Юго-Западной Африки: бетанийцами⁵²,

---

⁴⁶ Helgoland-Sansibar-Vertrag, 1890. URL: <https://deutsche-schutzgebiete.de/wordpress/helgoland-sansibar-vertrag/> (Дата обращения: 12.07.2023)

⁴⁷ Deutsch-französisches Abkommen über Marokko vom 4. November 1911. URL: <https://deutsche-schutzgebiete.de/wordpress/projekte/marokkokrisen/marokkoabkommen-1911/> (Дата обращения: 25.10.2024)

⁴⁸ The Franco-British Declaration, 1904. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/entecord.asp (Дата обращения: 19.04.2023)

⁴⁹ Espagne et France. Accord secret relatif au Maroc, signe a Paris le 3 octobre 1904 // la Revue Générale de Droit International Public, tome XIX. URL: https://www.usc.gal/export9/sites/webinstitucional/gl/institutos/ceso/descargas/Esp-Fr_Accord-secret-1904_fr.pdf (Дата обращения: 19.04.2025)

⁵⁰ Der Botschafter in London Graf Münster an den Reichskanzler Fürsten von Bismarck; Der Reichskanzler Fürst von Bismarck an den Botschafter in London Grafen Münster // Die grosse Politik der europäischen Kabinette: Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes. Band 4. S. 50-62.

⁵¹ Verträge zwischen der deutschen und der englischen Regierung vom 30. August 1898 // Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871-1914, im Auftrage des Auswärtigen Amtes. Band 14. Erste Hälfte. S. 347.

⁵² Schutzvertrag mit Bethanien / SWA vom 28.10.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 248-250.

топнаарами⁵³, общиной рехоботеров⁵⁴ и гереро⁵⁵. Такая же практика применялась и в Восточной Африке, где удалось добиться заключения договоров о защите с вождями племен Нгуру⁵⁶, Кимола,⁵⁷ Мангунго⁵⁸, Себегул⁵⁹. В Камеруне представители Германии в этот же период установили власть империи путем заключения договоров с вождями Моссасо, Нжека, Кумбо, Экуме, Мадиба, Леоа и Буссунго⁶⁰, а в самой маленькой колонии в Африке – Того, с королями Млапа⁶¹, Ндо и Бакунду⁶².

В диссертационном исследовании, для анализа политики правительства Германии, автор обращался к выступлениям канцлера Л. Каприви в рейхстаге⁶³, а также статс-секретаря иностранных дел и канцлера Б. Булова⁶⁴. Привлекалась речь германского императора Вильгельма II в Танжере в период франко-германского противостояния в Марокко.⁶⁵ Оценка выступления

---

⁵³ Vertrag mit Piet Haibib / SWA vom 19.08.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 347.

⁵⁴ Vertrag mit den Rehobother Bastards / SWA vom 13.10.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 247.

⁵⁵ Vertrag mit den Herero vom Omaruru / SWA vom 03.11.1885 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 271.

⁵⁶ Vertrag mit dem Sultan von Nguru / DOA vom 23.11.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 350.

⁵⁷ Vertrag mit dem Sultan von Kimola / DOA vom 27.11.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 352.

⁵⁸ Vertrag mit dem Sultan von Mangungo / DOA vom 29.11.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 353.

⁵⁹ Vertrag mit dem Sultan von Sebegul / DOA vom 29.11.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 354.

⁶⁰ Vertrag mit King Mossasso / Kamerun vom 07.01.1885, Schutzvertrag mit König Njeka / Kamerun vom 07.01.1885, Schutzvertrag mit König Kumbo von Uanda / Kamerun vom 10.01.1885, Schutzvertrag mit König Ekume / Kamerun vom 10.01.1885, Schutzvertrag mit König Debundje / Kamerun vom 10.01.1885, Schutzvertrag mit König Madiba/ Kamerun vom 10.01.1885, Vertrag mit König Leoa / Kamerun vom 16.01.1885, Vertrag mit König Bussungo / Kamerun vom 25.02.1885 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 251-258.

⁶¹ Vertrag mit König Mlapa / Togo vom 05.07.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 243.

⁶² Vertrag mit Togo-Häuptlingen vom 05.11.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 349.

⁶³ Die Reden des Grafen von Caprivi im Deutschen Reichstage, Preussischen Landtage und bei besonderen Anlässen. Berlin, 1894.

⁶⁴ Bulow B. Reden nebst urkundlichen Beiträgen zu seiner Politik. Berlin, 1907.

⁶⁵ Из речи Вильгельма II в Танжере 31 марта 1905 г. №86 // Международные отношения 1870-1918 гг. С. 155.

требует критического подхода, так как отражает сугубо личный взгляд императора. Другим значимым источником являются стенограммы заседаний трех Колониальных конгрессов, проходивших в Берлине в 1902, 1905 и 1910 гг. В трех томах можно проследить некоторые аспекты немецкой колониальной политики, а также рассмотреть проблемы, которые возникали при обсуждении различных колониальных вопросов⁶⁶.

Третья группа источников включает в себя источники личного происхождения. В работе используются мемуары государственных деятелей Германии, колониальных губернаторов и офицеров колониальных войск. Воспоминания канцлеров Германской империи – Бернгарда фон Бюлова⁶⁷, Отто фон Бисмарка⁶⁸ и Хлодвига Гогенлоэ⁶⁹ раскрывают планы Германской империи относительно внешней политики и усилению своего положения не только в Африке, но и в других частях мира. Важно подчеркнуть воспоминания адмирала Альфреда фон Тирпица, который также уделяет внимание колониальной политике Германии⁷⁰.

Интересны воспоминания последнего императора Германии Вильгельма II, изданные после Первой мировой войны. В них упоминаются многие решения канцлеров, с которыми обсуждались колониальные проекты и другие аспекты внешней политики: мировая война, ее окончание и трибунал⁷¹.

Использование в работе мемуаров Пауля Рорбаха, члена Пангерманского союза, необходимо для рассмотрения колониальной политики с точки зрения одного из крупнейших колониальных движений⁷².

---

⁶⁶ Die Verhandlungen des Deutschen Kolonialkongresses 1902 zu Berlin am 10. und 11. Oktober 1902. Berlin, 1903. 856 s.; Die Verhandlungen des Deutschen Kolonialkongresses 1905 zu Berlin am 5., 6. und 7. Oktober 1905. Berlin, 1906. 1055 s.; Die Verhandlungen des Deutschen Kolonialkongresses 1910 zu Berlin am 6., 7. und 8. Oktober 1910. Berlin, 1910. URL: <https://brema.suub.uni-bremen.de/dsdk/periodical/titleinfo/1961313>

⁶⁷ Бюлов Б. Воспоминания. М., 1935.

⁶⁸ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Пер. с нем. Тт. 1-3. М., 1940-1941.

⁶⁹ Мемуары кн. Гогенлоэ / пер. с нем. Г. Вильям. М., 1907.

⁷⁰ Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957.

⁷¹ The Kaiser's Memoirs by Wilhelm II. NY., 1922.

⁷² Рорбах П. Война и германская политика. М., 1915.

Воспоминания основателя Германской Восточной Африки Карла Петерса раскрывают обстоятельства установления германской власти в данной колонии, а также методы, к которым прибегали колонизаторы для достижения своих целей⁷³.

Понимание колониальной истории во многом опирается на мемуары и дневники губернаторов, чиновников и полевых командиров, в которых те описывали свою службу и жизнь в колониях. В них часто содержались фотоматериалы, приказы и карты территорий прохождения службы. Авторы стремились не просто задокументировать события, но и обосновать проводимую политику, сформировать определенный образ колонии в глазах немецкой общественности, описать методы управления и подавления сопротивления. Также ими подробно освещались вопросы военных кампаний, административного устройства, взаимодействия с местным населением и «цивилизаторской миссии». Уровень достоверности и информативности у таких источников различается, поскольку каждый из них предлагает субъективный взгляд, часто призванный представить автора в выгодном свете.

Теодор Готтхильф Лейтвейн, впоследствии ставший одним из самых известных немецких губернаторов в африканских колониях, долгое время руководил Германской Юго-Западной Африкой. Его мемуары «Одиннадцать лет в качестве губернатора в Юго-Западной Африке Германии»⁷⁴ считаются значимой работой о Германской Юго-Западной Африке. Йеско фон Путткамер, губернатор Камеруна и Того, в своих воспоминаниях описывает все события, произошедшие в Камеруне во времена его губернаторства, уделяя особое внимание организации системы колониального управления⁷⁵. Губернатор Густав Гетцен⁷⁶ и командующий войсками Восточной Африки

---

⁷³ Peters C. Die Gründung von Deutsch-Ostafrika. Berlin, 1906.

⁷⁴ Leutwein T. Elf Jahre Gouverneur in Deutsch-Südwestafrika. Berlin, 1908.

⁷⁵ Puttkamer J. Gouverneursjahre im Kamerun. Berlin, 1912.

⁷⁶ Götzen G. Deutsch-Ostafrika im Aufstand 1905/06. Berlin, 1909.

Генрих Фонк⁷⁷ в своих дневниках описывали повседневную жизнь в колонии, различные события, включая подавления восстаний коренного населения.

В исследовании, помимо мемуаров губернаторов, приводятся воспоминания полевого командира Курта Швабе. Они были написаны на основе военных дневников, которые описывали военные действия с различными африканскими племенами с целью их покорения⁷⁸. Особое внимание уделено одно из самых долгих войн против африканских племен, которая началась с восстания племени герреро и продолжилась войной против народа нама⁷⁹. Кроме того, Швабе, за 16 лет своего пребывания там, опубликовал подробное описание Юго-Западной Африки, будучи очевидцем всех важных событий⁸⁰. Еще один ценный источник – труд Э. Нигманна, начальника военного округа в Германской Восточной Африке. В нем раскрывается не только структура колониальных войск, но и их участие в карательных операциях с целью предотвратить возможные восстания, а также для подавления произошедших антиколониальных выступлений⁸¹. Наконец, мемуары офицера Курта фон Франсуа позволяют проследить его роль в преодолении первого кризиса германской колониальной политики в Юго-Западной Африке, связанного с подчинением двух самых сильных племен: герреро и нама⁸².

Четвертая группа источников подставлена отчетами географических экспедиций, которые содержат важную и обширную информацию о территориях колоний Германской империи, контактах с коренным населением и, в некоторых случаях, восстаний против германской администрации. Среди таких источников можно выделить отчет немецкого

---

⁷⁷ Fonck H. Deutsch-Ost-Afrika: eine Schilderung deutscher Tropen nach 10 Wanderjahren. Berlin, 1910.

⁷⁸ Schwabe K. Mit Schwert und Pflug in deutsch-südwestafrika: Vier Kriegs- und Wanderjahre. Berlin, 1899.

⁷⁹ Schwabe K. Der Krieg in Deutsch-Südwestafrika, 1904-1906. Berlin, 1907.

⁸⁰ Schwabe K. Im deutschen Diamantenlande: Deutsch-Südwestafrika von der Errichtung der deutschen Herrschaft bis zur Gegenwart (1884-1910). Berlin, 1909.

⁸¹ Nigmann E. Geschichte der Kaiserlichen Schutztruppe für Deutsch-Ostafrika. Berlin, 1911.

⁸² Francois C. Deutsch-Südwest-Afrika. Berlin, 1899.

путешественника Пауля Райхарда, который пять с половиной лет находился в Восточной Африке и опубликовал ряд связанных с ней трудов. Его отчет «Германская Восточная Африка: страна и ее жители»⁸³ описывает территории германской Восточной Африки в начале 1890-х годов, его жителей, а также климат, рабство и восстание, произошедшее во время его экспедиции.

Путешественник-географ Зигфрид Пассарге после экспедиции по территории Камеруна опубликовал отчет «Адамауа. Отчет об экспедиции Камерунского комитета Германии в 1893/94 г.»⁸⁴, в котором рассмотрел потенциал экономического развития региона с учетом особенностей местного населения. Еще одним источником является отчет Герхарда Рольфа, в котором собрана информация о первой немецкой колонии в Юго-Западной Африке⁸⁵.

Путешественник Генрих Клозе первым совершил длительную поездку в колонию Того и составил подробное описание этой африканской колонии⁸⁶. Кроме него свой опыт посещения и пребывания в колонии представил офицер Георг Триренберг, который уделил внимание структуре колониального управления колонией⁸⁷.

Пятая группа источников – сочинения современников, которые занимают особое место в источниковой базе данного исследования. Они не просто описывают колониальную политику, но и активно участвуют в её формировании, обосновании и популяризации. Через них реконструируется «дух времени» – идеи и аргументы, определявшие общественную и политическую дискуссию вокруг колониализма в Германии. Многие из этих работ тесно связаны с деятельностью ключевых колониальных институтов и

---

⁸³ Reichard P. Deutsch-Ostafrika: Das Land und seine Bewohner. Leipzig, 1892.

⁸⁴ Passarge S. Adamaua. Bericht über die Expedition des Deutschen Kamerun-Komitees in den Jahren 1893/94. Berlin, 1895.

⁸⁵ Rohlf G. Angra Pequena: Die erste deutsche Kolonie in Afrika. Leipzig, 1884.

⁸⁶ Klose H. Togo unter deutscher Flagge. Berlin, 1899.

⁸⁷ Trierenberg G. Togo. Die Aufrichtung der deutschen Schutzherrschaft und die Erschließung des Landes. Berlin, 1907.

дают представление о структуре, методах работы и публичной активности лоббистских групп, продвигавших колониальные проекты.

Среди таких работ стоит отметить работу Гассе «Германская политика»⁸⁸, в которой главный вектор внешней политики отводится именно приобретению колоний и их дальнейшему развитию. Ф.К. Хюттер в сборнике «Заморская Германия» приводит описание колоний на основании воспоминаний людей, живших или исследовавших германские заморские территории⁸⁹. А. Зупан подробно изучил территориальные изменения колоний европейских стран⁹⁰. Особенности организации колониального аппарата рассматриваются в работе Франца Флорака. Этот труд, опирающийся на внушительную архивную базу, дает системное представление о структуре и принципах управления колониями⁹¹. В исследовании также приводится отчет Густава Майнеке о первой немецкой колониальной выставке, которая прошла в 1896 г.⁹²

Важным источником в диссертации является труд Альфреда Циммермана⁹³, который исследует колониальную политику не только в Африке, но и в других регионах. Его исследование служило целям обоснования и популяризации колониальной политики, а также оправдания затрат на колониальные проекты в глазах немецкой общественности. Данная работа является отражением пропаганды германского колониализма накануне Первой мировой войны. Труд Э. Прегера «Германское колониальное общество» позволяет изучить историю одного из самых влиятельных колониальных институтов, который поддерживал активную колониальную экспансию и помогал правительству Германской империи⁹⁴.

---

⁸⁸ Hasse E. Deutsche Politik. München, 1908.

⁸⁹ Hutter F.K. Das Überseeische Deutschland. Stuttgart, 1913.

⁹⁰ Supan A. Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien. Gotha, 1906.

⁹¹ Florack F. Die Schutzgebiete, ihre Organisation in Verfassung und Verwaltung. Tübingen, 1905.

⁹² Meinecke G. Deutschland und seine Kolonien im Jahre 1896: amtlicher Bericht über die erste Deutsche Kolonial-Ausstellung. Berlin, 1897.

⁹³ Zimmermann A. Geschichte der deutschen Kolonialpolitik. Berlin, 1914.

⁹⁴ Prager E. Die deutsche Kolonialgesellschaft 1882-1907. Berlin, 1908.

Шестая группа представлена материалами прессы. Среди периодических изданий в работе представлены немецкие газеты *Deutsche Kolonialzeitung*⁹⁵, *Freiburger Zeitung*⁹⁶ и *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*⁹⁷, которые освещали все важнейшие события колониальной политики Германской империи. Периодические издания служили основным каналом формирования общественного восприятия колониальной экспансии. Анализ публикаций в *Deutsche Kolonialzeitung* (официальном органе Германского колониального общества) позволяет узнать, как власть конструировала образ «цивилизаторской миссии» и реагировала на кризисы. В *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, близкой к правительственным кругам, прослеживается эволюция официальной риторики от осторожной политики Бисмарка к агрессивному подходу Вильгельма II.

Теоретико-методологические основы исследования. В качестве теоретической рамки в диссертации использован постколониальный подход. Этот подход использует несколько теорий для комплексного анализа колониальных текстов, практик и их последствий. Теория Э. Саида⁹⁸ позволяет исследовать, как в германском колониальном дискурсе (литературе, политических документах, прессе) конструировались и закреплялись репрезентации колонизированных народов Африки, Азии или Океании как «других», оправдывающие имперское господство. Подход Х. Бхабха⁹⁹ показывает реакцию колонизированных субъектов на навязываемые модели (язык, образование, религию, труд): не просто пассивное принятие или сопротивление, а сложные процессы мимикрии. Наконец, подход Г. Спивак исследует отсутствие или искажение голосов «субалтерна» в доминирующем

⁹⁵ *Deutsche Kolonialzeitung* // <https://sammlungen.ub.uni-frankfurt.de/kolonialbibliothek/periodical/titleinfo/7720783> (дата обращения: 12.04.2025).

⁹⁶ *Freiburger Zeitung* // <https://www.freiburg-postkolonial.de/Seiten/presse.htm> (дата обращения: 12.04.2025).

⁹⁷ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* // <https://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/list/title/zdb/28028685/> (дата обращения: 12.04.2025).

⁹⁸ Саид Э. Ориентализм. СПб., 2006.

⁹⁹ Bhabha H. Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse. // The MIT Press, 1984. Vol. 28. P. 125-133.

дискурсе¹⁰⁰. Акцент в исследовании делается на деконструкции колониального дискурса, анализе механизмов власти, а также на изучении взаимодействия метрополии и колонизированных территорий. Это позволяет выявить скрытые структуры насилия и эксплуатации, которые ранее оставались на периферии исторических исследований.

В качестве ключевого исследовательского подхода в данной работе выступает также культурная география. Этот подход фокусируется на анализе пространственных аспектов культуры, рассматривая территорию как сложный продукт социальных практик, наделенный смыслами и символами. Культурно-географическая оптика позволяет исследовать как идентичность, властные отношения, коллективная память и дискурсивные практики материализуются в ландшафте, формируя социально конструируемое пространство. Междисциплинарный характер подхода, объединяющий географию, антропологию, культурологию и социологию, дает возможность раскрыть диалектику материального и символического в организации пространства.

Основоположником подхода принято считать К. Зауэра¹⁰¹, чья методология оставалась актуальной вплоть до второй половины XX в. На рубеже третьей и последней четвертей XX в. возникло новое понятие в культурной географии – топофилия, получившее особое признание благодаря работам И-Фу-Туана¹⁰².

В российской науке систематизатором и интерпретатором культурной географии является В.Н. Стрелецкий, адаптировавший зарубежные концепции (немецкую, французскую, англо-американскую школы) для

---

¹⁰⁰ Spivak G.C. Can the Subaltern Speak? // Nelson C. Grossberg L. Marxism and the Interpretation of Culture. P. 271-313

¹⁰¹ Sauer K. Morphology of Landscape // University of California. Publications in Geography. 1925. Vol. II. №. 2. P. 19-53.

¹⁰² Tuan Yi-Fu. Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes and Values. Englewood Cliffs, NJ.: Prentice-Hall, 1974. 260 p.

российского контекста и исследовавший эволюцию понятия «культурный ландшафт» в рамках «культурного поворота» в географии¹⁰³.

Помимо указанных подходов, в диссертации используются традиционные исторические методы. Историко-генетический метод нацелен на изучение развития конкретных исторических явлений и анализ причинности изменений. Этот метод применяется для рассмотрения основных этапов формирования Германской колониальной империи и определения закономерности исторических явлений. Компаративные приемы необходимы для сравнения подконтрольных Германской империи регионов и рассмотрения отношений между германской администрацией и коренным населением с учетом региональных особенностей. Историко-системный метод необходим в изучении германской колониальной администрации как единой системы, с дальнейшим рассмотрением ее отдельных элементов: колониальных войск, губернаторов, законов и миссий. При изучении мемуаров колониальных администраторов этот метод необходим для рассмотрения их деятельности как части общей системы.

В рамках диссертационного исследования под региональными аспектами понимаются крупные географические и историко-культурные зоны, в которых осуществлялась колониальная экспансия Германской империи – прежде всего Африка и Океания. Изучение регионального уровня позволяет выявить общие закономерности и особенности германской колониальной политики в данных регионах, выделить специфику политических, административных и экономических стратегий, применявшихся Германией.

Локальные аспекты относятся к отдельным колониям или территориальным образованиям в пределах региона, таким как Юго-Западная Африка, Германская Восточная Африка, Камерун, Того, а также владения в Океании и Китае. Локальный анализ фокусируется на конкретных практиках

---

¹⁰³ Стрелецкий, В. Н. Культурно-ландшафтные исследования за рубежом: национальные традиции и научные школы в мировой культурной географии / В. Н. Стрелецкий // Псковский регионологический журнал. – 2020. – № 3(43). С. 73-91.

управления, взаимодействии колониальной администрации с местными сообществами, особенностях хозяйственного освоения, а также специфике конфликтов с коренным населением. Такой подход позволяет учитывать уникальные особенности отдельных локальных сегментов, что необходимо для более детальной реконструкции колониальной политики.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Важным элементом новизны является комплексный анализ германской колониальной политики, основанный на междисциплинарном и новых теоретических подходах. В частности, автор опирается на постколониальный подход, а также востребует теоретические достижения культурной географии, что позволяет критически переосмыслить традиционные нарративы о германской колониальной экспансии.
2. Диссертация вносит вклад в изучение локального и регионального факторов Германской колониальной империи. Анализируются такие аспекты как адаптация административных практик к местным условиям, экономическая специфика колоний и их этнический состав.
3. В ходе исследования автор уточняет двойственность позиции германских политических кругов в отношении необходимости скорейшего подавления восстаний гереро и нама, раскрывая таким образом неоднозначность колониального дискурса Германской империи.
4. Диссертант вводит в научный оборот ранее не опубликованные и малоизученные архивные материалы из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), а также широкий пласт новых источников и литературы по теме исследования, которые позволяют реконструировать и проанализировать механизмы управления колонизированным населением и изучить международные обстоятельства германской колониальной экспансии.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Германская империя использовала стратегию «охраняемых территорий» (Schutzgebiete), в ходе реализации которой захват колоний инициировался

частными лицами (А. Людериц, К. Петерс), а государство включалось в процесс на этапе официального признания колониально зависимых территорий.

2. Неэффективность концессионных обществ (например, Восточно-африканская компания) на раннем этапе колонизации в 1880-1890-е гг. вынудила Германскую империю перейти к политике прямого управления колониями.
3. Христианские миссии сыграли важную роль в разрушении традиционных укладов коренного населения колоний, внедрении европейских ценностей и создании лояльной колонизаторам элиты.
4. Подавление восстаний гереро, нама и Маджи-Маджи сопровождалось массовым уничтожением населения с использованием тактики «выжженной земли», расправами с восставшими и изгнанием народов с их земель. Эти действия сегодня признаются первым геноцидом XX в. Неполное признание Германией геноцида отражает незавершенность процесса исторического примирения.
5. Во время реформ Бернхарда Дёрнбурга в 1907-1910 гг. Германия перешла к технократическому управлению, при котором метрополия развивала инфраструктуру и местное производство, создавала программы обучения чиновников. Однако, эти меры не снижали уровень эксплуатации населения: германская политика сохраняла расовое неравенство и ее целью оставалось получение максимальной выгоды от использования ресурсов колоний.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что материалы и выводы работы могут быть использованы в исследованиях историков-германистов, африканистов, преподавании таких дисциплин как история Германии в Новое время, История Нового времени, а также международных отношений на рубеже XIX–XX в.

Апробация результатов исследования. Работа обсуждалась на заседании кафедры всеобщей истории и была рекомендована к защите. Положения и выводы диссертации были представлены в 4 рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации, а также в 5 статьях в научных изданиях, индексируемых в базе данных РИНЦ. Отдельные аспекты рассматриваемых в диссертации вопросов были представлены в докладах на научных конференциях: «Первая мировая война в исторической памяти России и Европы: документальные свидетельства и исторические нарративы», г. Москва, ФГБОУ ВО «РГГУ» (г. Москва, Российская Федерация), 09.11.2023; «Традиции российской исторической германистики в исследованиях молодых ученых», ФГБОУ ВО «РГГУ» (г. Москва, Российская Федерация), 29.03.2024.

Структура исследования. Диссертация структурирована на основе проблемно-хронологического принципа. Текст диссертации состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка источников, списка литературы и трех приложений. В первой главе «Германская колониальная империя: основные этапы развития» описываются действия Германии по началу заморской экспансии и построению колониальной империи к концу XIX в. Вторая глава «Региональные и локальные особенности германской колониальной политики» рассматривает процесс формирования отношений между немецкими колониальными властями и коренным населением колоний, структуру колониальных администраций и христианские миссии, являвшихся важным инструментом колониальной политики. Третья глава «Конфликты германской колониальной администрации с коренным населением: региональный аспект» исследует конфликты с коренным населением в Юго-Западной и Восточной Африки, анализируя причины, ход и последствия восстаний, а также реакцию метрополии, приведшую к попыткам реформирования колониальной системы.

В заключении сформулированы основные выводы и подведены итоги исследования.

ГЛАВА 1. ГЕРМАНСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ:

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

1.1. НАЧАЛО КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ

После франко-германской войны (1870-1871 гг.) завершилось объединение всех немецких земель в составе Германской империи, что способствовало быстрому росту всей промышленности и наращиванию темпов экономического развития, которые вскоре стали выше, чем у других крупных европейских государств. Большая часть полученной от Франции контрибуции направлялась на субсидии промышленности, в то время как помощь от правительства сочеталась с самостоятельным расцветом немецкой промышленности¹⁰⁴, которая требовала для себя гораздо больше сырья, чем в доимперский период. Молодая империя ставила перед собой цель значительного увеличения экономического и военного потенциала.

Для проведения колониальных завоеваний в будущем, немецкая буржуазия начала проводить в стране политику по формированию общественного сознания во всем немецком социуме в пользу активной колониальной политики. В этом ей помогали многие миссионеры, ученые, путешественники, госслужащие и политические деятели через газеты или общественные организации, что стало одним из способов давления на правительство для начала колониальной экспансии. Все они рассматривали начало массового движения и дальнейшее привлечение к нему новых людей для осуществления захвата заморских территорий как способ решения проблем в стране. Считалось, что отсутствие в настоящий момент колоний у Германии не может являться поводом к отступлению от будущей колониальной экспансии.

По результатам войны с Францией, Германии были предложены ряд колоний в качестве компенсации. Отказ Германии от них мог быть

---

¹⁰⁴ Ростиславлева Н. В. Импульсы глобализации в осмыслении истории Германии XIX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2016. – Т. 7. – Выпуск 10 (54). URL: <https://history.jes.su/s207987840001767-2-1/> DOI: 10.18254/S0001767-2-1

аргументирован неготовностью империи вступать на тропу колониальной экспансии, учитывая наличие более актуальных и важных проблем как во внешней, так и внутренней политике. Правительство во главе с Отто фон Бисмарком в начале 1880-х игнорировало или вовсе отказывалось от предложений о колонизации некоторых территорий, как, например, Новой Гвинеи в 1880 г¹⁰⁵. А в 1882 г. Бисмарк объявил в официальной печати, что политическая обстановка на тот момент не позволяла правительству принимать какое-либо участие в колониальной политике¹⁰⁶.

У многих современников Бисмарка складывалось мнение о нем как о противнике империалистической экспансии. Его мнение касательно данного аспекта внешней политики постепенно претерпевало изменения, а окончательные взгляды сформировались к середине 80-х гг. Нельзя не заметить, как Бисмарк довольно продолжительное время говорил о несвоевременности колониальной политики для молодой империи, однако не было заявлений об отказе Германской империи от заморских владений в обозримом будущем. К середине 80-х гг. империей были определены основные цели и задачи будущей колониальной политики. Они заключались в защите немецких предпринимателей в разных частях мира. Правительство Германской империи было готово к проведению колониальных захватов, что вскоре привело к поиску свободных и подходящих земель. Африка стала тем местом, где уже долгое время существовали немецкие христианские миссии, которые впоследствии помогали географическим экспедициям из Германии¹⁰⁷.

Споры о необходимости колоний существовали довольно длительное время. Правительство империи не могло полностью игнорировать потенциальные колониальные проекты и те группы населения, которые имели

---

¹⁰⁵ Zimmermann A. Op. cit. S. 20-21.

¹⁰⁶ Ibid. S. 42.

¹⁰⁷ Rolfs G. Angra Pequena die erste deutsche Kolonie in Afrika. S. 11.

свой интерес в экспансии. Долгое время осознание необходимости существования германских колониальных владений ограничивалось узким кругом заинтересованных сторон, но с конца 1870-х гг. идея захвата заморских территорий получала все больше поддержки. Ключевым вопросом дискуссий были потенциальные выгоды, которые страна могла получить от экспансии. Было очевидно, что после начала своей колониальной политики Германии придется столкнуться с Англией и Францией, а отношения между странами претерпят явные изменения. Противоречий с Англией, экономических или колониальных, у новообразовавшейся Германской империи в то время еще не было. Наоборот, влиятельные круги Англии не без симпатии взирали на Германию, в которой хотели бы видеть противовес своим континентальным соперникам – России и Франции¹⁰⁸.

Для Германии помимо внешнеполитических соображений, которые в первую очередь касались лиц, принимающих политические решения, можно выделить и другие аргументы сторонников колониальной экспансии в пользу захвата заморских территорий. В историографической науке существует несколько теорий империализма, согласно которым на рубеже XIX-XX в. европейские страны, и, в частности, Германия, начали активный захват новых территорий. Одним из важных мотивов могли быть торговые интересы: колонии обеспечивали бы метрополию необходимыми ресурсами и, в то же время, служили рынками сбыта товаров из метрополии. Помимо конкретных интересов купцов и предпринимателей, колонии были связаны с надеждой компенсировать кризисы перепроизводства и таким образом контролировать экономические циклы, парализовавшие экономику в фазе депрессии 1882-1886 гг.¹⁰⁹ Кроме того, Г. Хальгартен считал, что некоторые слои населения, активно выступающие за начало колонизации, становились инструментом в руках магнатов тяжелой промышленности и крупных финансистов –

---

¹⁰⁸ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т.1. С. XXVII.

¹⁰⁹ Conrad S. Deutsche Kolonialgeschichte. S. 24.

единственных кругов, которые могли извлекать постоянную пользу из германской колониальной политики¹¹⁰.

Национальный энтузиазм, безусловно, был другой важной движущей силой. Государственные деятели, со своей стороны, были гораздо менее склонны участвовать в дорогостоящих заморских предприятиях, чем те слои населения, которые соблазнялись смутными перспективами будущего величия и экономических преимуществ для своей собственной нации. Если бы не национальный энтузиазм по поводу активной заморской политики, разделяемый буржуазией и в некоторой степени широкими массами, господствующие элиты, вероятно, не смогли бы убедить правительство проводить империалистическую политику в масштабах, наблюдавшихся во второй половине XIX – начале XX в. Стоимость управления захваченными территориями и постоянно растущие расходы на вооружение, необходимые из-за соперничества между державами, были совершенно несоизмеримы экономической ценности приобретенных колоний. Государственные деятели хорошо это осознавали, но общественное мнение снова и снова побуждало их к империалистическим действиям, даже с риском военных осложнений¹¹¹.

По мнению некоторых историков, включая Г.У. Велера, ситуация с Германской империей отличалась от других стран. В ней господствующие классы были едины в призыве к экономической экспансии любыми средствами, поскольку, в противном случае, социальная структура могла быть подорвана, что привело бы страну к революции. В этом смысле империализм был не только политикой, призванной сглаживать колебания в торговом цикле и обеспечивать непрерывный экономический рост, но и стратегией, посредством которой правящая элита стремилась защитить социальный порядок от элементов, поднимающихся снизу, и сохранить свое собственное привилегированное положение¹¹².

---

¹¹⁰ Хальгартен Г. Ук. соч. С. 313.

¹¹¹ Mommsen W.J. Theories of imperialism. P. 71.

¹¹² Wehler H.U. Bismarck und der Imperialismus. S. 158.

Главным мотивом Бисмарка, согласно теории Велера, было расколоть либеральную оппозицию и таким образом не допустить ее к власти. Его империализм был продиктован внутренней политикой: политика колониальных приобретений была в конечном счете формой «манипулируемого социального империализма» с целью защиты консервативной социальной структуры, одновременно подавляя или пресекая все политические движения, которые каким-либо образом противостояли его цели. Согласно концепции «социального империализма» Велера, колониальная политика использовалась многими странами, включая Германию, для отвлечения внимания от внутренних социальных конфликтов¹¹³.

Все вышесказанное указывает на смену вектора в развитии колониальной стратегии. У самого государства, и, в частности, у правительства начал появляться интерес к заморской экспансии. Бисмарк вместе с правительством взяли на себя ответственность за смену всего курса внешней политики и одобрили идею о превращении Германии в колониальную империю. Для начала успешной колониальной экспансии в Африке было необходимо создать прочную финансовую базу, иметь стратегические опорные центры, а также начать работу по привлечению в будущие колонии немецких граждан. Правительство понимало и необходимость изучения особенностей африканских территорий. Так, например, при изучении регионов в устьях рек Центральной Африки был сделан вывод, что данные регионы категорически не подходят для жизни европейцев¹¹⁴.

К началу 1880-х гг. XIX в. владельцами большей части колоний по-прежнему были Франция и Англия, а многие европейские державы только начинали захват новых территорий в Африке или старались расширить уже

---

¹¹³ Wehler H.U. Sozialimperialismus. S. 86.

¹¹⁴ Europäische Colonien in Afrika und Deutschlands Interessen sonst und jetzt. S. 32.

имеющиеся колонии вглубь континента¹¹⁵. Можно смело утверждать, что именно с конца 1870-х – начала 1880-х гг. открылся новый период колониальной экспансии, получивший в историографии название «Новый империализм»¹¹⁶. Германия вступала в колониальную «гонку» гораздо позже других европейских стран, но именно ее стремительное вступление в борьбу за колонии подталкивало другие европейские державы к активным действиям.

С начала 1880-х гг. правительство Рейха пошло навстречу часто высказываемым пожеланиям о начале приобретения заморских территорий. Все они носили один и тот же характер: не правительство брало на себя инициативу по поиску колоний, а это были частные инициативы. Торговцы заключали договоры с вождями племен и просили у Германской империи защиты от нарушений этих договоров как со стороны коренных народов, так и европейских держав. Правительство выясняло, нет ли еще на территории других европейских претендентов, и, как только это установлено, предоставляло покровительство и, таким образом, защищало территорию, на которую претендовали немецкие купцы, от аннексии¹¹⁷.

Бисмарк считал, что намерение Германской империи «состоит не в том, чтобы основать провинции, а торговые предприятия»¹¹⁸, имея в виду суверенные торговые компании XVII и XVIII вв. К концу XIX в. такая форма колонизации считалась устаревшей, однако Германия, Англия и Португалия тщетно пытались вдохнуть в нее новую жизнь. Оптимальной моделью для Бисмарка была Британская Ост-Индская компания, а не французская политика поселений в Алжире. Поэтому он прямо говорил об «охраняемых территориях» (Schutzgebiete) и избегал термина «колония», который подразумевал территориальные претензии и участие государства в управлении. Таким образом, поддержка частных концессионных компаний, с

---

¹¹⁵ См. Приложение №1

¹¹⁶ Okon E.N. Imperialism and Contemporary Africa: An Analysis of Continuity and Change // Journal of African Foreign Affairs. 2018. Vol. 5(2) P. 232.

¹¹⁷ Kolonialpolitischer Führer. S. 10.

¹¹⁸ Supan A. Op. cit. S. 258.

которой в 1884 г. началась колониальная политика империи, полностью соответствовала традициям бисмарковских концепций¹¹⁹.

Германская империя напрямую не проводила захват колоний: она выдавала так называемые охранные грамоты германским подданным, которые занимались судоходством или торговлей. Показателен пример приобретения земель в Юго-Западной Африке, где была провозглашена первая германская колония. В конце 1882 г. бременский купец Франц Адольф Эдуард Людериц приступил к осуществлению плана по закреплению своей компании на территории, на которую еще не претендовала ни одна европейская держава. Людериц заблаговременно убедился в поддержке своих действий со стороны Германского рейха, прежде чем приступить к осуществлению замысла. 16 ноября 1882 г. он уведомил Министерство иностранных дел о своем намерении и затем получил обещание о защите его приобретений. В то же время, ему ясно дали понять, что такие приобретения должны были действительно находиться в его собственности.

Людериц действовал при сотрудничестве с еще одним купцом Генрихом Фогельсангом, который прибыл в район Ангра Пекена 9 апреля 1883 г. к капитану Юзефу Фредериксу, являвшемуся владельцем данного района. 1 мая 1883 г. им удалось договориться о продаже залива Ангра-Пекена и прилегающей земли на протяжении пяти миль во всех направлениях за сумму в сто фунтов стерлингов золотом и двести винтовок¹²⁰. Некоторое время спустя Фогельзанг получил для Людерица «все побережье, включая все порты и бухты, внутренние районы до двадцати географических миль вглубь суши, считая от любой точки побережья», за 500 фунтов стерлингов и 60 английских орудий¹²¹. В феврале 1884 г. Людериц вернулся в Германию и сразу после прибытия вступил в переговоры с Министерством иностранных дел, чтобы получить декларацию о защите своих приобретений. Приобретение земли на реке Ангра-Пекена вызвало большой переполох среди европейских держав, и Англия ввела своего рода доктрину Монро для Южной Африки. Телеграмма

---

¹¹⁹ Conrad S. Deutsche Kolonialgeschichte. S. 23.

¹²⁰ Sander L. Geschichte der Deutschen Kolonialgesellschaft für Südwest-Afrika. S. 2.

¹²¹ Ibid. S. 3.

о защите, которую Людериц представил 8 апреля 1884 г. в Министерство иностранных дел, побудила Бисмарка к широко известной депеше от 24 апреля 1884 г., в которой все приобретения Людерица были поставлены под защиту империи¹²².

Можно сказать, что 24 апреля 1884 г. по праву считается днем рождения немецкой колонизации, хотя торжественное провозглашение немецкого протектората над Юго-Западной Африкой произошло только 7 августа 1884 г. Роль Бисмарка в проведении колониальной экспансии не оставляет сомнений. Правительство империи долгое время подготавливало правовую основу для захвата территорий в Юго-Западной Африке. После этого события можно проследить решительность, с которой Германия проводила последующие завоевания. Действия правительства в поддержке инициативы Людерица могли означать изменение во всем внешнеполитическом курсе Германии. Начался стремительный захват новых территорий.

Одновременно в апреле 1884 г. было создано Общество германской колонизации. Позже, в 1887 г., оно объединилось с Германским колониальным союзом, что ознаменовало создание Германского колониального общества. Данное объединение сторонников колониальной идеи до самого распада Германской империи было важной частью колониальной политики государства. Общество стремилось не только содействовать в решении колониальных вопросов и поддерживать мероприятия по колонизации, но также укреплять связь между немцами в Германии и за ее пределами¹²³. Германское колониальное общество с самого начала быстро становилась массовым общественно-политическим объединением. Уже в первые годы работы были разработаны проекты, которые планировалось реализовать в ближайшее время. Среди таких проектов было создание торговой компании Нигер-Бенуэ и специальная экспедиция для помощи Эмин паше в Восточной Африке¹²⁴.

---

¹²² Instruktion des Reichkanzlers für Reichskonsul Lippert vom 24.04.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 146.

¹²³ Prager E. Op. cit. S. 52.

¹²⁴ Ibid. S. 56.

К концу XIX в. происходит новый период европейского проникновения в Танганьiku (Восточную Африку), как тогда называлась эта территория. Германия и Великобритания ожесточенно боролись за господство над этим регионом. В 1885 г. «Немецкое восточноафриканское общество» получило через Министерство иностранных дел «Имперское письмо о защите» от Карла Петерса с просьбой выдать охранную грамоту для захваченных им территорий в Восточной Африке¹²⁵. В последующие годы немцы смогли завоевать большие территории нынешней Танзании. К Германской Восточной Африки также присоединились регионы современных Бурунди и Руанды. Особая роль в колонизации этого региона принадлежит «Обществу немецкой колонизации», которое основал Карл Петерс. В ноябре-декабре 1884 г. он отправился во внутренние районы Занзибара, где заключил договоры о защите с правителями Усагары, Нгуру, Усегухи и Уками, которые были признаны высочайшим указом от 27 февраля 1885 г.¹²⁶

В Того с 1870-х гг. за французскими купцами последовали представители немецких торговых домов, которые требовали защиты и поддержки со стороны Германской империи. В апреле 1884 г. немецкая канонерская лодка «Мёве» отправилась с генеральным консулом Густавом Нахтигальем на побережье Западной Африки. В Того вождь Млапа уже искал защиты у Германии, в то время как существовала вероятность захвата региона со стороны Великобритании. 5 июля 1884 г. Густав Нахтигаль подписал с королем Того договор о защите, который распространялся на район между Афлаху и Гумкове¹²⁷.

В Камеруне первая немецкая фактория была открыта в 1868 г. 11 июля 1884 г. колониальное правление было установлено путем заключения договоров о защите с отдельными вождями, по которым племена уступали

---

¹²⁵ Ersuchen Carl Peters' an die Regierung um Unterstützung // Sorge R. Der neue deutsche Imperialismus. S. 132.

¹²⁶ Schutzbrief für die Gesellschaft für deutsche Kolonisation vom 27.02.1885 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 113.

¹²⁷ Vertrag mit König Mlapa/ Togo vom 05.07.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 243.

суверенные права и управление своей территорией в обмен на плату и частичные гарантии защиты¹²⁸. После формальной передачи этих прав Германской империи в Камеруне был провозглашен немецкий протекторат.

Даже несмотря на эти завоевания, Германия отставала от других европейских колониальных держав в «борьбе за Африку». Как позднее отмечалось, Германии в Африке достались малоценные с политической точки зрения территории¹²⁹. В конце XIX в. с 15 ноября 1884 г. по 26 февраля 1885 г. в Берлине была проведена международная конференция. Она была инициирована Францией и Германией и в будущем стала известна как «Конголезская конференция». В ней приняли участие представители 13 европейских держав, а также Османская империя и США.

В ходе переговоров в статьях Общего акта страны договорились по вопросам торговли, борьбы с рабством¹³⁰, нейтралитета стран в зонах свободной торговли. Важной частью акта была 12-я статья, целью которой была попытка создания способа регулирования потенциальных конфликтов между колониальными державами. Так, рассматривался вариант, по которому если между державами, подписавшими акт, или теми, кто может присоединиться впоследствии, возникнут серьезные разногласия относительно границ или в пределах границ территорий, то эти державы обязуются, прежде чем взяться за оружие, воспользоваться посредничеством одной или нескольких дружественных держав¹³¹.

---

¹²⁸ Vertrag mit King Mossasso/ Kamerun vom 07.01.1885, Schutzvertrag mit König Njeka/ Kamerun vom 07.01.1885, Schutzvertrag mit König Kumbo von Uanda/ Kamerun vom 10.01.1885, Schutzvertrag mit König Ekume/ Kamerun vom 10.01.1885, Schutzvertrag mit König Debundje/ Kamerun vom 10.01.1885, Schutzvertrag mit König Madiba/ Kamerun vom 10.01.1885, Vertrag mit König Leoa/ Kamerun vom 16.01.1885, Vertrag mit König Bussungo/ Kamerun vom 25.02.1885 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 251-258.

¹²⁹ Емельянов А.Л. Постколониальная история Африки южнее Сахары. С. 228.

¹³⁰ General-Akte der Berliner Konferenz. Artikel 9. (Заключительный акт Берлинской конференции. Статья 9)

¹³¹ General-Akte der Berliner Konferenz. Artikel 12. (Заключительный акт Берлинской конференции. Статья 12).

Христианские миссионеры, ученые, исследователи и их окружение, имущество и коллекции также должны были подлежать особой охране со стороны всех стран, подписавших договор¹³². Эти и другие вопросы были согласованы в Берлине и зафиксированы в Общем акте в 38 статьях согласно международному праву, в то же время весь процесс переговоров проходил без привлечения коренного населения Африки.

Важным нововведением эпохи Нового империализма стало еще и то, что империалистическая политика больше не проводилась только великими державами, или, другими словами, великие державы позволяли более слабым европейским державам получать долю имперского пирога¹³³. Это можно проследить на примере Бельгии, которой по результатам конференции достались огромные территории, а бельгийскому королю Леопольду II был предоставлен личный суверенитет над Свободным государством Конго.

«Схватка за Африку» теперь могла быть завершена в соответствии с международным правом. Результаты конференции определяли условия будущих колониальных захватов. Отто фон Бисмарк использовал возглавляемую им «Конголезскую конференцию» для отстаивания интересов германской экономики, стремившейся к беспрепятственной колониальной торговле. Впервые после Венского конгресса вопросы Африки стали предметом международных соглашений. Конечно, полного соблюдения условий соглашений добиться не удалось, и они остались в основном на бумаге, но Конголезская конференция в Берлине остается одним из самых памятных событий в колониальной истории.

Начиная со второй половины XX в., постколониальная историческая наука яростно критикует Берлинскую конференцию. Так, например, по мнению африканских историков, возвышенный гуманистический идеализм,

---

¹³² General-Akte der Berliner Konferenz. Artikel 6. (Заключительный акт Берлинской конференции. Статья 6).

¹³³ Osterhammel J. Op. cit. P. 432.

который вдохновлял конференцию, был просто прикрытием для более приземленных экономических мотивов¹³⁴. Кровавый характер последующего завоевания Африки и способ обращения с африканскими лидерами, оспаривавшими оккупацию их земель, не демонстрируют никаких следов гуманизма. Подписавшие договор стороны защищали лишь европейских граждан в Африке и навязывали концепцию религиозной свободы только в отношении христианства и, в некоторой степени, ислама. Традиционные африканские религии находились как бы вне правового поля.

Последствия эпохи «Нового империализма» не ограничивались «перерисовкой» карт. Различия с более ранними периодами колониализма заключались, скорее, в конкретных способах интеграции колоний в мировую политику и их взаимосвязи с мировой экономикой. Европейским экономикам к этому моменту требовалось все больше ресурсов. Кроме того, колониальная экспансия играла важную роль в управлении социальной напряженностью в Европе. Последствия для колонизированных территорий включали не только политическое правление из-за рубежа, которое также имело место в более ранних формах колонизации, но и преднамеренные попытки «модернизировать» местные общества¹³⁵.

В результате возросшей конкуренции за колонии стало очевидно: государства уже не довольствовались несколькими прибрежными точками для ведения торговли, как в прежние времена, а стремились к разграниченным торговым районам. Из этого возник принцип, согласно которому, если какой-либо участок побережья принадлежал одному государству, внутренние районы включались в его часть. Договорная демаркация территорий считалась необходимой со всех сторон, зачастую даже до того момента, как внутренние районы были захвачены. По причине сложностей с определением границ этих

---

¹³⁴ Uzoigwe G.N. Reflections on the Berlin West African Conference, 1884-1885 // Journal of the Historical Society of Nigeria. 1984. Vol. 12(3/4). P. 16.

¹³⁵ Conrad S. Globalisation and the nation in imperial Germany. S. 39.

внутренних районов часто использовались математические границы или даже диагонали, которые просто чертили линейкой на зеленом столе¹³⁶. Вмешательство во внутренние дела теперь начинается повсюду с целью захвата как можно больших внутренних территорий.

Одновременно с установлением своей власти в Африке, Германская империя начала распространять влияние в новом регионе – Океании. В период 1879-1882 гг. немецкий путешественник и этнограф Отто Финш занимался изучением малоисследованной Микронезии, включая Маршалловы острова, Каролинские острова, Новую Британию, Австралию, Новую Зеландию и Новую Гвинею. В 1884 г. он стал руководителем экспедиции в Новую Гвинею, которую организовала Новогвинейская компания, основанная 26 марта 1884 г. с целью приобретения новых территорий в этом регионе.

Колонизация Океании происходила на фоне соперничества с Британией. Так, прослеживались стремления установить британский протекторат над северной и северо-восточной частью острова Новая Гвинея, в то время как западная часть уже находилась во владении Нидерландов. После вступления Германии в соперничество за данный регион, позиции стран изменились. Германская империя не оспаривала у британцев юг острова. Отказ от этой части Новой Гвинеи стало важной составляющей в переговорах. Немцы были настойчивы в отношении архипелага Новая Британия, где немецкие торговые посты появились к 1883 г. Они считали архипелаг Новая Британия потенциальной немецкой территорией, и эта позиция не подлежала обсуждению¹³⁷. В начале августа 1884 г. министр иностранных дел Великобритании Гренвиль, сожалея о недоверии, с которым его страна столкнулась в Германии, заверил Берлин в готовности Лондона обсудить разграничение британской и немецкой сфер влияния в Тихом океане¹³⁸. Он

---

¹³⁶ Supan A. Op. cit. S. 273.

¹³⁷ Townsend M. E. Op. cit. P. 106.

¹³⁸ Botschafter in London an den Reichskanzler. Günstige Aufnahme des deutschen Vorschlages (Nr. 8443) in London. Die Annexion der Südküste von Neu-Guinea durch England steht unmittelbar bevor // Das Staatsarchiv. Vol. 44. Nr. 8445. S. 199-200.

также пообещал, что британские действия в Новой Гвинее будут ограничены югом острова, а именно регионом, наиболее близким к Австралии.

В 1885 г. Германия взяла под защиту восточную часть острова Новая Гвинея, которая не была колонизирована ни одной из европейских держав на тот момент. Сделано это было, как и в случае с африканскими колониями, с помощью охранного письма от императора Германской империи руководителю компании «Новая Гвинея». Эта колония впоследствии будет известна как Германская Новая Гвинея, а первые части колонии будут именоваться как Земля Кайзера Вильгельма («KaiserWilhelmsland») и Архипелаг Бисмарка («Bismarck-Archipel»).

Особенностью периода 1880-1890-х гг. стал раздел именно Африки и Океании – тех регионов, к которым существовал повышенный интерес уже в предшествующий период. Колонизация пошла бы здесь дальше, даже если бы не появился новый фактор в лице новых колониальных держав. Франция искала в расширении своих заморских владений замену ослаблению своего могущества в Европе, а Англия все дальше и дальше расширяла свою огромную империю. Однако не само разделение Африки и Океании стало новшеством само по себе, а скорее скорость, с которой происходило это разделение¹³⁹.

В годы после Берлинской конференции между странами заключались договоры, которые закрепляли или меняли границы колоний. Так, в германо-английском соглашении от 29 октября (1 ноября) 1886 г. был закреплён суверенитет султана Занзибара над всей прибрежной зоной от устья реки Минигани до Кипини. Германская империя получала контроль над прибрежной полосой с портами Дар-эс-Салам и Пангани¹⁴⁰. Германская

---

¹³⁹ MacKenzie J.M. Op. cit. P. 29.

¹⁴⁰ Deutsch-Britischer Notenwechsel vom 29.10./01.11.1886 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 204-205.

империя продолжала иметь определённое влияние на султанат Занзибара вплоть до заключенного в 1890 г. договора с Англией. Таким образом, границы германских африканских колоний были установлены и оставались такими вплоть до Марокканского кризиса 1911 г.

После смерти императора Вильгельма I новым императором стал смертельно больной Фридрих III, который правил всего 99 дней. 15 июня 1888 г. престол Германской империи перешел к молодому 29-летнему Вильгельму II. Новый император стремился самостоятельно принимать ключевые решения и имел такие представления о роли монарха, которые не укладывались в рамки ограниченного немецкого конституционализма. Бисмарк продолжал оставаться канцлером до 1890 г., но его влияние на внешнюю политику Германской империи уменьшалось ввиду конфликта с императором, который не был доволен успехами Бисмарка во внутренней политике государства в 1880-е гг.

1.2. ОСОБЕННОСТИ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРИОД КАНЦЛЕРСТВА Л. КАПРИВИ И Х. ГОГЕНЛОЭ

В 1890 г., после ухода Отто фон Бисмарка в отставку, политика Германской империи, включая её колониальные устремления, претерпела значительные изменения. Новый канцлер, Лео фон Каприви, решает пересмотреть внешнеполитический курс государства. В отличие от своего предшественника, Каприви отказывается от агрессивной экспансии в пользу более прагматичного подхода, сосредоточенного на укреплении уже существующих колоний и поиске компромиссов с европейскими державами. Эти изменения стали важным этапом в эволюции колониальной политики Германии.

Фактически отсутствие конституционных ограничений на принимаемые императором Вильгельмом II решения после отставки Бисмарка сильно сказалось на дальнейшей внутренней и внешней политике Германии. Личная власть Вильгельма II усилилась, а позиции последующих канцлеров оставались слабыми перед лицом монарха. По воспоминаниям адмирала Тирпица, Каприви писал ему: «Император сделал меня рейхсканцлером, так как считал необходимым противопоставить бисмарковской фронде сильного человека»¹⁴¹.

Став канцлером, во время заседания рейхстага Каприви озвучил свое отношение к колониальной политике: «Я полагаю, что среди тех, кто имел возможность знать меня здесь раньше, стало довольно общеизвестно, что я не был одним из друзей колониальной политики»¹⁴². Таким образом, с самого начала его пребывания на посту канцлера был построен образ Каприви как противника создания сильной колониальной империи, не считающегося с интересами немецкого народа и немецкой нации.

---

¹⁴¹ Тирпиц А. Ук. соч. С. 21.

¹⁴² Caprivi L. Sitzung am 12. Mai 1890 // Die Reden des Grafen von Caprivi im Deutschen Reichstage, Preussischen Landtage und bei besonderen Anlässen. S. 50.

Несмотря на такое громкое заявление Каприви, Германская империя не строила планов по прекращению своей колониальной политики: «Нам не остается ничего другого, как двигаться вперед»¹⁴³. Такая формулировка будущей стратегии могла казаться явным сожалением, но она также давала надежду на дальнейшее расширение заморских территорий. В Германии существовали и противники колониальной политики, которые отмечали большие государственные расходы на колонии, без уверенности в их экономической отдаче.

Активная критика политики Каприви началась после заключения в июне 1890 г. договора с Англией, который в дальнейшем станет известен как Занзибарский договор или Гельголандско-занзибарское соглашение. В результате договора Германия получала во владение остров Гельголанд в Северном море и небольшую часть в Юго-Западной Африке, получившей название «полоса Каприви». Германская империя должна была отказаться от областей Биту, султаната Занзибар, северо-восточной Родезии и некоторых других африканских территорий¹⁴⁴.

Кайзер поддерживал идею приобретения Гельголанд и вкратце изложил все причины обмена: «Я твердо решил отвоевать Гельголанд, этот остров, лежащий недалеко от больших водных путей, ведущих к главным ганзейским торговым портам. Британия представляла постоянную угрозу для Гамбурга и Бремена и делала невозможным любой проект по созданию военно-морского флота. Обмен Занзибара был не потерей, а приобретением. Поскольку важность Занзибара скоро уйдет в прошлое, как только его значение как перевалочного порта уничтожится портами Дар-эс-Салама, Того и Камеруна, которые быстро процветают, но его значимость заключалась в

---

¹⁴³ Ibid. S. 50.

¹⁴⁴ Helgoland-Sansibar-Vertrag, 1890. Artikel I-IV.

том, что он был активом для обмена и, таким образом, давал возможность избежать трений с Англии, на что Каприви согласился»¹⁴⁵.

У многих политических и общественных деятелей отношение к заключенному договору было негативное. Отто фон Бисмарк резко осуждал данное соглашение, критикуя попытку Каприви выдать Гельголандский пакт за продолжение его внешнеполитического курса¹⁴⁶. Верно и то, что Бисмарк размышлял об обмене Гельгоlanda в случае заключения соглашения с Англией, к которому он всегда стремился. Вопрос принадлежности острова поднимался в мае 1884 г., когда Бисмарк предложил Великобритании уступить остров Германии в обмен на поддержку Германии английских приобретений в Египте и в качестве гарантии дружелюбия, но не в обмен на немецкую колонию¹⁴⁷.

Для Германской империи более важной задачей являлось укрепление собственного влияния в Европе и заключение союза с Англией. Именно приоритет континентальной политики должен был стать главным аргументом Каприви для отстаивания правильности заключения договора. Бисмарк отмечал, что слова Каприви абсолютно верны, но использованы вне контекста и добавлял: «Склонность Каприви приписывать мне ответственность за сомнительные политические мероприятия, которые он проводил, несомненно, по приказанию свыше, например попытка приписать моей инициативе договор о Занзибаре, – меньше всего свидетельствует о его политической честности»¹⁴⁸. Бисмарк отмечал и тот факт, что Германия при нем не стояла перед выбором между отстаиванием прав на африканские владения и союзом с Англией¹⁴⁹. Смена курса Каприви на улучшение отношений с Англией могла

---

¹⁴⁵ The Kaiser's Memoirs. P. 55-56.

¹⁴⁶ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т.3. С. 117.

¹⁴⁷ Die grosse Politik der europäischen Kabinette: Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes. Band 4. S. 50-62.

¹⁴⁸ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т.3. С. 119.

¹⁴⁹ Там же. С. 120.

случиться под влиянием кайзера Вильгельма II, вызывая явные опасения у Бисмарка.

Германское колониальное общество тоже высказывало свою позицию касательно заключённого договора, но оно было более сдержанным: «Германское колониальное общество не может оценить причины заключения договора с Англией, относящейся к разграничению взаимных заинтересованных сторон в Африке, и не рассматривает решение о договоре с точки зрения политики империи¹⁵⁰». Общество также выступало за дальнейшее продвижение немецких колониальных интересов и было готово выступать за экономическое и культурное развитие районов советами и действиями¹⁵¹.

В газете «Deutsche Kolonialzeitung» отмечалось: «насквозь пессимистические настроения в отношении будущего Восточной Африки, звучавшие кое-где в кругах колониальных друзей после оглашения англо-германского договора, постепенно уступили место более спокойному восприятию. С одной стороны, этому способствовала кажущаяся невозможность добиться иного, наиболее благоприятного результата путем каких-либо изменений, с другой стороны, транслировалась мысль о необходимости большой работы даже в «более узких границах империи»¹⁵².

Каприви, в свою очередь, доказывал правильность заключения данного пакта, приводя разные аргументы в его пользу. Канцлер критиковал начало колониальной политики Бисмарка за ее проведение сразу во многих местах при отсутствии достаточного количества денег и людей для развития колоний¹⁵³. Кроме того, были попытки доказать отсутствие ценности утраченных территорий и достаточных средств у империи для их содержания.

---

¹⁵⁰ Prager E. Op. cit. S. 61.

¹⁵¹ Ibid. S. 62.

¹⁵² Die koloniale Lage // Deutsche Kolonialzeitung. 1890. 26 Juli. S. 190.

¹⁵³ Caprivi L. Sitzung am 5. Februar 1891 // Die Reden des Grafen von Caprivi im Deutschen Reichstage, Preussischen Landtage und bei besonderen Anlässen. S. 100.

Каприви неоднократно говорил: «С чисто финансовой точки зрения история подтвердила нашу правоту, показав, как дорого иногда может обходиться владение абсолютно ничего не стоящей землей»¹⁵⁴. Сам Каприви называл политику захвата новых территорий «периодом водружения флагов и заключения договоров»¹⁵⁵, показывая несогласие с политикой империи в 1880-е гг.

Нельзя сказать, что в период канцлерства Лео фон Каприви были свернуты все колониальные проекты. Задачей колониальной политики стало не приобретение новых территорий, на которые будут уходить огромные средства, а развитие уже имеющихся колоний. Эта стратегия была озвучена на одном из заседаний рейхстага в 1891 г. Им была сделана ставка на сохранение и закрепление в пределах уже имеющихся территорий, а не на расширении их границ. Благодаря переговорам всех европейских стран, границы между колониями Германии, Англии и Франции в Африке были обговорены и окончательно установлены, что помогло уменьшить споры и потенциальные конфликты, которые до этого периода зачастую возникали между ведущими колониальными державами.

При Каприви продолжали создаваться и расширяться политические объединения сторонников колониальной экспансии. В 1890 г. был подписан указ об основании Колониального совета, который являлся совещательным органом Колониального отдела в ведомстве иностранных дел. В состав Колониального совета были приглашены представители из концессионных обществ, члены Германского колониального общества и ряд миссионеров, которые назначались лично канцлером.

К правительству Германии напрямую или через прессу обращались крупнейшие организации, выступавшие за колониальную экспансию:

---

¹⁵⁴ Ibid. S. 101.

¹⁵⁵ Caprivi L. Sitzung am 3. Februar 1891 // Die Reden des Grafen von Caprivi im Deutschen Reichstage, Preussischen Landtage und bei besonderen Anlässen. S. 89.

Германское колониальное общество и основанный в 1891 г. «Пангерманский союз» («Alldeutscher Verband»). Необходимо отметить, что методы по оказанию влияния у них отличались: в то время как Германское Колониальное общество всегда стремилось сотрудничать с правительством и добиваться своих целей дипломатией и предложением реформ, Пангерманский союз действовал более настойчиво, часто выполняя при этом пропагандистские функции. Таким образом, были сформированы два абсолютно разных подхода: умеренный и радикальный.

Германское колониальное общество было более массовым объединением сторонников империалистической политики. Оно старалось привлекать ту часть социума, которая имела явный интерес к колониальной политике. Отличительной стороной общества стало стремление сотрудничать с правительством Германской империи, считая его основой успеха в их общих стремлениях. Общество даже было готово поддерживать планы Каприви и выражало надежду на продолжение развития колоний. Были организованы дополнительные экспедиции в африканские колонии с целью доказать их важность для Германии и предотвратить возможную продажу этих регионов другим европейским державам. Так, например, были сделаны шаги по опровержению популярного мнения об отсутствии у Германской Юго-Западной Африки экономической и практической ценности¹⁵⁶.

В Камеруне Германское Колониальное общество стремилось проникнуть и закрепиться во внутренних районах колонии, а также изучить возможность судоходства в регионе и окончательно решить вопрос о границах колонии. Поэтому в 1893-1894 гг. была организована экспедиция в Камерун, имевшая цель еще подробнее исследовать регион¹⁵⁷. Если говорить о Германской Восточной Африке, то данному региону уделялось меньше внимания, так как правительство уже рассматривало ее в качестве главной

---

¹⁵⁶ Prager E. Op. cit. S. 69-70.

¹⁵⁷ Ibid. S. 85.

колонии. Это означало, что правительство будет предоставлять этой колонии достаточные финансовые средства для ее развития, но общество все равно должно было продолжать принимать участие в поддержке проектов по территориальному расширению Германской империи в этом регионе. Так, обществом предлагались реформы по организации и улучшению колониального управления. В частности, им было выдвинуто предложение о создании специального управления, а также о начале подготовки колониальных чиновников. В культурной сфере общество помогало учреждать новые школы не только для немецких учащихся, но и для коренных жителей колоний. В 1890 г. был основан Германский Колониальный музей, целью которого была, в том числе, популяризация колониальной политики среди населения.

Позднее, уже при следующем канцлере, в 1896 г. в Колониальном обществе был создан Колониально-экономический комитет. Его задачей было формирование колониально-экономических инициатив, а также помощь правительству в решении различных проблем в экономической сфере колоний. С мая по октябрь 1896 г. Германское Колониальное общество организовало в Берлине Колониальную выставку. На ней были представлены образы немецких колоний, которые включали в себя экспозиции быта коренного населения колоний и различные экспонаты, включая орудия труда коренных жителей, их одежду и даже хижины. Целью выставки было не только формирование и распространение колониального энтузиазма среди немецкого населения, но, по мнению организаторов, это была попытка «дать обзор достижений за те несколько лет, что мы занимаемся колониальной политикой»¹⁵⁸.

С другой стороны, при Каприви увеличилось число противников колониальной политики, которые считали германские колонии в жаркой

---

¹⁵⁸ Meinecke G. Deutschland und seine Kolonien im Jahre 1896. Amtlicher Bericht über die erste Deutsche Kolonialausstellung. S. 5.

Африке непригодными для жизни поселенцев из Германии. Так, Юго-Западная Африка рассматривалась одним из вариантов для продажи Англии, а Новая Гвинея, из-за ее удаленности от метрополии и при слабом развитии коммуникаций, не представляла какой-либо выгоды.

Критика колониальной стратегии Каприви, которая многими считалась удушением или вовсе сворачиванием колониальной политики, усиливала активную деятельность общественно-политических организаций. Те, кто выступал за расширение колоний, обвиняли Каприви в потере Германией возможности приобретения потенциально ценных в экономическом и стратегическом плане территорий в результате подписания договоров наподобие Гельголадско-Занзибарского соглашения. Более того, практически ликвидировалась возможность мирным путем в будущем создать проект территориально-единой германской «Срединной Африки» («Mittelafrika»), в состав которой могли бы войти все германские колонии на континенте.

5 февраля 1891 г. во время выступления перед рейхстагом, Каприви представил проекты развития колоний в ближайшем будущем. Центральное место среди немецких колоний отводилось Германской Восточной Африке, во многом в связи с ее экономическим значением¹⁵⁹. Одной из важных целей считался переход административных функций к самой Германской империи. Это означало продолжение курса Бисмарка по огосударствлению колониальной политики. В ходе выступления также делались упоминания о необходимости умиротворения колоний и создания охранных войск, однако канцлер не смог дать ответ на вопрос, как создать упорядоченную систему управления в Германской Восточной Африке¹⁶⁰.

Несмотря на успехи в захвате колоний, продолжала существовать проблема в их управлении концессионными обществами, особенно на фоне

---

¹⁵⁹ Caprivi L. Sitzung am 5. Februar 1891 // Die Reden des Grafen von Caprivi im Deutschen Reichstage, Preussischen Landtage und bei besonderen Anlässen. S. 100.

¹⁶⁰ Ibid. S. 110.

укрепляющейся роли государственного управления в колониях. Мнение об окончании концессионными обществами своей миссии после помощи германскому правительству по нахождению и захвату заморских территорий для империи находило все больше поддержки. Усиливались призывы по превращению всех колоний в государственные, с полным контролем из метрополии.

Правительство во главе с Каприви показывали на примере «Deutsche Ostafrikanische Gesellschaft» (Германское Восточноафриканское Общество) неспособность компании «самостоятельно управлять Германской Восточной Африкой»¹⁶¹. Вскоре стало ясно, что сама империя должна была взять в свои руки контроль над всеми колониями. При анализе будущей модели управления было озвучено предположение о невозможности контроля над немецкими колониями по образцу территорий, управляемых Англо-Ост-Индской и Голландско-Ост-Индской торговыми компаниями. Это было связано с иными экономико-политическими условиями и государственно-правовыми воззрениями, чем во времена возникновения и процветания данных обществ¹⁶². В то же время, правительство не планировало использовать методы управления Франции, подразумевающие прямое государственное финансирование. Существовали специальные договоры с концессионными обществами, по которым правительство договорилось о передаче себе большей части административных функций, а также полный контроль над войсками в колониях.

Было очевидно: успешный контроль и организация колоний без государственного финансирования были практически невозможны. Особенную сложность представляли военные структуры, которые могли финансироваться только самим государством. Считалось, что военные

---

¹⁶¹ Ibid. S. 109.

¹⁶² Die Umwandlung der «Gessellschaftskolonien» in «Kronkolonien» // Deutsche Kolonialzeitung. 1890. 18 Oktober. S. 257.

формирования, находящиеся в колониях на контрактной основе, не могут больше существовать в таком виде и должны быть преобразованы в регулярные имперские войска¹⁶³.

В 1893 г. Германское колониальное общество впервые заявило об отсутствии у страны достаточного количества военных кораблей для защиты торговли, заморских территорий и граждан в колониях¹⁶⁴. Это заявление можно по праву рассматривать как первую агитацию за создание сильного военно-морского флота. Обсуждался тот факт, что отсутствие у Германии сильного флота лишило ее возможности защитить свои интересы в некоторых регионах. По планам правительства, отказавшегося от новых территориальных приобретений, необходимо было защитить уже имеющиеся колонии. С этого момента флот и колонии стали тесно связаны, и начавшееся военно-морское строительство было необходимо для защиты колониальных владений и использования колоний как незаменимых военно-морских баз. Колониализм предоставил популярный повод для строительства военно-морского флота, поэтому отдельные лица и организации, выступавшие за морскую экспансию, имели тенденцию вовлекаться и в колониальное движение¹⁶⁵.

В отличие от своего предшественника Бисмарка, Каприви сосредоточился на развитии уже существующих колоний, улучшении их инфраструктуры и создании благоприятных условий для экономического развития. Понимая необходимость сильной армии и флота для защиты колониальных владений, были проведены важные реформы в этой области. Укрепление военной мощи способствовало защите германских интересов в колониях и повышению статуса Германии на мировой арене. Новые территориальные захваты в Африке и Океании, в сочетании с реорганизацией

---

¹⁶³ Ibid. S. 109-110.

¹⁶⁴ Prager E. Op. cit. S. 84.

¹⁶⁵ Smith W. D. The German Colonial Empire. P. 125.

их систем управления, казались невозможными из-за существующей колониальной оппозиции, отсутствия программы по организации и управлению колониями и стабильного финансирования уже имеющихся колоний. Стремление Каприви не приобретать новые колонии позволило уменьшить градус напряженности в отношениях с Англией, учитывая, что «раздел» Африки уже был почти завершен. Период канцлерства Лео фон Каприви стал важным этапом в развитии германской колониальной политики, способствуя её рационализации и укреплению. Эти достижения заложили прочную основу для дальнейшего развития колониальной империи Германии в конце XIX и начале XX в.

После канцлерства Каприви начинается новый период в колониальной политике Германской империи. Он характеризуется большим участием метрополии в организации и управлении колониями. Новым канцлером был назначен Хлодвиг Гогенлоэ (1894-1900 гг.). Для многих это воспринималось как совершенно новая страница в колониальной политике.

На момент смены власти продолжали существовать два лагеря в обществе: одна часть выступала за продолжение колониальной экспансии, другая ставила под сомнение необходимость колоний для Германии. Кайзер Вильгельм II постарался окружить себя министрами, которые, в отличие от Бисмарка и Каприви, искренне поддерживали именно его точку зрения, а именно дальнейшую колониальную экспансию¹⁶⁶. Канцлер Гогенлоэ ввиду своего преклонного возраст и мягкости характера исключал какое бы то ни было противодействие, и это положение вещей представляло собой «личное правление» Вильгельма II¹⁶⁷.

18 января 1896 г. император Вильгельм II выступил на праздничном банкете по случаю 25-летия со дня провозглашения Германской империи и

---

¹⁶⁶ Röhl J.C.G. Wilhelm II: The Kaiser's Personal Monarchy. P. 803.

¹⁶⁷ Mommsen W.J. Kaiser Wilhelm II and German Politics // Journal of Contemporary History. 1990. Vol. 25. №. 2/3. P. 301.

обратился к Колониальному обществу: «Германская империя стала мировой империей. Повсюду в далеких уголках Земли проживают тысячи наших соотечественников. На вас, господа, возлагается серьезная обязанность помочь мне прочно связать эту большую Германскую империю с нашей родиной»¹⁶⁸. В отличие от Каприви, который просто принял колонии, потому что они уже существовали, кайзер стремился приобрести больше колониальных владений, чтобы преобразовать европейскую гегемонию Германии в мировую.

Одной из целей стал раздел португальских колоний совместно с Великобританией. Ввиду тяжелого финансового положения Португалии, в августе 1898 г. Англия и Германия подписали соглашение о займе под залог ее колоний, среди которых были Мозамбик, Ангола и остров Тимор. Англия должна была получить территории Мозамбика, а Германии доставалась Португальская Ангола и Тимор¹⁶⁹. В еще одной секретной конвенции Германия и Англия договаривались действовать совместно, если какая-либо третья держава будет вмешиваться в дела Португалии. Кроме того, было обговорено, что обе стороны отказываются от претензий на португальские территории друг друга¹⁷⁰. В конечном счете, разделения португальских колоний не произошло, а Англия и Португалия стали союзниками против Германской империи во время Первой мировой войны.

После заключения Тройственного союза Германия могла считать себя центральной и ведущей державой в Европе, особенно учитывая свое положение на карте. Продолжались споры о целесообразности заключения

---

¹⁶⁸ Prager E. Op. cit. S. 104.

¹⁶⁹ Verträge zwischen der deutschen und der englischen Regierung vom 30. August 1898 // Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871-1914, im Auftrage des Auswärtigen Amtes. Band 14. Erste Hälfte. S. 347.

¹⁷⁰ Geheime Konvention zur deutsch-britischen Konvention vom 30.08.1898 // Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871-1914, im Auftrage des Auswärtigen Amtes. Band 14. Erste Hälfte. S. 351-352.

союза с Англией, так как это могло бы исключить захват новых колоний. Именно сторонники колониальной экспансии выступали против такого альянса. Б. Бюлов, статс-секретарь по иностранным делам и будущий канцлер Германии, заявлял: «Англия могла бы отнять у Германии колонии, разрушить их судоходство и торговлю и тем самым уничтожить миллиардные ценности»¹⁷¹.

Начиная со второй половины 1890-х гг., набирала свою силу идея об особом пути Германии не только в европейском, но и в мировом развитии, а также об исключительности всей немецкой нации. Знаменитая фраза о «месте под солнцем» для Германии, которая была произнесена Бюловым еще до его канцлерства, в будущем стала самым настоящим политическим лозунгом, и повторялась на заседаниях парламента: «Времена, когда немец предоставлял одному своему соседу землю, другому - море, а за собой оставлял небо, эти времена прошли..., мы не хотим никого оттеснить в тень, но мы хотим и свое место под солнцем»¹⁷². Такие лозунги могли означать то, что Германия не должна ограничиваться Европой, а должна сравниться по влиянию с такими мировыми державами как Англия и Франция. Однако стоит отметить, что в историографии существует противоположный взгляд на теорию Фишера о явной агрессии Германии и ее вине в начале Первой мировой войны: когда цитируют известное высказывание рейхсканцлера о претензиях Германии на «место под солнцем», то, забывают о начальных словах этой фразы: «Мы не хотим никого оттеснить в тень»¹⁷³.

«Мировая политика» (Weltpolitik) – термин, который постоянно использовался в немецкой политике до 1914 г. различными группами, однако его точное значение никогда не было достаточно ясным. Как его часто

---

¹⁷¹ Бюлов Б. Ук. соч. С. 57.

¹⁷² Bulow B. Op. cit. S. 7-8.

¹⁷³ Филитов, А. М. История Первой мировой войны в современном международном дискурсе: традиционные дискуссии, новые темы, "белые пятна" / А. М. Филитов // Российская история. – 2017. – № 4. – С. 105.

используют историки, «Мировая политика» относится к агрессивному стилю немецкой внешней политики между 1890 и 1914 гг. Для лучшего восприятия необходимо рассмотреть его через экономическую колониальную идеологию, которая была тесно связана с «Мировой политикой».

Колониальные экономические и поселенческие подходы были связаны с совершенно разными концепциями целей внешней политики. Те, кто думал о колониях в терминах торговли, плантаций или горнодобывающих предприятий, как правило, также придерживались экономических форм империализма. Расширение немецкой промышленности и обеспечение рынков источниками сырья были ключевыми целями мировой политики Германии, в которой формальная колонизация играла подчиненную роль.

Если вернуться в период канцлерства Каприви, то мы увидим, что хотя дальнейшая колониальная экспансия не была его главным направлением, и он активно возражал против создания больших немецких поселений в колониях, Каприви не выступал против экономических форм империализма. Самые рьяные сторонники экономического колониализма почти неизменно рассматривали его как часть всемирной немецкой промышленной экспансии еще в период канцлерства Бисмарка¹⁷⁴. Таким образом, экономическая политика Германии в отношении колоний была похожа на действия других колониальных держав.

Основная альтернатива экономическому колониализму была представлена в заявлениях радикальных консервативных организаций, таких как Пангерманский союз. В заявлениях и публикациях его членов почти всегда содержались ссылки на поселенческий колониализм¹⁷⁵, под которым подразумевалось активное заселение колоний немецким населением. Пангерманский союз выступал за то, чтобы целью Германии была защита «германизма», в то время как внешняя политика структурировалась для

---

¹⁷⁴ Barkin K.D. The Controversy over German Industrialization, 1890-1902. P. 32-44.

¹⁷⁵ Alldeutsche Blätter. 1899. 30 April. S. 145-147.

защиты Германии от внешних угроз и внутренних изменений путем прямого противодействия каждому потенциальному вызову.

Рассуждая о личном понимании «мировой политики», Бюлов объяснял, что под этим подразумевается, прежде всего, осуществление и развитие задач, которые ставят для Германии развитие и рост промышленности, торговли и судоходства: «Мы не можем тормозить нарастания наших заокеанских интересов. Мы совершенно не ведем наступательной политики, не думаем об экспансии. Мы намерены защищать только серьезные интересы, которые приобретены нами естественным ходом вещей во всех частях света. Мы далеки от наступательных тенденций, мы не собираемся вести авантюристскую и фантастическую политику. Мы хотим только иметь возможность и в будущем мирно развиваться в экономическом и политическом отношении»¹⁷⁶.

Такая политика означала защиту колоний, их жителей, а также торговли по всему миру. Это не могло быть обеспечено без военно-морского флота, необходимость строительства которого постоянно росла. После принятия должности в качестве статс-секретаря ведомства иностранных дел, Бюлов назвал строительство военно-морского флота способом «защиты и сохранения нашей безопасности»¹⁷⁷. В марте 1897 г. колониальная пресса распространяла слова канцлера Гогенлоэ, который заявлял, что империи нужен мощный флот, способный давать отпор возможным врагам и который сможет поддерживать мир в долгосрочной перспективе¹⁷⁸.

Проект военно-морского флота стал любимым детищем императора Вильгельма II, в котором активную роль играл Альфред фон Тирпиц, основавший Немецкую ассоциацию флота. Впоследствии она приобрела статус влиятельной пропагандистской организацией. Их яростная агитация

---

¹⁷⁶ Бюлов Б. Ук. соч. С. 180.

¹⁷⁷ Там же. С. 36.

¹⁷⁸ Die Zukunft unserer Nationalität // Deutsche Kolonialzeitung. 1897. 27 März. S. 122-123.

рождала атмосферу энтузиазма среди немецкой общественности. С социально-политической точки зрения «великая национальная задача»¹⁷⁹ по строительству флота была призвана объединить все классы и тем самым снизить внутривнутриполитическую напряженность.

В апреле 1898 г. был создан Германский флотский союз (Deutscher Flottenverein), который постепенно становился не просто лоббистской организацией, но и инструментом формирования национального самосознания¹⁸⁰. Его пропаганда создавала образ флота как символа германского величия и технологического прогресса. Флотский союз был крупнейшей организацией среди националистических объединений Германии: на пике своего развития (1908-1915 гг.) в нем состояло более миллиона человек. При этом значительная часть этого числа (около 600-700 тыс. человек) приходилась на членов связанных с ним объединений – в основном небольших патриотических обществ, студенческих союзов и ветеранских организаций¹⁸¹.

Для укрепления своих позиций в регионах Германия должна была начать строительство военно-морского флота и опорных баз в колониях. Рейхстаг одобрил финансирование, которое было оправдано тем, что только сильными военно-морскими силами можно было обеспечить желаемое положение мировой державы. Флот также был необходим для защиты торговых интересов и немецких колоний. Анализируя строительство флота Германией, можно согласиться с мнением историка В. Смита, что конечной целью империи не было строительство больших по размерам военно-морских сил, чем у Великобритании. Необходимо было сделать угрозу со стороны

---

¹⁷⁹ Baumgart W. Deutschland im Zeitalter des Imperialismus 1890-1914. Grundkräfte, Thesen und Strukturen. S. 53.

¹⁸⁰ Киктева Е. Роль Германского флотского союза в формировании общественного мнения Германии (1898-1918 гг.) : автореф. дис. к. ист. н. : 5.6.2 / Киктева Евгения Викторовна; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М.: РГГУ, 2022. С. 21.

¹⁸¹ Eley G. Reshaping the German Right: radical nationalism and political change after Bismarck. P. 102.

немецкого флота достаточно большой, чтобы британцы были вынуждены в случае войны подтянуть силы из других частей мира и, тем самым, лишиться свои колонии защиты в случае нападения третьей стороны или внутреннего восстания¹⁸². Во время спуска нового корабля в Штеттине Бюлов заявил: «Германия, вверившая морю огромные ценности, уже переставшая быть чисто континентальным народом в центре Европы, и стоящая в первых рядах конкуренции, должна быть сильной и на море»¹⁸³.

Другим направлением в реализации «мировой политики» стал Китай. Во многом это было связано с японо-китайской войной 1894-1895 гг., после которой Германская империя получила возможность участвовать в разделе китайских незамерзающих портов, тем самым начав расширение сферы своего влияние в этом регионе. В то же время нельзя сказать, что Германия извлекла для себя большую выгоду: за 1895-1896 гг. она получила лишь две концессии и возможность предоставить займ китайскому правительству совместно с Англией. Бюлов уделял большое внимание китайскому вопросу и, в качестве одной из важнейших задач внешней политики, указал на необходимость «потребовать, чтобы немецкий миссионер и немецкий предприниматель, немецкие товары, немецкий флаг и немецкий корабль уважались в Китае наравне с другими европейскими державами. Мы наконец-то готовы учитывать интересы других великих держав в Восточной Азии в надежном предвидении того, что наши собственные интересы также найдут должное им уважение»¹⁸⁴.

В ноябре 1897 г. произошло убийство двух немецких миссионеров в Китае, что вынудило Германию действовать. Инцидент дал кайзеру предлог для столь долгожданной возможности проникнуть в Китай. Характерна его телеграмма в Министерство иностранных дел, в которой он заявлял о твердом

---

¹⁸² Smith W. D. Op. cit. P. 171.

¹⁸³ Бюлов Б. Ук. соч. С. 193.

¹⁸⁴ Bulow B. Op. cit. S. 8.

намерении отказаться от сверхосторожной политики, которая уже считается слабой во всей Восточной Азии, и, наконец, показать китайцам со всей строгостью и, если необходимо, с самой жестокой беспощадностью, что германский кайзер не позволяет шутить с собой¹⁸⁵. В следующей телеграмме кайзер призывал к активным и решительным действиям: «Мы должны немедленно воспользоваться этой прекрасной возможностью, пока другое крупное государство не спровоцировало Китай или не пришло ему на помощь! Сейчас или никогда»¹⁸⁶. Риторика Бюлова тоже была категоричной и призывала к действию: «Мы не можем не реагировать па безжалостное убийство немецкого миссионера, особенно католического, не только из соображений внутренней политики и поддержания чести и престижа Германской империи, но также и с точки зрения интересов всех наций»¹⁸⁷.

После ввода военных кораблей в бухту Цзяо-Чжоу и ее оккупации, Китай был вынужден заключить договор с Германской империей. Позже к противостоянию с Китаем присоединились и другие крупные державы, результатом чего стали так называемые «Неравные договоры». Согласно Германо-китайскому договору, заключенному 6 марта 1898 г., Китай отдавал Цзяо-Чжоу с портом Циндао в аренду Германии на 99 лет¹⁸⁸. Положение этого порта было оптимальным для потенциального дальнейшего распространения Германией своего влияния не только в Китае, но и во всей Восточной Азии, означая огромный успех всей колониальной политики. В «Политическом обозрении» даже отмечалось, что последствия новой эволюции германской политики в делах Крайнего Востока, выразившейся в оккупации бухты Киао-Чао, можно нынче считать определившимися, и что вслед за Германией, и

---

¹⁸⁵ Kaiser Wilhelm II an das Auswärtige Amt // Die grosse Politik der europäischen Kabinette: Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes. Band. 14. Erste Hälfte. S. 67.

¹⁸⁶ Ibid. S. 69.

¹⁸⁷ Бюлов Б. Ук. соч. С. 103.

¹⁸⁸ Deutsch-chinesischer Vertrag vom 06.03.1898 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 217-218.

Россия вынуждена была озаботиться приобретением на побережье Китая надежной военно-морской базы¹⁸⁹.

В 1899-1901 гг. в Манчжурии произошло восстание, позже известное в историографии как «Боксёрское восстание» или «Ихэтуаньское восстание»¹⁹⁰. 13-14 июня 1900 г., после того как восставшие заняли Пекин, началась осада посольского квартала, в результате чего был убит германский посланник Клеменс фон Кеттелер. Иностранный контингент войск в Китае общей численностью 63 000 человек, включая крупный немецкий корпус, смог подавить восстание. 23 мая 1901 г. между Китаем и европейскими странами было заключено соглашение. Никаких территориальных потерь Китай не понес, но была назначена компенсация в размере 1,350 миллионов марок, подлежащая выплате в течение 39 лет. Китай также обязался направить делегацию в Берлин в качестве извинений за совершенные убийства¹⁹¹.

Во время одного из выступлений в Берлине Вильгельм II указал на всеобщее уважение к Германии на Востоке. Кроме того, важной частью выступления было мнение о том, что его скорое путешествие на Восток не только способствует открытию новых рынков для Германской промышленности, но и послужит укреплению мира. В этом сразу было найдено противоречие, так как одновременно с миролюбивыми заявлениями императора существовал вносимый на обсуждение в рейхстаг проект об увеличении численности армии Германии в мирное время на 23 277 человек, что составит порядка 500 тысяч рядовых, не считая унтер-офицеров¹⁹². Некоторые соперники Германии могли посчитать это стремлением проводить более активную внешнюю политику для захвата новых колоний.

---

¹⁸⁹ АВПРИ. Ф. 167. Посольство в Берлине. Оп. 509/1. Д. 4261. Л. 70.

¹⁹⁰ Фарберова О. Е. Ихэтуаньское восстание: позиция России // Военно-исторический журнал. 2018. № 5. С. 33-40.

¹⁹¹ Friedjung H. Das Zeitalter des Imperialismus 1884-1914. Band 1. S. 334.

¹⁹² АВПРИ. Ф. 167. Посольство в Берлине. Оп. 509/1. Д. 4261. Л. 174-175.

Действительно, Германия не оставляла замыслов о приобретении больших территорий. Кризис, возникший в Южной Африке с участием Англии и бурских республик, был выгоден Германии. Она рассчитывала вернуть некоторые территории, отданные Англии по Занзибарскому договору в обмен на свой нейтралитет на время конфликта. Вскоре были проведены переговоры, которые включали невмешательство Германии на время англо-бурской войны 1899-1902 гг. Во время переговоров с Англией в 1898 г. обсуждались португальские территории в Африке и Океании, а во время испано-американской войны всерьез шли разговоры и составлялись планы по захвату Филиппин. К островам даже была отправлена военно-морская эскадра во главе с адмиралом Дидерихсом, но из-за противоречий с Соединенными Штатами стороны договорились о колониальной сделке: Германии было разрешено занять Самоа и Каролинские острова в обмен на поддержку Германией американской оккупации Филиппин¹⁹³. Стоит заметить, что Германское колониальное общество ранее обращало внимание правительства империи на возможность экспансии в Океании. Общество направляло резолюции с целью усилить германское влияние на Самоа, где уже действовали английские и французские миссии, но не было немецких¹⁹⁴.

После окончания Испано-американской войны Германская империя воспользовалась ситуацией и в результате договора от 12.02.1899 г. выкупила у Испании за 4 200 000 долларов Каролинские и Марианские острова (кроме Гуама), а также остров Палау¹⁹⁵. Отдельно был заключен договор с Англией, по которому Германия получала архипелаг Бисмарка, Землю кайзера Вильгельма и остров Самоа в качестве платы за свой нейтралитет в англо-бурской войне.

---

¹⁹³ Townsend M. E. Op. cit. P. 191-194.

¹⁹⁴ Prager E. Op. cit. S. 113.

¹⁹⁵ Ibid. P. 196.

Острова в Океании, в частности Самоа, должны были по планам правительства стать украшением всей германской колониальной политики. Бюлов заявлял о важности новых приобретений в контексте доминирования в регионе: «Для нас благодаря Каролинам и Марианам, объединялась в одно целое наша сфера влияния в Великом океане. Архипелаг Бисмарка и Земля императора Вильгельма (Новая Гвинея) на юге, Маршальские, Каролинские острова и Палау в середине и Марианские острова на севере составляли крепкую опорную базу для нашего экономического и общеполитического развития в Океании»¹⁹⁶.

Общая площадь приобретенных колоний составляла немногим более 0,1% колоний, принадлежавших Германии до этого момента. Ничто так остро не показывало бесцельность немецкой мировой политики, как эти простые данные¹⁹⁷. Процесс активного захвата колоний начался в то время, когда заморские территории уже были поделены между колониальными державами, за исключением южного полярного региона и североафриканских территорий Марокко и Ливии, которые в будущем тоже будут подчинены другим европейским державам.

---

¹⁹⁶ Бюлов Б. Ук. соч. С. 139.

¹⁹⁷ Baumgart W. German imperialism in historical perspective // Germans in the tropics. P. 155.

1.3. КОНФЛИКТЫ КОЛОНИАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ В АФРИКЕ НАЧАЛА XX В.

К концу 1890-х гг. начали проявляться первые проблемы, связанные с управлением колониями и ростом напряженности в отношениях с другими колониальными державами. Для императора Вильгельма II на высших постах необходимы были те, кто будет полностью поддерживать его замыслы, особенно во внешней политике. В лице Бернгарда фон Бюлова и Альфреда фон Тирпица Вильгельм видел тех, кто может и готов воплотить его мечты в жизнь, а Бюлов в целом зарекомендовал себя как «будущий начальник штаба Вильгельма»¹⁹⁸.

В первые годы своего правления в качестве канцлера он был скорее просто инструментом Вильгельма II, который проводил политику императора во всех отношениях. Бюлов с самого начала был убежден, что, обратившись к националистическим настроениям буржуазных классов, можно стабилизировать политическую обстановку, и он решил сделать это, начав амбициозный империалистический проект. Император стал главным представителем этого нового националистического империализма не только по причине того, что политическая позиция Бюлова во многом зависела от Вильгельма, но, в частности, потому, что канцлер надеялся использовать имперскую идею во внутренней политике. «Мировая политика», символической фигурой которой был император, должна была сплотить буржуазные классы вокруг правительства в его желании расширить свои колониальные владения. Но дальнейшее расширение колониальной империи приводило к столкновению с другими европейскими державами.

Основным противником в Европе для Германии оставалась Франция. Обе страны понимали неизбежность новой войны, тем самым усиливая ненависть друг к другу среди населения обеих держав. Б. Бюлов даже называл

---

¹⁹⁸ Mommsen W.J. Kaiser Wilhelm II and German Politics. P. 301.

французов «самым тщеславным, милитаристским и самым шовинистическим из всех европейских народов»¹⁹⁹. Существовали и колониальные споры, которые лишь усиливали франко-германское противостояние.

Так, с конца XIX в. началось ожесточенное соперничество между Германией и Францией за Марокко. Марокко являлась важной целью для правительства Германии, учитывая отсутствие у нее колоний в Северной Африке, а также из-за близости к французскому Алжиру, на который тоже могло быть оказано германское влияние. К 1903 г. значительный немецкий капитал был вложен в машиностроительные, промышленные и горнодобывающие предприятия, вдоль побережья располагалось не менее пятидесяти немецких фирм, а немецкие банки действовали в нескольких центрах страны. Всего в стране проживало около 140 немцев²⁰⁰.

8 апреля 1904 г. было подписано англо-французское соглашение, в котором страны урегулировали споры в Египте и Марокко²⁰¹. Этот договор стал одной из важных причин по формированию Антанты. Стороны договорились о колониальных договоренностях, которые дали бы французам полную свободу действий в Марокко. Но французы не предпринимали никаких действий до тех пор, пока амбиции Германской империи не стали угрожать их положению²⁰². Первый Марокканский кризис произошел в 1905 г. из-за желания Франции, которая уже к этому моменту контролировала Алжир и Тунис, получить особое влияние в Марокко. В начале 1905 г. Франция планировала заставить султана Марокко проводить выгодные для самой Франции реформы, не препятствовать французским советникам, а также дать французским компаниям концессии. Султан отклонил данные требования, пользуясь поддержкой императора Германии. Министр-резидент Российской империи в Танжере В.Р. Бахерахт указывал в донесениях, что

---

¹⁹⁹ Бюлов Б. Ук. соч. С. 39.

²⁰⁰ Kampffmeyer G. Die Grundlagen der Marokkofrage. // Zeitschrift für Politik, 1915, Vol. 8. S. 297-380.

²⁰¹ The Franco-British Declaration, 1904. (Франко-английское соглашение, установившее так называемое «сердечное согласие» (entente cordiale))

²⁰² MacKenzie J.M. Op. cit. P. 12.

«беспрепятственному приведению в исполнение французской программы может помешать настроение марокканцев, которые чувствуют, как под личиной мирного проникновения на них надвигается грозная туча скрываемых разными добрыми словами посягательств на их независимость, на их нравы и обычаи, а также главное на их кошельки»²⁰³.

В марте 1905 г. император Вильгельм II планировал совершить морское путешествие в Средиземное море. Перед отплытием он в очередной раз озвучил перед собравшейся толпой цели внешней политики империи, а именно тот факт, что идеалом мирового владычества Германии является «не гигантские замыслы великих завоевателей, царства которых распались, а возвеличение Империи путем мирного развития, при полной боевой готовности как на суше, так и на море». Император также вспоминал, как при вступлении на престол он поклялся, насколько это будет от него зависеть, оставить в покое штыки и пушки²⁰⁴. Вскоре стало известно, что еще одним местом, которое император посетит, станет марокканский город Танжер.

31 марта 1905 г. император Вильгельм лично прибыл в Танжер, где объявил: «Я надеюсь, что под суверенной властью султана свободное Марокко останется открытым для мирного соперничества всех наций, без каких-либо монополий и аннексий, на началах полного равенства. Моя поездка в Танжер имеет целью показать, что я исполнен решимости использовать все имеющиеся в моем распоряжении силы, для того чтобы с успехом защищать интересы Германии в Марокко»²⁰⁵. Бахерахт позже писал в Санкт-Петербург о визите императора Вильгельма: «выдалось впечатление, что Державный Путешественник (Вильгельм II - С.Ф.) ..... имел в виду оказать некоторую нравственную поддержку марокканцам в их усилиях противостоять французским захватам и заявить вместе с тем о твердой

---

²⁰³ АВПРИ. Ф. 167 Посольство в Берлине. Оп.509/1. Д. 4632. Л. 2.

²⁰⁴ АВПРИ. Ф. 167 Посольство в Берлине. Оп.509/1. Д. 4566. Л. 33

²⁰⁵ Из речи Вильгельма II в Танжере 31 марта 1905 г. №86 // Королев А.Л. Международные отношения 1870-1918 гг. С. 155.

решимости Германии настаивать на соблюдении принципа «открытых дверей» в Марокко как в коммерческом, так и в экономическом отношении»²⁰⁶.

В разговоре с послом Российской империи французский министр иностранных дел Теофиль Делькассе предположил, что император Вильгельм имел в виду не ту практическую цель, которую представляет германская печать и на которую указывает в своей речи Граф Бюлов, а иную, более политического и личного свойства: создание затруднений Франции в минуту, когда ее союзница занята на Дальнем Востоке²⁰⁷. Учитывая это, Германская империя рассчитывала на уступки со стороны Франции по Марокко. Россия, союзник Франции, в то время вела войну с Японией и не могла эффективно ей помочь. Деятельность немецкой дипломатии не ограничилась внешней политикой. Посол А.И. Нелидов писал об осведомленности Германского правительства о внутреннем положении вещей во Франции и о беспредельно миролюбивом настроении крайних партий, позволяя Германии действовать запугиванием. На границе исполнялись передвижения войск, которые, несмотря на отрицание их враждебного значения, производили впечатление²⁰⁸.

Российский посол в Берлине Н.Д. Остен-Сакена не был согласен с данным мнением. После встречи послов разных стран и помощника статс-секретаря фон Мольберга он отметил стремление Берлинского кабинета добиваться рассмотрения англо-французского соглашения относительно Марокко державами, подписавшими Мадридскую конвенцию 1880 г. Таким способом Германское правительство надеялось вызвать общий протест против ненавистного ему англо-французского соглашения и по возможности расторгнуть его²⁰⁹. Кроме того, Остен-Сакен писал в Петербург: «Несмотря на

---

²⁰⁶ АВПРИ. Ф. 167 Посольство в Берлине. Оп.509/1. Д. 4632. Л. 7.

²⁰⁷ АВПРИ. Ф. 167. Посольство в Берлине. Оп. 509/1. Д. 4612. №25 Л. 200.

²⁰⁸ АВПРИ. Ф. 167. Посольство в Берлине. Оп. 509/1. Д. 4612. №45 Л. 239.

²⁰⁹ АВПРИ. Ф. 167. Посольство в Берлине. Оп. 509/1. Д. 4566. №30. Л. 52

затягивающийся Марокканский инцидент, настроение умов в Германии лишено какого бы то ни было неприязненного отношения к Франции. Раздражение общественного мнения направлено наоборот, скорее, против Англии, вовлекшей Францию в Марокканскую сделку»²¹⁰.

В июне 1905 г. Теофиль Делькассе, который поддерживал захват Марокко, ушел в отставку. Германская империя старалась разжечь антифранцузские настроения в самом Марокко и прилагала усилия к пересмотру Мадридской конвенции 1880 г., по которой большое влияние в султанате имели Франция и Испания. Необходимо отметить важное событие для всего соперничества европейских держав за Марокко: осенью 1904 г. французский Комитет по делам Марокко добился тайного соглашения с Испанией, которая фактически отдала на откуп французам важнейшую часть Марокко и прекратила постороннюю деятельность во всем марокканском государстве²¹¹.

Германии удалось добиться созыва международной конференции, которая прошла в период с 15 января по 7 апреля 1906 г. В конференции принимали участие почти все страны Европы, за исключением Российской и Османской империй. 25 марта (7 апреля) 1906 г. состоялось подписание генерального акта Альхесирасской конференции по Марокко между 13 государствами. В результате была признана независимость и суверенитет султаната. В 123 статьях конференции были зафиксированы различные положения, касающиеся устройства внутренней политики Марокко. Так, например, полиция должна была находиться под верховной властью султана²¹², в Марокко был учрежден «Марокканский государственный банк»²¹³, а иностранцы получали возможность приобретать недвижимость на

---

²¹⁰ Там же. Л. 52-53.

²¹¹ Хальгартен Г. Ук. соч. С. 313.

²¹² Генеральный акт Алхесирасской конференции по Марокканским делам, заключенный 25 марта (7 апреля) 1906 года // Сборник договоров России с другими государствами (1856-1917). Статья 2. URL: <https://istmat.org/node/27288>

²¹³ Там же. Статья 31.

всем пространстве султаната²¹⁴. Данное соглашение устраивало всех, кроме Германской империи. В первую очередь, ее не устраивала статья о формировании инструкторов шерифской полиции (офицеры и унтер-офицеры) под руководством Франции и Испании²¹⁵, а также создание Марокканского государственного банка. Считалось, что действия германской дипломатии будут направлены прежде всего против учреждения Марокканского государственного банка, который в руках французов положил бы начало полному финансовому закабалению Марокко²¹⁶. В.Р. Бахерахт отмечал желание Германии добиться в Марокко того положения покровительницы-эксплуататорши, какое она так успешно занимает в Турции²¹⁷. Во многом это не случилось по причине нахождения Германии в изоляции по ходу конференции, так как она не получила поддержки ни от кого, кроме Австро-Венгрии. По причине этого ей не удалось ослабить французские позиции в Марокко.

К 1907 г. напряженность между Германией и Францией продолжала существовать, но без угроз применения силы. В Марокко находились представители многих стран Европы, и, как отмечал посланник Российской империи в Танжере Е.В. Саблин в письме министру иностранных дел: «почти все здешние представители склонны видеть в России единственную державу, способную играть беспристрастную посредническую роль между Германией и Францией в их недоразумениях по Марокканскому вопросу»²¹⁸. Однако в марте 1907 г. в Марокко произошли неожиданные события. Саблин писал: «Фанатичная толпа убила камнями французского врача в Маракеше. Усиленно говорят, что вдохновителем убийства был немец Гольцман,

---

²¹⁴ Там же. Статья 60.

²¹⁵ Там же. Статья 12.

²¹⁶ АВПРИ. Ф. 167 Посольство в Берлине. Оп.509/1. Д. 4632. Л. 14.

²¹⁷ АВПРИ. Ф. 167 Посольство в Берлине. Оп.509/1. Д. 4632. Л. 10.

²¹⁸ АВПРИ. Ф. 167. Посольство в Берлине. Ф. 509/1. Д. 4783.Л. 45-46.

подозрительная личность, проживающая в Маракеше»²¹⁹. Жертвами погромов позднее были и представители других европейских стран. Отмечались произошедшие в Касабланке беспорядки, в ходе которых было убито пять французов, три испанца и итальянец, а также было много раненых²²⁰. Франция отправила крейсер с войсками для стабилизации обстановки, и к концу июля французские и испанские корабли смогли блокировать все важные марокканские порты. Франция согласилась гарантировать интересы граждан Германии в Марокко, и этот небольшой кризис довольно быстро был урегулирован.

В 1909 г. было подписано несколько важных соглашений между Францией и Германией. В первом речь шла о горной промышленности в Марокко, над которой устанавливался контроль в виде международного треста, в котором примут участие капиталы всех держав в определённой пропорции. Посланник П.С. Боткин писал в Петербург о следующих пропорциях: «Франции достанется 40% этого громадного предприятия, Германии – 20%, Англии – 10%, Испании тоже 10%, остальные 20% распределены между другими державами»²²¹. Через месяц произошло еще более важное событие в контексте противостояния двух стран в регионе. Боткин писал, что «переговоры между Берлинским и Парижским кабинетами по делам Марокко вылились, наконец, в определённую форму. Только что заключенное соглашение знаменует собой важный шаг к сближению Франции и Германии, являясь выражением политического примирения этих двух держав. Что же касается Марокканского вопроса, то его следует считать более или менее разрешённым настоящей любовной сделкой»²²².

В тексте данного соглашения, которое практически сразу попало в периодическую печать, говорилось, что правительство Французской

---

²¹⁹ АВПРИ. Ф. 167. Посольство в Берлине. Ф. 509/1. Д. 4783. Л. 8.

²²⁰ АВПРИ. Ф. 167. Посольство в Берлине. Ф. 509/1. Д. 4783. Л. 17.

²²¹ АВПРИ. Ф. 167. Посольство в Берлине. Ф. 509/1. Д. 4903. Л. 7

²²² АВПРИ. Ф. 167. Посольство в Берлине. Ф. 509/1. Д. 4903. Л. 15

Республики, которое стремится сохранить целостность и независимость Марокко, полно решимости поддерживать экономическое равенство и, следовательно, не противодействовать немецкой торговле и коммерческим интересам там. С другой стороны, имперское правительство Германии, преследующее исключительно экономические интересы в Марокко, не желает противодействовать особым политическим интересам Франции, тесно связанным с обеспечением порядка и мира. Обе страны заявляют, что они не будут принимать или поощрять какие-либо меры, которые могли бы создать экономические привилегии в их собственных интересах или в интересах какой-либо державы, и что они будут стремиться к совместному участию своих граждан в тех сделках, исполнение которых должно быть им поручено²²³.

Так получилось, что в марокканском деле все попытки примирить экономические интересы Германии и Франции, предпринятые в 1909 и 1910 гг., потерпели неудачу. Препятствием были не правительства обеих сторон, которые старались идти на компромисс, а раздраженное общественное мнение каждой из стран, ревность французской колониальной партии и высокие требования пангерманцев.

Решающий перелом наступил в феврале 1911 г. Предлог для полного подчинения Марокко Францией нашелся легко. В это время вспыхнуло восстание против правления султана Мулей Хасида на караванном пути, ведущем из Танжера в столицу – город Фес. Это событие не было чем-то удивительным, учитывая ежегодные подобные восстания, но французское правительство объявило о намерении вмешаться, как они выразились, чтобы спасти Махзен (марокканская система управления)²²⁴. Уже в походе французское командование получило известие о победе султана над мятежниками. Однако французское правительство не отказалось из-за этого

---

²²³ Ein Deutsch- französisches Abkommen über Marokko // Norddeutsche allgemeine Zeitung. 1909. 10 Februar. S. 2.

²²⁴ Friedjung H. Das Zeitalter des Imperialismus 1884-1914. S. 21.

от своего плана, и армия двинулась в Фес 21 мая. Не встречая никакого сопротивления, французы заняли и другие более важные места в стране. Затем испанцы поспешили конфисковать часть Марокко, на которую они претендовали по секретному договору от 4 октября 1904 г.²²⁵.

Тем временем в Берлине чувствовали, что Германия ждала достаточно долго. Прошло пять недель с тех пор, как французы вошли в Фес, и, по выражению государственного секретаря и главы министерства иностранных дел Альфреда фон Кидерлен-Вехтера, они «расползались, как масляное пятно»²²⁶. В правительстве обсуждались планы решительно показать французам мощь Германии. Рассматривались различные меры, пока правительство по совету государственного секретаря не остановило свой выбор на решении, которое стало известно как Агадирская забастовка.

1 июля 1911 г. немецкая канонерская лодка «Пантера» появилась у западного побережья Марокко и вошла в порт Агадира. По замыслу берлинского кабинета, ее появление должно было привлечь внимание европейских стран к сложившейся ситуации. Вскоре «Пантера» сменилась малым крейсером «Берлин». В самом начале правительство официально объявило, что мера направлена исключительно на защиту жизни и безопасности немцев, проживающих в этот регион. Это был только предлог, но скорее военный корабль был использован для того, чтобы показать готовность Германии использовать оружие для гарантии получения выгоды от этой ситуации.

В колониальных газетах сразу после отправки флота к берегам Марокко начали выходить заявления о защите интересов Германии в Северной Африке: «Сейчас настало время правительству Германии позаботиться о том, чтобы наши интересы не пострадали от хаоса, вызванного виной французов»²²⁷. Во

---

²²⁵ Espagne et France. Accord secret relatif au Maroc, signe a Paris le 3 octobre 1904 // la Revue Générale de Droit International Public, tome XIX. P. 19-21.

²²⁶ Friedjung H. Das Zeitalter des Imperialismus 1884-1914. S. 24.

²²⁷ Dr. Raulisch. Zur marokkanischen Frage // Deutsche Kolonialzeitung. 1911. 8 Juli. S. 456.

всей Германии кризис в Марокко рассматривалось как неизбежная война в самое ближайшее время. Считалось, что уступки и поражение в этом споре нанесут колоссальный удар по престижу империи. Макс Вебер разделял патриотические настроения немецкого народа и видел войну как возможность для Германии утвердить себя как великую державу (Grossmacht). Позже, уже в начале Первой мировой войны действия империи сопровождались мощным националистическим подъемом, который Вебер и многие влиятельные фигуры поддерживали²²⁸.

После так называемого «Прыжка «Пантеры» члены «Пангерманского союза» особенно остро реагировали на результат кризиса в Марокко, который многими считался настоящим поражением и даже национальным унижением. Пауль Рорбах в своих записях отмечал важность Марокко для империи: «допустить Германию в качестве соседа в Марокко французы согласились бы только после проигранной войны: если мы там укрепимся, то мы будем в состоянии снабжать марокканцев, алжирцев, сенегальцев и других подчиненных французам народов оружием, деньгами и вождями, в любой момент, когда нам вздумается, вызывать беспорядки во всей колониальной империи французов в Северной Африке и в благоприятный момент поднять в ней восстание»²²⁹.

Германия рассматривала другие варианты по расширению своих территорий в Африке. Существовала идея отказа от Марокко, но в качестве компенсации рассматривались территории французского Конго. Однако, даже после получения крупных территорий в этом африканском районе, это не было воспринято как победа в германском обществе. Колониальная пресса выступала против такой компенсации: «В течение некоторого времени рассматривалась возможность того, что мы будем выступать против отказа от

---

²²⁸ Ростиславлева Н.В. Макс Вебер в годы Первой мировой войны // Вестник РГГУ. – 2017. – №13 (135). С. 137-138.

²²⁹ Рорбах П. Ук. соч. С. 45.

немецких притязаний в Марокко в другом месте. В этом контексте обсуждалось приятное округление нашей охраняемой территории Камеруна. Скажу честно: мы не очень любим такие бартерные сделки»²³⁰. Говоря о марокканском кризисе, Б. Бюлов с горечью отмечал позицию Германии, которая «жалобно забила отбой и выкинула белый флаг»²³¹. Противостояние с Францией и «поражение» Германской империи в этом споре лишь усиливало уже существующие антифранцузские настроения.

4 ноября 1911 г. Германия и Франция пошли на уступки друг другу и между сторонами было подписано Марокканское соглашение, в котором заявлялось: «имперское германское правительство заявляет, что, поскольку оно имеет в Марокко только экономические интересы, оно не будет препятствовать Франции в оказании помощи марокканскому правительству в проведении всех тех административных, судебных, экономических, финансовых и военных реформ, которые необходимы для хорошего управления империей»²³². Германия требовала от Франции территориальную компенсацию в виде части французского Конго. В конце концов стороны сошлись на передаче Германии части территорий в Конго в качестве платы за отказ от всех притязаний на Марокко. 3 октября 1912 г. был издан императорский указ об объединении новых территорий в Экваториальной Африке с территориями колонии Камеруна²³³. Такой результат отчасти устраивал правительство Германской империи, учитывая проекты по созданию единой германской «Срединной Африки» («Mittelafrika»), в которую вошли бы все германские колонии на континенте. Центром такого

---

²³⁰ Dr. Raulisch. Zur marokkanischen Frage // Deutsche Kolonialzeitung. 1911. 8 Juli. S. 456.

²³¹ Бюлов Б. Ук. соч. С. 405.

²³² Deutsch-französisches Abkommen über Marokko vom 4. November 1911. URL: <https://www.bundesarchiv.de/themen-entdecken/online-entdecken/geschichtsgalerien/flaggenwechsel-ueber-neukamerun-das-marokko-kongo-abkommen/>

²³³ Kaiserlicher Erlass vom 03.10.1912 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 379.

проекта должны были стать не только территории французского Конго, но и потенциальное бельгийское Конго²³⁴.

Стремительно расширяя свои заморские владения и продвигая свои интересы во всем мире, правительство Германской империи провоцировало враждебные отношения со многими европейскими странами. Общественное мнение Германской империи выступало против всех уступок в территориальных спорах, что вызывало конфликты внутри страны. Возможные объяснения воинственной позиции и создания кризисов, характерных для немецкой внешней политики в период после 1890 г., варьируются от непостоянной позиции кайзера до некомпетентности некоторых немецких дипломатов. Однако, возможно, также верно, что своеобразный стиль немецкой «Мировой политики» был результатом дилеммы, в которой оказались сторонники экономического империализма в сотрудничестве с Британией. Они должны были убедить британское мнение, что Германия была достаточной угрозой, чтобы соглашение с ней было необходимо, но очевидно, что немецкая воинственность по Самоа, Южной Африке и Марокко, когда правительство не имело намерения подкрепить свою позицию силой, была не лучшим способом достижения этой цели²³⁵. Официальная политика имела обратный эффект, поскольку она создала опасения относительно целей Германии в Великобритании и усложнила достижение англо-германского сотрудничества.

Азия, Африка и Америка играли все большую роль в общих политических расчетах европейских правительств, подчеркивая неизбежность великой войны между империями. Высказывались даже предположения, что за полвека до 1914 г. европейская межгосударственная система пяти великих держав установила их коллективное «мировое господство»²³⁶. Вся система международных отношений с конца XIX – начала XX в. строилась на заключении военных союзов и формированию

---

²³⁴ См. Приложение №2

²³⁵ Smith W. D. Op. cit. P. 178.

²³⁶ Osterhammel J. Op. cit. P. 474.

противоборствующих блоков, которые отчасти организовывались из-за колониальных противоречий. Марокканский (Агадирский) кризис усилил противоречия между Германской империей и странами Антанты. Обе стороны понимали высокую вероятность новой войны в Европе, которая бы означала ведение боевых действий и на территории колоний. Германия казалась стороной, которая была больше всех заинтересована в начале войны. К 1914 г. она была близка к завершению своей флотской программы, а также имела самую передовую сухопутную армию на континенте. Новый передел мира после быстрой победы, на которую рассчитывало правительство Германии, решал бы задачу по нахождению колониального лидерства и становлению ведущей мировой державой.

***

Подведем итоги. Можно сделать вывод, что политика Германской империи по захвату новых территорий отличалась от действий других колониальных держав. Так, Германия не использовала свои вооруженные силы при захвате территорий в Африке и Океании, за исключением колонии Цзяо-Чжоу в Китае. Типичная практика захвата территорий была следующая: частные лица приобретали земли путем заключения договоров с вождями племен, после чего государство провозглашало их протекторатами империи и гарантировало защиту этих земель. Основными мотивами для начала колониальной экспансии являлись как возможность получить сырье и рынки сбыта для своей развивающейся промышленности, так и растущий энтузиазм населения и попытки отвлечения граждан от вопросов внутренней политики.

В свою очередь, на колониальную политику Германии значительное влияние, во многом ввиду разных взглядов, оказывала позиция действующих канцлеров и императоров. По этой причине у империи долгое время не существовало единого подхода к реализации колониальной политики. Начав с осторожных шагов под руководством Бисмарка, Германия постепенно перешла к активной экспансии, стремясь занять своё «место под солнцем» среди других колониальных держав. Политическая повестка Германии,

особенно в период правления Вильгельма II, была направлена не только на экономическое и стратегическое укрепление империи, но и на формирование национального самосознания, основанного на идеях превосходства и мировой миссии. Правительство империи действовало в тесном взаимодействии с общественно-политическими организациями для достижения своих целей в заморской экспансии.

Несмотря на успехи в захвате новых территорий, вопрос управления колониями не был решен. Конфликты с местным населением, недостаток ресурсов у метрополии и конкуренция с другими колониальными державами, особенно с Францией и Великобританией, ставили правительство Германии в сложное положение. Марокканские кризисы, особенно в 1911 г., ярко продемонстрировали, насколько хрупким было равновесие в колониальной политике. Колониальные конфликты подчеркнули растущую напряжённость между европейскими державами и стали предвестниками будущих глобальных конфликтов. Таким образом, колониальная политика Германии, несмотря на амбиции империи, оказалась скорее проблематичной, чем успешной. Она не только не принесла ожидаемых экономических и стратегических выгод, но и способствовала усилению международной изоляции Германии.

ГЛАВА 2. РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕРМАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

2.1. УТВЕРЖДЕНИЕ ВЛАСТИ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В АФРИКЕ И ОКЕАНИИ В 1880-1890 ГГ.

После захвата обширных территорий на африканском континенте и в Тихом океане, они были объявлены протекторатами империи, или как их называли в Германии – «охраняемые территории» (Schutzgebiete)²³⁷. Название появилось из-за позиции Бисмарка, который хотел избежать, насколько это возможно, какой-либо правительственной ответственности за новые владения. Причинами такого решения стали система союзов европейских держав, которая могла оказаться под угрозой из-за колониальных трений, слабость немецкого военного флота, а также потенциальные расходы на содержание и развитие колоний. Он хотел оставить концессионным компаниям всю ответственность за управление, организацию сбора налогов и переговоры с местными народами. Не должно было быть ни колониальной бюрократии, ни колониальной армии, а метрополия должна была вмешиваться в дела колоний только ради защиты от других держав. Отсюда и название «Schutzgebiete» – «охраняемые территории».

Бисмарк был заинтересован в колониях, потому что они представляли собой «деловое предложение», требующее национальной защиты, и его интерес возрастал по мере того, как положение немецкого купца в Африке и Южных морях подвергалось опасности из-за посягательств других держав. Колонии как места, куда немцы могли эмигрировать, не вызывали у него особой симпатии. Его колониальные лозунги, напротив, гласили: «Флаг следует за торговлей» и «Сначала торговец, затем солдат»²³⁸. Опять же, ничто не было так далеко от его плана, как создание имперских провинций,

---

²³⁷ Florack F. Op. cit. S. 5.

²³⁸ Die politischen Reden des Fürsten Bismarck: historisch-kritische Gesamtausgabe. S. 281.

требующих системы чиновников, гарнизонов и войск, как было, например, у Франции.

Заключенные в 1884-1885 гг. соглашения с коренным населением являлись своего рода базисом германской власти в регионах, необходимым условием для владения колониями. В этот же период немецкие географы и путешественники начали исследовать территории на предмет их использования в будущем. По результатам многих экспедиций был сделан вывод о необычайном однообразии всего континента²³⁹. Под однообразием понимались, прежде всего, одинаковый климат, схожая растительность, а также населяющие континент коренные жители, их образ жизни и обычаи.

Первые контакты между колонизаторами и коренным населением Африки были продиктованы заинтересованностью обеих сторон, каждая из которых хотела извлечь пользу из дальнейшего сотрудничества. Местное население могло получить доступ к европейским товарам, которые немцы предлагали им, а часть коренных народов видела возможности использования военной силы Германской империи для победы и возвышения в дальнейшем над другими племенами. Можно сказать, что заинтересованность коренного населения в экономических благах, а также противоречия внутри обществ, создали условия для проникновения немецких колонизаторов в различные регионы Африки.

В случае неудачи в попытках мирного установления своей власти, у Германии оставалась возможность применения военной силы. Это происходило в тех случаях, когда мирная дипломатия или европейские «блага» не способствовали формированию дружественных отношений. Проникновение европейской империи зачастую уничтожало традиционное положение вещей в регионах и играло очень сильную дестабилизирующую роль в контексте постоянной вражды между племенами и целыми народами. Необходимость захвата внутренних районов для разграничения границ своих

---

²³⁹ Reichard P. Op. cit. S. 22.

колоний заставляла европейские державы использовать как сотрудничество с коренным населением, так и военную силу для достижения этих целей.

Первые годы показали ошибочность предположений, что европейские ценности, подаренные немцами «отсталому» населению колоний, помогут сформировать союзы с аборигенами. Это происходило во многом по причине отказа многих племен в африканских колониях от германской «цивилизации». Было заметно, что помимо тех племен, которые выступали за союзы с империей, существовали изолированные племена, не желающие вступать в контакт с кем-либо, а также силы, откровенно враждебные по отношению к европейцам.

По мере освоения территорий у германского правительства сформировались планы развития каждого региона в Африке. Для получения в интересах метрополии максимальной выгоды от эксплуатации ресурсов было необходимо учитывать специфику каждой колонии. Во многом планирование основывалось на региональных особенностях каждой колонии: Германскую Юго-западную Африку планировалось использовать для фермерства, в то время как Германская Восточная Африка должна была специализироваться на ведении торговли в Индийском океане. Колонии Того и Камеруна рассматривались и как фермерские, и как торговые колонии²⁴⁰.

По сути, существовало несколько противоположных моделей, которые на практике часто дополняли друг друга: во-первых, плантационная экономика с крупномасштабными монокультурами, которые выращивались местными рабочими и производились преимущественно на экспорт. Она требовала больших капиталовложений и значительной рабочей силы, которую часто можно было набрать только силой. С учетом жестокого обращения и тяжелыми условиями, работа на плантациях приводила к многочисленным смертям среди рабочих.

В отличие от крупных плантаций, фермерское хозяйство представляло собой альтернативную модель колониальной экономики, тесно связанную с

---

²⁴⁰ Florack F. Op. cit. S. 8-10.

социально-политическими целями. Это было особенно широко распространено в немецкой Юго-Западной Африке, которая должна была быть преобразована в колонию поселенцев в рамках крупномасштабных мер по экспроприации земли и иммиграционной политики. Учитывая бедность почвы, сельское хозяйство было возможно только на уровне прожиточного минимума, и фермеры, как и местные общины, сосредоточились на выращивании скота²⁴¹.

В одной из ежегодных книг о делах в колониях договоры о защите были охарактеризованы следующим образом: «Заключение договоров о германской защите происходило в то время, когда следовало действовать быстро, когда казалось, что самое главное – обеспечить за собой определенные территории для последующих колониальных целей. Все это следовало осуществить минимальными средствами, для чего и понадобились договоры о защите»²⁴².

Для германского правительства «договоры о защите» представляли собой необходимую формальность. Сам факт заключения этих договоров был важнее их содержания. В них не шло никакой речи о земельных экспроприациях. Содержание заключенных в 1884-1885 гг. «договоров о защите» сводилось к следующему: вождь, подписывающий договор, берет на себя обязательства не заключать договоров с другими государствами, не отдавать свою страну или ее части какому-либо другому государству без согласия германского правительства, а также охранять жизнь и собственность немецких граждан. За это германское правительство обещает соответствующему вождю и его племени защиту, право вождя распоряжаться своими подданными признается и поддерживается, европейцы должны уважать существующие традиции и обычаи африканцев и не делать ничего такого, что противоречит законам и правилам их собственной страны.

---

²⁴¹ Conrad S. Deutsche Kolonialgeschichte. S. 56.

²⁴² Meinecke G. Koloniales Jahrbuch. 1889. S. 182.

Зачастую, при подписании договоров для коренного населения и вождей племен не всегда был понятен смысл таких соглашений. Это было обусловлено незнанием очевидных для немцев правовых норм, которые, ввиду определенных формулировок, могли трактоваться в пользу колонизаторов. Губернатор Юго-Западной Африки Теодор Лейтвайн, отмечая сложность в понимании смысла договоров для африканцев, писал: «В договорах туземцы, по-видимому, подписали даже больше, чем обычно, не зная, что они делают»²⁴³. В перспективе это могло стать причиной усиления конфронтации между сторонами.

Договорные отношения, которые устанавливались с различными народами Африки и Океании, должны были символизировать мирные намерения обеих сторон. На начальном этапе, когда в колониях еще не было колониальных войск и полиции, а также не началась активная экономическая эксплуатация колоний, отношения между сторонами были напряженными. Сторонники колониализма в Германии считали, что все заключенные договоры дают возможность для будущего «активного использования всех колониальных территорий»²⁴⁴.

Юго-Западная Африка стала первой немецкой «охраняемой территорией», а установлению немецкого правления в колонии способствовала напряженность между двумя самыми большими племенами, гереро и нама, вождями которых были Самуэль Махереро и Хендрик Витбуи. Каждый из них пытался использовать немцев для усиления собственной власти. В 1884-1885 гг. немцам удалось заключить договоры со многими народами Юго-Западной Африки: бетанийцами²⁴⁵, топнаарами²⁴⁶, общиной

---

²⁴³ Leutwein T. Op. cit. S. 261.

²⁴⁴ Fabri F. Fünf Jahre Deutscher Kolonialpolitik. S. 75.

²⁴⁵ Schutzvertrag mit Bethanien / SWA vom 28.10.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 248-250.

²⁴⁶ Vertrag mit Piet Haibib / SWA vom 19.08.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 347.

рехоботеров²⁴⁷ и гереро²⁴⁸. «Договоры о защите» были задуманы как продолжение заключенных Людерицем договоров о покупке, чтобы узаконить германское проникновение в регион. Большинство договоров было заключено бывшим рейнским миссионером К.Г. Бюттнером. Ранее при заключении договоров Людерицем о приобретении земель, миссионеры играли решающую роль. Теперь же Бюттнер выступал перед африканцами как посланник германского кайзера, прибывший для заключения договоров о защите. Заключение договора о защите с гереро было самым крупным успехом германских колонизаторов, так как оно позволило не оказаться одновременно в противостоянии с двумя сильными племенами – гереро и нама. В позиции обеих этнических групп по отношению к колониализму имелось существенное различие: если нама решительно отвергали любую форму зависимости от европейских колониальных держав, то гереро выступали лишь против германского колониального господства²⁴⁹.

Еще одним примером подчинения являлась деятельность Карла Петерса и его сторонников из Германского восточноафриканского общества, которые также различными методами заключали договоры с африканскими вождями. Водружение флага в различных районах Восточной Африки означало международно-правовые притязания общества на те или иные территории. Так, были заключены договоры с вождями племен Нгуру²⁵⁰, Кимола,²⁵¹ Мангунго²⁵², Себегул²⁵³, многие из которых не гарантировали никакой защиты коренному населению, а ставили своей целью официальное подчинение этих территорий.

---

²⁴⁷ Vertrag mit den Rehobother Bastards / SWA vom 13.10.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 247.

²⁴⁸ Vertrag mit den Herero vom Omaruru / SWA vom 03.11.1885 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 271.

²⁴⁹ Дрекслер Х. Ук. соч. С. 35.

²⁵⁰ Vertrag mit dem Sultan von Nguru vom 24.11.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 350.

²⁵¹ Vertrag mit dem Sultan von Kimola vom 27.11.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 352.

²⁵² Vertrag mit dem Sultan von Mangungo vom 29.11.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 353.

²⁵³ Vertrag mit dem Sultan von Sebegul vom 29.11.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 354.

Более того, в историографии Карл Петерс известен прежде всего своими набегами на африканские деревни и убийствами мирного населения. В определенный момент эти набеги достигли даже британской территории и грозили втянуть Германию в нежелательную войну. Такие действия Петерса шли вразрез с планами правительства Германской империи: можно было проследить желание Бисмарка закрепиться на захваченных территориях и не вступать в противоречия с другими колониальными державами. Петерс в своих мемуарах позже опишет это столкновение интересов: «Там постепенно надоели "вечные поднятия флага", постоянные столкновения с британскими, французскими и арабскими судебными претензиями»²⁵⁴.

Наиболее печально известным эпизодом стала казнь его африканской любовницы и ее слуги по подозрению в измене, что вызвало скандал даже в среде колониальных чиновников²⁵⁵. В 1897 г., после официального расследования, Петерс был отозван из колонии и уволен с государственной службы «за жестокое обращение с туземцами». Хотя впоследствии он был частично реабилитирован кайзером, «дело Петерса» стало символом злоупотреблений колониальной администрации и способствовало публичной критике колониальной политики Германии, подчеркнув ее противоречивый и варварский характер.

Смена курса при Л. Каприви происходила на фоне сопротивления коренного населения Восточной и Юго-Западной Африки германской колонизации. Уже тогда назревал кризис германского империализма, который концессионные общества не могли решить своими силами. Бисмарк в своём докладе кайзеру отмечал, что мятеж в Восточной Африке подавляется при активном посредничестве империи, а также писал о необходимости выделения больших средств для решения проблем в регионе, однако это могло быть сделано только с одобрения рейхстага²⁵⁶.

---

²⁵⁴ Peters C. Op. cit. S. 129.

²⁵⁵ Reuss M. The Disgrace and Fall of Carl Peters: Morality, Politics, and Staatsräson in the Time of Wilhelm II // Central European History. 1981. Vol. 14. №. 2. P. 129.

²⁵⁶ Bericht Bismarcks an den Kaiser vom 9. November 1888 über die Lage in und um Ostafrika // Sorge R. Der neue deutsche Imperialismus. S. 144-145.

Помимо заключения официальных договоров, разрабатывались и другие способы проникновения и закрепления в колониях. Еще до захвата определенных районов там действовали миссионеры, которые принимали участие в формировании у коренного населения базовых европейских ценностей, обучении грамотности и немецкому языку и, в целом, подготавливали почву для дальнейшей колонизации. Кроме того, миссионеры часто участвовали в экспедициях с целью поиска свободных и благоприятных земель, а в будущем активно помогали колониальным администрациям и переселенцам из Германии.

Колонизация населения, как правило, имела наиболее значительный эффект, когда она проходила одновременно через несколько отправных точек, то есть в административных районах на побережье и в прилегающих районах. После военного порабощения населения немецкая администрация укрепляла свое влияние путем создания органов власти, включая суды, а также внедряя немецкую систему образования. В то же время, по мере того как немецкое правление становилось все более и более прочным, происходило экономическое манипулирование населением, которое было необходимо для достижения колониально-политических целей²⁵⁷.

По замыслу Бисмарка оптимальным примером для колоний являлись английские чартерные компании XVII-XVIII вв., которые обладали бы суверенными правами и полной монополией. Фактически, были сформированы только четыре такие привилегированные компании, а именно: Восточно-Африканская компания, Новогвинейская компания, Юго-Западно-Африканская компания и Джалуитская Компания. Однако из этих четырех привилегированных компаний, которые действительно управляли колониями по своему собственному праву, только две, Новогвинейская компания и Компания Джалуит, выжили после 1890 г. Даже Новогвинейская компания из-за финансовых затруднений обратилась к имперскому правительству в 1889 г. с просьбой освободить ее от всех административных полномочий.

---

²⁵⁷ Hausen K. Op. cit. S. 162.

Позже, в 1893 г., она снова приняла их, но только для того, чтобы полностью сложить их с себя в 1898 г. По итогу, только компания Джалуит, ответственная за Маршалловы и Каролинские острова, просуществовала до XX в., но и она отказалась от своей политической власти в 1906 г.

Немецкая Юго-Западная Африка была единственной колонией, территории которой находились не в тропическом поясе. Более благоприятные условия означали большее число жителей из самой метрополии, чем в других африканских колониях. Хотя Германская Юго-Западная Африка была полностью подходящей по климатическим условиям для поселения европейцев, она оказалось самой трудной и обременительной в плане умиротворения населения. Правительство рассчитывало найти на территории Юго-Западной Африки богатые месторождения алмазов и золота, но в первые годы после захвата территории администрация терпела неудачу в их поиске. Из-за этого начались годы крайнего разочарования колониальной политикой, длившейся с 1886 по 1892 гг. Стоит отметить, что африканцы в Юго-Западной Африке в этот период времени почти не замечали германский протекторат. Газета *Deutsche Kolonialzeitung* указывала на существование германского протектората над этими обширными территориями исключительно на бумаге: «Народу так много рассказывают о могуществе Германского рейха, но ни один человек ничего этого не видит. Нама крадут и грабят скот гереро и ведут военные походы, не заботясь о мощи империи. Неудивительно, что гереро начинают сомневаться во власти Германской империи. Эта ситуация больше не может так дальше продолжаться, как это происходит сейчас, без позора для Германии. Либо со стороны Германской империи должно что-то произойти, чтобы сохранить репутацию, либо она должна отказаться от территорий, ибо это положение позорно для Германии»²⁵⁸. Газета в данном случае выражала явную критику правительства за слабость, но не ставила под сомнение всю колониальную политику империи. Это сравнимо с позицией «лояльной оппозиции». В статье нет упоминаний об отсутствии войск в колонии по причине того, что

---

²⁵⁸ Die Lage im Herrero-land // *Deutsche Kolonialzeitung*. 1887. 1 September. S. 533.

правительство не начало финансировать колонии в целом и охранные войска в частности.

Присутствие сильных и независимых племен – гереро и нама, сохраняло риск восстаний до 1906 г. Колония требовала огромных финансовых вложений для развития: ее побережье нуждалось в строительстве гавани, обширные земли, подходившие для животноводства, требовали орошения, полезные ископаемые не могли добываться без дорогостоящего оборудования, а отдалённые территории страны, не связанные естественными водными путями, сделали неизбежным крупномасштабное строительство автомобильных и железных дорог. Это строительство было не просто организационной необходимостью, а инструментом фундаментального переконструирования пространства. Железные дороги, прорезавшие ландшафт, выполняли двойную функцию: они не только физически связывали удаленные и неконтролируемые районы с административными центрами, но и облегчали военное развертывание и подавление сопротивления. Символически они воплощали и закрепляли власть метрополии, превращая «дикую», неподконтрольную территорию в упорядоченное, пронизанное имперским присутствием пространство. Инфраструктура стала артериями контроля, материализующими колониальный дискурс о покорении и «окультуривании» пространства.

В начале 1885 г. случился первый кризис в финансировании проекта Юго-Западной Африки. Адольф Людериц указывал на отсутствие достаточного количества средств для ведения деятельности в колонии, а ежегодные расходы составляли не менее 115 тыс. марок, без учета стоимости покупки пароходов и другого оборудования²⁵⁹. В результате достигнутого соглашения между Людерицом и правительством Германии, в апреле этого же года Людериц передает все права на земли, включая права на добычу полезных ископаемых, строительство предприятий и поселений Юго-Западно-Африканской компании (Deutsche Kolonialgesellschaft für

---

²⁵⁹ Sander L. Geschichte der Deutschen Kolonialgesellschaft für Südwest-Afrika. S. 13.

Südwestafrika)²⁶⁰. Данная сделка принесла Людерицу 500 тыс. марок и позволила вернуть уже затраченные им средства²⁶¹. Необходимо отметить и то, что до этого существовала вероятность продажи всех прав на колонию англичанам, которые были всерьез в ней заинтересованы. Таким образом сторонники колониальной идеи и сам канцлер Бисмарк сделали все возможное, чтобы убедить богатых людей Германии взять на себя управление колонией.

Юго-Западно-Африканская компания с этого момента номинально осуществляла суверенные права, но во внутренней части колонии власть находилась у имперского комиссара. Это положение не могло долго продолжаться: компания становилась все слабее по мере усиления конкуренции со стороны иностранных компаний и в 1888 г. опустилась до положения торговой компании с монопольными правами лишь на некоторые горнодобывающие районы и земли. Ранее, в 1885 г., когда Генрих Геринг был назначен комиссаром колонии и распространил свою имперскую власть на весь протекторат, политическое влияние компании прекратилось и никогда больше не возрождалось²⁶².

В Восточной Африке получилась схожая ситуация, хотя там Восточноафриканская компания взяла на себя суверенные права и просуществовала более длительное время. Побережье и различные климатические зоны обеспечивали европейцам крупные плантации и широкое разнообразие сельскохозяйственных культур. Хлопок, каучук, табак, кофе – все это можно было выращивать в Восточной Африке. Кроме того, колония обладала длинной береговой линией Индийского океана с превосходными портами, открытыми для восточной торговли, а также аналогичным доступом к большим внутренним озерам, которые служили воротами во внутренние районы колонии.

---

²⁶⁰ Statut der Deutschen Kolonialgesellschaft für Südwestafrika vom 05.04.1885 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 123.

²⁶¹ Zimmermann A. Op. cit. S. 81.

²⁶² Sander L. Geschichte der Deutschen Kolonialgesellschaft für Südwest-Afrika. S. 33.

Восточноафриканская компания была слишком слаба в финансовом и политическом отношении, чтобы использовать полученные возможности. С усилением имперского контроля, в договоре между компанией и империей она отказалась от своих суверенных прав и привилегий на всех территориях²⁶³ Восточноафриканского протектората, который перешел под управление империи 1 января 1891 г. В качестве компенсации компания получала от правительства ежегодную контрибуцию в размере 600 тыс. марок, а также многочисленные привилегии, включая преимущественное право на строительство железных дорог, учреждения банков, получение пятидесятипроцентной прибыли от всех концессий на добычу полезных ископаемых, и, наконец, монополию земельных концессий на еще не востребовавшую территорию²⁶⁴.

Еще большее разочарование Бисмарк испытал в Того и Камеруне, где частные компании, несмотря на свое первоначальное влияние, никогда не функционировали. Торговля в этих регионах была чрезвычайно затруднена из-за английской конкуренции и противодействия народов Камеруна, которые делали все возможное, чтобы предотвратить проникновение немцев во внутренние районы. Торговцы на начальном этапе не всегда могли преодолеть враждебность африканцев и договором установить отношения с племенами внутри страны. Г. Нахтигаль поставил своего компаньона Макса Бухнера на должность комиссара в Камеруне. После восстания населения в декабре 1884 г. были предприняты определенные действия по предотвращению будущих конфликтов, включая создание охранных войск в колонии и замену Бухнера. Имперское правительство также признало необходимость установления формальной власти в Камеруне.

Упомянутые события вынудили Бисмарка в 1885 г. униженно просить рейхстаг об ассигнованиях на создание правительства в Камеруне. Ему пришлось публично признать, что торговцы не примут на себя

---

²⁶³ Vertrag mit der Deutsch-Ostafrikanischen Gesellschaft vom 20.11.1890 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 136-137.

²⁶⁴ Ibid. S. 136-137.

административную ответственность и что имперскому правительству придется организовать колониальную администрацию и отправить губернатора на смену Бухнеру²⁶⁵. Поскольку первоначальные коммерческие компании ограничивали свою деятельность торговлей и отказывались брать на себя какую-либо ответственность за управление или разведку, Камерун с самого начала управлялся как имперская провинция. Правительство было обязано содержать губернатора, его штаб и армию без финансовой отдачи от коммерческих или концессионных компаний, которые пользовались всеми льготами и брали на себя минимум ответственности²⁶⁶. По итогу получалась система, которая была полной противоположностью плану Бисмарка.

В Того, в отличие от Камеруна, не происходило подобных восстаний, но именно она стала самым большим провалом колониальной программы Бисмарка в Африке, поскольку там даже не было никаких следов ее реализации. Никогда не существовало даже концессионной компании с исключительными привилегиями – финансовыми, административными или экономическими. Германская империя брала на себя обязанность «защищать» колонию, а также не вмешиваться во внутренние дела племен. Верховному вождю Млапе было дано право продолжать взимать налоги и пошлины, однако их размер устанавливала метрополия²⁶⁷. Того с самого начала управлялась как имперская провинция во главе с комиссаром. Регион всегда считался колониальной провинцией и никогда не был протекторатом в бисмарковском смысле.

В Океании Германская империя в результате дипломатического соглашения получила около четверти острова Новая Гвинея, часть Соломоновых островов, остров Новая Британия, а также множество маленьких островов, объединенных в Архипелаг Бисмарка. Помимо важности военно-морских баз, угольных станций и торговых портов, эти острова

---

²⁶⁵ Rudin H. R. Op. cit. P. 179.

²⁶⁶ Townsend M. E. Op. cit. P. 144.

²⁶⁷ Vertrag mit König Mlapa / Togo vom 05.07.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 243.

обладали потенциальной экономической ценностью. С древнейших времен в этих районах можно было выращивать кофе, какао, табак, каучук, арахис. Неизведанные и нетронутые территории Новой Гвинеи предлагали безграничные возможности для плантаций, как только они будут полностью исследованы и станут доступными. Кроме того, на этих территориях были найдены панцирь черепахи, перламутр, слоновая кость в больших количествах, а позже на более мелких островах были обнаружены богатые фосфатные залежи.

Охранное письмо от императора Вильгельма наделило Новогвинейскую компанию большими правами и суверенитетом, чем другие компании. Например, она получила более широкое определение монополии, а именно «исключительное право владения и распоряжения невостребованными землями, а также заключения с туземцами договоров, касающихся земли и прав²⁶⁸. Постепенно вводились новые указы, которые позволяли государству взять на себя некоторые из положений протектората. Так, метрополия получала право вводить законы, применимые к данной территории, вести все иностранные дела, право организовывать и командовать всеми вооруженными силами в протекторате.

Новогвинейская компания была преемницей Deutsche-See-Handels-Gesellschaft, для которой Бисмарк безуспешно пытался получить государственную субсидию от рейхстага в 1880 г. Несмотря на свою независимость, Новогвинейская компания, как и Восточноафриканская компания, не смогла добиться успеха. Причиной стало как плохое управление и неспособность развивать экономический потенциал колонии, так и коррупция и невежество со стороны ее чиновников, которые пытались управлять малоразвитой колонией из Германии. Слабость центра отразилась и на местной администрации, где царил настоящая анархия. Поскольку руководство компании не интересовалось страной и ее возможностями,

---

²⁶⁸ Schutzbrief für die Neu-Guinea-Kompagnie vom 17.05.1885 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 115-116.

постоянно существовала текучесть кадров: за год менялось до семидесяти семи чиновников. Тот факт, что через пять лет после закрепления компании в регионе три четверти Земли Кайзера Вильгельма остались неотмеченными на карте, является показателем нестабильности и отсутствия преемственности в управлении.

Гораздо более успешной, чем компания Новой Гвинеи, была самая долгоживущая и маленькая из всех привилегированных компаний, компания «Джалуит», наделенная особыми привилегиями на Маршалловых островах. По контракту с имперским правительством компания согласилась поддерживать правительственных чиновников на островах в обмен на следующие права: владение всей невостребованной землей, монополию на добычу гуано и жемчуга, а также право на консультации по вопросам законодательства²⁶⁹.

Компания «Джалуит» имела необычайный успех: она никогда не сталкивалась с какими-либо проблемами с коренными жителями, оставила управление имперским чиновникам, которых она поддерживала, а сама сосредоточилась на производстве одного товара – копры. В 1901 г. правительство распространило свое влияние на Каролинские острова, купленные в результате сделки у Испании после испано-американской войны²⁷⁰, а компания смогла взять на себя дополнительные расходы на новых территориях и даже основала собственную пароходную линию, соединившую ее с этими соседними островами и Гонконгом.

К 1889 г. стало очевидным невыполнение ни одного из условий, при которых Бисмарк приступил к приобретению заморских владений. Концессионные компании, за исключением компании «Джалуит», которые финансировались государством, были столь бедны и беспомощны, что не показали себя ни в финансовом отношении, ни в чем-либо другом,

---

²⁶⁹ Vertrag mit der Jaluit- Gesellschaft vom 21.01.1888 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 132-134.

²⁷⁰ Deutsch-Spanischer Vertrag vom 30.06.1899 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 224.

способными справиться с возложенными на них задачами²⁷¹. Условия на территориях, приобретенных Германией, часто сильно отличались от условий в регионах, где успешно работали английские чартерные компании. Молодой Германской колониальной империи не хватало гораздо большего опыта англичан в колониальных делах. Кроме того, английская сторона не допустила столько ошибок в обращении с коренным населением в Африке, сколько было допущено неопытными представителями немецких компаний.

Основные причины провала первоначального плана Бисмарка по колониальному управлению заключались в отсутствии у компаний денег, престижа и национальной поддержки. Как следствие, они были неспособны осваивать огромные ресурсы, находящиеся в их распоряжении, контролировать местное население или противодействовать другим колониальным державам. Ограниченные капиталы концессионных компаний постепенно уменьшались из-за некомпетентного управления, отсутствия опыта, недобросовестного, а зачастую и скандального поведения губернаторов. Административная неэффективность и ошибки со стороны должностных лиц компаний привели к напряженным отношениям с коренным населением.

---

²⁷¹ Zimmermann A. Op. cit. S. 169.

2.2. КОЛОНИИ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В АФРИКЕ: СИСТЕМА ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

После установления своей официальной власти в африканских колониях путем заключения договоров о защите со многими племенами, Германская империя стала принимать меры для обеспечения функционирования колоний в своих интересах, используя разнообразные формы и методы эксплуатации коренного населения в зависимости от особенностей каждого района. «Приятно отметить, что с культурным прогрессом в мире методы колонизации также претерпели серьезные изменения. Если в прошлом колонизация проводилась с использованием средств разрушения, то сегодня это можно сделать с помощью средств сохранения»²⁷², – заявлял Бернхард Дернбург, немецкий политик и реформатор германской колониальной системы, который полагал, что колонии должны внедрять различные блага в первую очередь в интересах местных жителей, а не колониального поселенца. Отсюда и его будущие попытки уравнивать, насколько это возможно, возможности для европейцев и африканцев, защитить коренное население во владении собственной землей и в их положении в качестве наемных рабочих на поместьях белых плантаторов и, наконец, распространить на них меры самоуправления. Более того, опыт Португалии, Франции и Испании с их жестокой политикой в колониях не являлся хорошим примером для подражания. Результаты Англии, основанные на умелом сочетании и чередовании обеих систем (ганзейской и правительственной), казались Германии более подходящими для использования в своих колониях.

Безусловно, для более успешного функционирования колоний было необходимо построить колониальную структуру управления, способную учитывать особенности каждого региона, его населения и традиций. Правительство не сразу, но все же согласилось с тем, что для более успешного

---

²⁷² Dernburg B. *Zielpunkte des Deutschen Kolonialwesens*. S. 9.

управления колониями необходимо было выстроить систему с сильной политической властью, которая могла бы взять под контроль все сферы общественной жизни в колонии. Некоторые колониальные деятели, включая Ф. Фабри, отмечали, что сделать это надо было сразу же, так как без сильной власти не может идти речи об успешном развитии колоний²⁷³. По словам губернатора Теодора Лейтвайна, идея Бисмарка о германских заморских владениях исключительно как торговых колониях и передача торговцам охранных войск для защиты не могла продолжаться долго в трех больших африканских колониях: Восточной Африке, Камеруне и Юго-Западной Африке. Во всех трех, по его словам, можно найти более или менее выраженное чисто военное управление²⁷⁴.

Главными носителями власти в германских колониях в Африке были губернаторы, которые управляли всем административным аппаратом в каждой из колоний. Губернаторов назначал сам кайзер или канцлер. Губернаторами зачастую становились бывшие офицеры, которые также занимали должность командующего колониальными войсками в регионе²⁷⁵. Губернатор обладал высшей военной властью в колонии, то есть в последней инстанции он принимал решение о развертывании охранных войск и осуществлял уголовные полномочия командира дивизии в дисциплинарных делах. Командиры колониальных отрядов отвечали скорее за обучение, службу и дисциплину.

В качестве руководящего органа губернатора указом рейхсканцлера от 24 декабря 1903 г. для всех охраняемых территорий был создан губернский совет. Он состоял из губернатора, ряда должностных лиц охраняемой территории в качестве официальных членов и части белых жителей охраняемой территории или их заместителей в качестве внештатных членов²⁷⁶.

---

²⁷³ Fabri F. Op. cit. S. 94.

²⁷⁴ Leutwein T. Op. cit. S. 209.

²⁷⁵ Пегушев А. Ук. соч. С. 66.

²⁷⁶ Trierenberg G. Togo. Op. cit. S. 44.

Помимо имперских чиновников, существовали, особенно в африканских колониях, органы и методы самоуправления, или, правильнее сказать, сотрудничества коренных жителей с иностранной администрацией. В Восточной Африке, например, в 1901 г. были созданы советы для встреч с окружным вождем, на которых племенам разрешалось иметь одного представителя, и эта практика применялась на других территориях. Кроме того, правительство позволило многим из первоначальных туземных административных органов продолжить существовать в той же форме. К 1913 г. Восточная Африка из-за своих больших размеров все еще испытывала дефицит административных служащих. Это вынудило ее использовать систему управления группами деревень иностранными туземными чиновниками, называемыми акида и джумбе. Джумбе обычно был главой одной деревни, в то время как акида был главой группы деревень²⁷⁷. С ведущими вождями племен отношения были похожи на те, которые существовали у британцев с раджами в Индии.

Помимо административного аппарата создавались и отряды колониальных войск, которые стали главной вооруженной силой на континенте, вынужденной не только охранять территории империи в целом и поселения в частности, но и подавлять восстания местного населения против колониальных властей. Колониальные войска имели различную структуру, которая зависела от каждой отдельной колонии. Это было сделано для того, чтобы иметь возможность привлекать коренное население в ряды колониальных войск.

Для Германской Восточной Африки охранные войска были созданы на основании закона рейха от 22 марта 1891 г., а для Камеруна и Германской Юго-Западной Африки по закону от 9 июня 1895 г.²⁷⁸ Стоит отметить, что охранные войска находились на территориях Германской Юго-Западной Африке, Камеруне, и Германской Восточной Африке, в то время как в Того существовали только полицейские формирования. Они существовали во всех

---

²⁷⁷ Buell R.L. The native problem in Africa. P. 448.

²⁷⁸ Florack F. Op. cit. S. 8-10.

колониях империи, однако только в Того они являлись главной военной силой. Положение солдат из коренного населения зачастую было сильно хуже в сравнении с немецкими войсками. Так, вооружение и экипировка у африканцев были устаревшими, а в некоторых случаях они не имели даже обуви во время строевой подготовки²⁷⁹.

Перед вооруженными силами в колониях ставилась задача поддержания общественного порядка и безопасности. В первую очередь ее должна была выполнять колониальная полиция. Именно колониальные войска применялись на службе гражданской администрации колоний, так как функции гражданской полиции и колониальных войск, по существу, невозможно было разделить. В 1894 г. был издан приказ Высшего Кабинета Министров, посредством которого охранные войска были преобразованы в имперские. Таким образом, 1894 г. следует рассматривать как фактический год рождения Имперских охранных сил. Военный уголовный кодекс и система военных уголовных судов были введены в колониях на основании императорских указов от 26 июля 1896 г. и 18 июля 1900 г.²⁸⁰ С тех пор термин «армия» также включала Имперские охранные войска.

Колониальные войска состояли из частей пехоты и кавалерии, соотношение которых в войсках определялось региональными особенностями колоний: в тропических колониях (Камеруне и Восточной Африке) основной частью армии была пехота, в Юго-Западной Африке – кавалерия. Охранные войска по национальному составу состояли не только из немцев. Со временем эти войска начали включать в себя коренное население в каждой колонии. В Того, Камеруне и Восточной Африке военные части могли быть сформированы из африканцев, некоторые из которых даже занимали офицерские должности. Так, в «Организационном циркуляре по кайзеровским охранным войскам Германской Восточной Африки», который был подписан 9 апреля 1894 г., отмечалось, что, согласно штатному расписанию, на 10 лейтенантских и 1562 солдат должностях должны

---

²⁷⁹ Klose H. Op. cit. S. 45.

²⁸⁰ Florack F. Op. cit. S. 49.

находиться африканцы²⁸¹. Позднее число солдат из «цветного» населения могло лишь увеличиваться. В Юго-Западной Африке со временем изменилась практика использования «цветных» отрядов. В будущем их сменили военные отряды из Германии.

Следующим шагом в установлении контроля в регионах было создание станций с гарнизонами охранных войск для защиты от возможных нападений со стороны местного населения. Наконец, после установления мира с племенами в каждом регионе, на территориях колоний организовывались большие административные районы под командованием комиссаров (*Bezirksamtmänner*). Главные должностные лица состояли из казначея, судьи, сборщика налогов, почтмейстера, врача и инженера. Непосредственно под руководством губернатора находились главы округов (комиссары), которым помогали небольшие штабы. Это гражданское управление было верховным, поскольку военная сила в каждой колонии напрямую подчинялась губернатору. Многие из колониальных администраторов были военными, которые в некоторых случаях могли быть чрезмерно суровыми и жестокими²⁸². В последние годы до 1914 г. эта ситуация быстро менялась, но она существовала достаточно долго, чтобы объяснить негативную репутацию, которую имело немецкое колониальное правление.

Для организации эффективного управления необходимо было осуществить процесс территориально-административного деления, который подразумевал деление колонии на округа и далее на военные и гражданские районы. Военные районы основывались в тех местах, где власть Германской империи была непрочной, а также происходили частые конфликты с коренным населением. Со временем, когда положение в этих районах удавалось стабилизировать, они могли быть преобразованы в гражданские. Для этого существовала специальная инструкция: «Первая задача начальника округа состоит в обеспечении процесса колонизации в своем округе путем ее поощрения, улучшения дорожных, пастбищных и водных условий,

---

²⁸¹ Фокин С. «Дранг нах Африка»: колониальная политика Германии. С. 30.

²⁸² Townsend M. E. *Op. cit.* P. 277.

подавлении эпидемий скота и сохранении политического спокойствия посредством правильного обращения с туземцами»²⁸³. Глава округа мог совмещать свои административные функции с должностью командира военного контингента.

Существовала практика, по которой бывшие офицеры становились чиновниками в колониях. Помимо поддержания общественного спокойствия и порядка, окружные войска, которыми тогда руководили исключительно офицеры, также должны были выполнять необходимые полицейские и административные задачи. По мере того, как коренное население привыкало к германскому правлению, именно административные задачи стали главной задачей округов, а поддержание общественного порядка было предоставлено полевым войскам. По мнению некоторых полевых командиров, относительно спокойные отношения между колониальными властями и коренным населением были обусловлены, прежде всего, страхом туземцев перед превосходящими военными навыками и лучшим оружием немцев²⁸⁴.

Необходимо подчеркнуть один важный факт о системе колониальной администрации – очевидное отсутствие лозунгов о высоких моральных целях, которыми руководствуется колониальная политика. Задача по превращению населения в инструмент для извлечения богатств колонии решалась мягкими или суровыми методами. В случаях, когда население района было настроено против колониальных властей, жесткие методы применялись гораздо чаще, но если подчинение колонии было более или менее полным, а противоречия между колониальной администрацией и населением отсутствовали или особо не проявлялись, то это приводило к более гуманному отношению. Губернатор Путткамер открыто говорил о наличии у себя и своей администрации эксплуататорских интересов. Губернатор Зейтц, напротив, вставал на сторону

---

²⁸³ Leutwein T. Op. cit. S. 553.

²⁸⁴ Schwabe K. Im deutschen Diamantlande: Deutsch-Südwestafrika von der Errichtung der deutschen Herrschaft bis zur Gegenwart (1884-1910). S. 239.

туземца, даже когда такая политика навлекла на него критику и неприязнь других эксплуататоров²⁸⁵.

В Германии, как и в самих колониях, находилось много людей, кто считал африканцев не ответственностью, а законной добычей для эксплуатации, или вообще не думал о них, пока сами немцы получали свои дивиденды от колониальных инвестиций. Например, многие колониальные плантаторы игнорировали указы, призванные защитить местное население от злоупотреблений со стороны колонизаторов, и, тем самым, навлекли на саму колониальную администрацию заслуженную критику.

Отдельной сложностью стало использование населения колоний для нужд плантационной экономики. Описывалась «печально известная праздность и лень» африканцев, и были высказаны мнения о том, как бороться с «безграничным праздным и ленивым существованием» новых подданных²⁸⁶. Всепроникающая природа этого стереотипа указывает на то, что даже на пике своего могущества европейская колониальная власть не была абсолютной. Постоянные жалобы на «лень» выявили пределы доступности местного населения для работы в интересах колонистов. Но почему немецкие колониальные власти и другие колониальные деятели акцентировали внимание на «дикости» и «отсталости» местных народов? Такая характеристика отражает традиционный колониальный дискурс, в котором местные народы, в большинстве случаев, изображались как неполноценные, уступающие во всех отношениях любому европейцу. Это соответствует концепции Саида об «ориентализме», в которой «другой» выражается как противоположность «цивилизованному европейцу»²⁸⁷.

Отчасти по причине отношения к коренному населению как к «диному», в колониях долгое время существовала проблема рабства, даже несмотря на общеевропейское стремление бороться с ним после Конголезской

---

²⁸⁵ Rudin H. R. Op. cit. P. 298.

²⁸⁶ von Byern G. Deutsch-Ostafrika und seine weißen und schwarzen Bewohner. S. 13.

²⁸⁷ Саид Э. Ук. соч. С. 60.

конференции. Рабство продолжало существовать во многом из-за потребности плантационной экономики в рабочей силе. Сложности в отношениях между коренным населением и колонизаторами возникали из-за прав на землю, так как любая колонизация влечет за собой перераспределение имеющихся земель, которые будут требоваться для экономики колоний. Те земли, которыми коренное население по разным причинам не пользовались, считались «бесхозными». Колониальная администрация использовала разные методы для того, чтобы забрать такие территории, вплоть до искусственных миграций населения или создания межэтнических противоречий между племенами. Маленькие этносы зачастую были вынуждены мигрировать в дальние труднодоступные районы, в которых у колонизаторов было меньше влияния, и где оставалась возможность сохранить привычный уклад жизни.

Безусловно, использование рабского труда в качестве бесплатной рабочей силы использовалось для получения большей прибыли с колоний, но это также противоречило принципам «цивилизаторской миссии». Немецкий географ Зигфрид Пассарге рассуждал о рабстве и считал, что «рабство существует как социальная необходимость, уничтожить которую по исключительно филантропическим соображениям невозможно». Он также подчеркивал вероятное разрушение культуры страны и создание условий для хаоса в случае отмены рабства²⁸⁸. Африканцы были для колонизаторов скорее рабочими, так как только они могли работать в жарком климате тропической Африки, в то время как европейцы не были в состоянии самостоятельно обрабатывать землю даже в долгосрочной перспективе²⁸⁹.

Конечно, рабство существовало и до прихода колонизаторов и имело различные формы. Европейцами отмечалось, что оно всегда оставалось неотъемлемой частью экономической, социальной и политической жизни многих африканских обществ. Зачастую рабство могло основываться на долгах или военных конфликтах, а не на расовой принадлежности. Некоторые

---

²⁸⁸ Passarge S. Op. cit. S. 526.

²⁸⁹ Puttkamer J. Op. cit. S. 330.

формы рабства, при этом, не предполагали полной дегуманизации или полной потери идентичности человека. В некоторых регионах рабы имели право на имущество, могли заключать браки, однако эта система всё равно базировалась на эксплуатации. Безусловно, в некоторых колониях были народы, полностью отвергавшие такие практики, как, например, народ масаи в Восточной Африке, представители которого не хотели подчиняться друг другу в силу своего неумолимого стремления к свободе и в силу своих своеобразных обычаев и образа жизни не нуждались в таких элементах как рабы²⁹⁰.

Германская колониальная система в Африке базировалась на сочетании военно-административных методов, налогообложения, судебных реформ и вовлечения местного населения в управление. Так, в колониях постепенно вводилась и активно развивалась практика налогообложения. Властями ставилась цель по созданию целой системы по сбору налогов и ее использованию на территориях всех подконтрольных колоний. Считалось, что практика налогообложения соотносится с интересами африканцев, так как германские власти могут получить дополнительные средства для «цивилизаторской работы». Налогообложение рассматривалось как способ развития товарно-денежных отношений, способствуя вовлечению в «цивилизацию» африканцев. Более того, отношение населения к налогам могло бы показать отношение к германским властям, поэтому колониальным чиновникам было необходимо объяснять местным жителям «пользу» налогов.

Одной из проблем для немецких колонистов в Африке являлись нетипичные для европейцев болезни. На севере регионов (Юго-Западная Африка, Того, Камерун, Восточная Африка) свирепствовала малярия, от которой спасались хинином и москитными сетками. На юге бушевали тиф и дизентерия. Показатель смертности здесь был крайне высоким: 20-40% против 22-25,7% в метрополии. Однако смертность в возрасте от 25 до 29 лет

---

²⁹⁰ Reichard P. Op. cit. S. 460.

в колониях была выше в 4 раза, чем в Германии²⁹¹. Для борьбы с этим немецкие власти принимали различные санитарные меры: вакцинацию, изоляцию заболевших, строительство больниц, изучение тропической медицины и введение карантина.

Другим важным элементом в германской системе управления являлось правосудие. Правовые отношения регулировались законом от 17 апреля 1886 г. таким образом, что имперским комиссарам были предоставлены те же полномочия, что и консулам, осуществляющим юрисдикцию²⁹². В 1888 г. эта возможность была расширена, а полномочия колониальных судов были расширены²⁹³ в соответствии с накопленным за это время опытом. В Восточной Африке, например, правосудие было определено указами 1891 и 1896 гг., которые признавали «смешанные суды» и в некоторой степени судебные права вождей²⁹⁴. В гражданских делах, затрагивающих коренных жителей, юрисдикция окружного капитана (Bezirkshauptmann) была практически полной, но ему помогал местный судья или эксперт-оценщик, на которого он мог возложить важные юридические обязанности, особенно там, где речь шла о местном праве. В Того и Камеруне, вожди так же не были уничтожены как класс, а, напротив, сохранены и вовлечены в сотрудничество с колониальной администрацией. На них, в частности, возлагалась ответственность за поддержание закона и порядка.

Похожая судебная практика существовала в Камеруне, в котором особый режим существовал в племени Дуала. Там, согласно указу 1892 г. предусматривалось: «споры между туземцами племени Дуала должны разрешаться туземным вождем, если предмет спора не превышал ста марок или если наказание, которое должно было быть назначено, не превышало тюремного заключения на срок в шесть месяцев или штрафа в триста марок.

---

²⁹¹ Луценко С.М. Формирование и обустройство переселенческих поселений в германских африканских колониях в конце XIX - начале XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. №4. С. 230.

²⁹² Schutzgebietgesetz von 1886 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 25.

²⁹³ Ibid. S. 28-30.

²⁹⁴ Buell R.L. The native problem in Africa. P. 449.

Апелляции от туземных вождей могли быть поданы в туземный арбитражный трибунал. Этот трибунал также имел первоначальную юрисдикцию в тех случаях, которые выходили за рамки юрисдикции туземных судов. Однако туземный арбитражный трибунал не мог рассматривать убийства как вид преступления. Апелляции на решения этого трибунала могли быть поданы губернатору»²⁹⁵.

Государственная власть должна была только заполнять экономический вакуум власти. Соответственно, колониальная администрация изначально зарекомендовала себя не как «полиция», а скорее взяла на себя «роль ночного сторожа»²⁹⁶. Сфера ее ответственности изначально ограничивалась урегулированием юридических споров, гарантией мира и порядка, а также содействием трудовой занятости, но без вмешательства во внутренние экономические процессы. Общим во всех этих задачах, возложенных на администрацию, было то, что они никак не учитывали интересы африканского населения.

Эффективность управления варьировалась в зависимости от специфики каждой колонии и особенно проявлялась в экономических результатах и отношениях с метрополией. Так, в Камеруне существовали споры между колонистами и коренным населением в отношении собственности на землю. Важной проблемой в колонии являлся раздел земли между колонистами и коренным населением. Немецкое правительство, пытаясь разрешить спорные ситуации по земельным сделкам, 15 июня 1896 г. издало указ, известный как *Kronlandgesetz*, который имел решающее значение для колониальной земельной политики в Камеруне. Указ регулировал распределение прав собственности на землю. Согласно этому указу, вся незанятая территория («*herrenloses Land*») в Камеруне была объявлена королевскими землями («*Kronland*»), подразумевая, что вся незанятая земля была классифицирована как собственность немецкого государства²⁹⁷.

---

²⁹⁵ Ibid. P. 308.

²⁹⁶ Hausen K. Op. cit. S. 62.

²⁹⁷ Van der Linden M. *The Acquisition of Africa (1870-1914)*. P. 203.

Категория «Kronland» дискурсивно маркировала земли, не обрабатываемые по европейским стандартам интенсивного сельского хозяйства, как «пустующие» и «неэффективные», тем самым отрицая местные практики землепользования. Это символическое обесценивание автохтонных отношений с землей оформлялось в физическом перераспределении пространства: территории передавались немецким поселенцам и компаниям, трансформируясь в плантации какао или каучука – ландшафты, воплощавшие колониальный идеал «порядка» и «прогресса». Тем самым, закон не просто регулировал собственность, а активно конструировал новое колониальное пространство. Для распределения земли назначались земельные комиссии, которые должны были выявить и разграничить такие земли. Земельные комиссии учреждались по округам и, в большинстве случаев, состояли из четырех немецких государственных служащих и двух немецких поселенцев. Ни один камерунский правитель или подданный в состав комиссий не включался²⁹⁸.

Закон о «королевских землях» визуализировал конфликт между созданными немцами и уже существующими вернакулярными районами. Стрелецкий В.Н., ссылаясь на работы американских и европейских исследователей, отмечает существование особых районов (территорий), которые воспринимаются местными жителями как культурная территориальная целостность и редко совпадают в своих границах с единицами административно-территориального деления²⁹⁹. Передел земли породил «ландшафтный диссонанс»: создаваемые немцами плантации каучука и какао, символизировавшие «прогресс», разрушали сложившийся порядок землеустройства, провоцируя миграцию общин в труднодоступные районы.

---

²⁹⁸ Ibid. P. 204.

²⁹⁹ Стрелецкий В.Н. Территориальная идентичность как тема исследований в зарубежной географии в конце XX и первые десятилетия XXI веков // Региональные исследования. – 2021. – № 3(73). С. 67-68.

Германская империя никогда не применяла здесь принцип ассимиляции. Не было преднамеренной попытки навязать коренному населению систему, которая полностью игнорировала бы их историю и образ жизни, но и не означало сохранение всех местных обычаев. В договоре 1884 г. немцы обещали вождям, что они будут уважать местные обычаи только в первое время после установления там власти Германской империи³⁰⁰. Это не было постоянным обязательством поддерживать местные обычаи, хотя такое обещание подразумевалось в представлении коренного населения³⁰¹. Губернатором Путткамером со временем была озвучена идея о полезности коренного населения, если колониальная администрация будет к ним относиться дружелюбно и снисходительно, чтобы обучать и воспитывать их³⁰².

В колонии Того немецкие купцы жили в узкой прибрежной полосе, длиной всего 50 километров. Многочисленное коренное население выращивало масличную пальму, арахис и кукурузу, а также добывало каучук внутри страны, а развитие колонии было настолько мирным и процветающим, что из всех охраняемых территорий она единственная была самодостаточной. С точки зрения Германии, Того, с его примерно миллионным населением было экономически незначительной колонией, которая, однако, оставалась единственной колонией в Африке без крупных политических скандалов и военных конфликтов. Основной причиной «образцовости» Того было состояние «туземной проблемы», которая подразумевала невмешательство в конфессиональную жизнь и быт коренных жителей со стороны администрации, а также отсутствие регулирования внутривнутриполитической жизни аборигенов.

К 1907 г. в колонии было полностью остановлена работоторговля, ликвидированы грабежи и вымогательства среди коренного населения, в

---

³⁰⁰ Vertrag mit king Dido / Kamerun vom 11.07.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 341.

³⁰¹ Rudin H. R. Op. cit. P. 299.

³⁰² Puttkamer J. Op. cit. S. 42.

стране был установлен мир и порядок. Это признавалось местными жителями, многие из которых изначально были против всех новшеств, привнесенных немцами³⁰³. Администрация старалась улучшить инфраструктуру, обеспечивая доступ к воде в районах с ее дефицитом и улучшая сообщение между частями страны через строительство железных дорог и транспортных узлов. Целью данного строительства были планы по созданию единой транспортной системы, соединяющей все административные, племенные и государственные центры. Власти постепенно строили школы, с помощью врачей боролись с разрушительными болезнями среди населения, такими как оспа, и улучшали санитарно-гигиенические условия там, где это было возможно³⁰⁴.

Известно, что в первые несколько лет предложенные новшества не были приняты коренным населением, но со временем оно все больше признавало преимущества, которые приносила им немецкое правление. В стране установлен мир, безопасность и порядок, а передвижение стало возможно на большие расстояния. Необходимо отметить, что такое улучшение жизни коренного населения путем строительства различной инфраструктуры было не только в Того, но только в этой колонии между администрацией и населением сформировались действительно конструктивные отношения.

Германская Восточная Африка являлась самой густонаселенной колониальной территорией в Африке. Постепенно, по мере распространения постоянных укрепленных лагерей и строительства станций, внутри колонии происходило умиротворение населения. Действия войск были в известной степени такими же, как и у легионов Рима, что вызывало столкновения с большими и малыми вождями, которые отстаивали свой престиж и власть³⁰⁵.

Одной из проблем в управлении колонией был слабый контроль государства. Колония управлялась администрацией без достаточного знания местных условий. Чиновники низшего звена были неопытны и плохо

---

³⁰³ Trierenberg G. Togo. Op. cit. S. 44.

³⁰⁴ Ibid. S. 49.

³⁰⁵ Fonck H. Op. cit. S. 18.

контролировали закрепленные за ними территории. Тем не менее, младшие офицеры или гражданские должностные лица, недавно прибывшие из Германии, назначались на весьма ответственные должности в администрации с властью над сотнями тысяч африканцев. Среди них не было не только среднего или провинциального уровня чиновников, но и имеющих знания об общих принципах местного самоуправления, поэтому молодым чиновникам приходилось управлять так, как они могли. Из-за нехватки средств и, в некоторых случаях перегруженности работой, они не могли перемещаться по колонии в достаточной необходимости. В то время как небольшие прибрежные округа были относительно хорошо укомплектованы, в обширных внутренних районах немецкие чиновники были немногочисленны и разбросаны на значительных расстояниях по территории. Например, во всем округе Табора в 1907 г. было всего два немецких чиновника, окружной чиновник и секретарь³⁰⁶.

Экономически Германская Восточная Африка, из которой сегодня появились государства Танзания, Бурунди и Руанда, оказалась невыгодной для империи. Причиной можно назвать тот факт, что импорт товаров народного потребления в колонию, а также материалов для расширения инфраструктуры, почти вдвое превышал экспорт из колонии. В начале колонизации существовали опасения об отсутствии в колонии сырья, которое можно было бы экспортировать, а экспертами были сделаны предостережения, что в данной тропической колонии нельзя выстроить успешную земледельческую экономику, нацеленную на экспорт³⁰⁷.

Германская Юго-Западная Африка поначалу не рассматривалась как главная имперская колония. Лишь по мере изучения данного региона было сделано предположение, что именно эта территория будет самой оптимальной для переселения сюда желающих немцев и других европейцев. Администрации в колонии и правительству в метрополии потребовалось

---

³⁰⁶ Koronen J. Op. cit. P. 282.

³⁰⁷ Fischer G. Mehr Licht im dunklen Weltteil: Betrachtungen über die Kolonisation des tropischen Afrikas, unter besonderer Berücksichtigung des Sansibar-Gebiets. S. 107-108.

много времени для создания необходимой инфраструктуры: были построены гавани, железные дороги, разведывались территории для передачи их будущим фермерам. Другие меры по развитию инфраструктуры включали: улучшение водоснабжения, создание телеграфной системы для обеспечения связию колонии и почтовой инфраструктуры. В 1902 г. крупнейшие поселения Свапокмунд и Виндхук были связаны железной дорогой, а незадолго до этого там были основаны первые школы для белых детей. Таким образом, Виндхук, Свапокмунд и Людерицбухт превратились в центры с городским характером, в которых немецкий образ жизни был скопирован как можно точнее³⁰⁸. Однако в городах существовало разделение на «европейские» и «туземные» кварталы, которое отражало не только расовую иерархию, но и стремление колонизаторов материализовать свою гегемонию в ландшафте. Это соответствовало постколониальному тезису о пространстве как средстве контроля: строительство городов, железных дорог и прочей инфраструктуры создает пространственные конструкции в конкретных узловых точках (nodal points), объединяющие замыслы колонизаторов³⁰⁹.

Рост числа поселенцев был обусловлен во многом развитием горнодобывающей промышленности. Общество поселенцев (Siedlungsgesellschaft), основанное в Берлине в 1892 г., имело значительный успех в поощрении иммиграции в Юго-Западную Африку, предоставляя землю и выдавая ссуды. К 1913 г. число белых жителей возросло до 15 тыс., среди которых было 12 тыс. немецких поселенцев³¹⁰, что являлось самым большим показателем из всех германских колоний. Страну можно было считать «европеизированной» после 1907 г., когда коренные народы были окончательно побеждены, а условия жизни иммигрантов решительно изменились к лучшему.

---

³⁰⁸ Pfister G. Colonialism and the Enactment of German Identity – "Turnen" in South West Africa // *Journal of Sport History*. 2006. Vol. 33, №1. P. 65.

³⁰⁹ Noyes J. Colonial Space. Spatiality in the Discourse of German Southwest-Africa 1884-1915. P. 110.

³¹⁰ Kaulich U. *Geschichte der ehemaligen Kolonie Deutsch-Südwestafrika (1884 - 1914)*. P. 353.

В 1902 г., когда состоялся первый Колониальный конгресс, который можно назвать первым официальным собранием сторонников колониальной политики: «Этот конгресс должен был объединить колониальные и зарубежные устремления, возникающие в Германии, в общую сессию и, тем самым углубить колониальную и зарубежную мысль в немецком народе и способствовать духовному и экономическому объединению немцев на земле»³¹¹. Важным пунктом в повестке собрания был вопрос о концессионных обществах и их необходимости. Обсуждалось, что общества не способны решать проблемы с коренным населением, поселенческие вопросы, и в целом они не служат интересам государства³¹².

Конгресс также рассматривал вопросы рентабельности колоний и более активного заселения их немцами. К этому моменту стало очевидно и даже напрямую озвучивалась удручающая мысль: «любой, кто отправляется в колонии в качестве торговца, плантатора или промышленника или вкладывает туда свои деньги, знает, что он имеет дело со странами, которые все еще экономически и политически неразвиты»³¹³. Это подчеркивало гораздо более медленное построение устойчивой колониальной системы, чем планировалось колониальными идеологами. Хотя в колониях уже начинали развиваться фермерские и плантационные хозяйства, которые экспортировали товары в Германию, для увеличения прибыли обсуждалось объединение колониальной и национальной экономики с использованием сырьевой базы колоний. Для этого требовалось значительное увеличение финансирования со стороны правительства, так как сами колонии еще не могли существовать без государственной помощи.

В результате, вплоть до Первой мировой войны, расходы на администрацию и армию не покрывались за счет собственных доходов

---

³¹¹ Die Verhandlungen des Deutschen Kolonialkongresses 1902. S.V.

³¹² Ibid. S. 196-197.

³¹³ Die Verhandlungen des Deutschen Kolonialkongresses 1902 zu Berlin am 10. und 11. Oktober 1902. S. 371.

колонии, а инвестиции в инфраструктуру в значительной степени финансировались метрополией. Эта проблема, типичная для периода развития немецкой, но, вероятно, и каждой колониальной системы конца XIX в., нашла свое отражение во внутреннем противоречии колониальной административной системы³¹⁴.

По результатам трех десятилетий существования немецких колоний, демографические прогнозы, выдвигаемые членами колониального лобби, неумолимо опровергались. Следует иметь в виду следующие цифры: на площади почти 2,6 миллиона квадратных километров, т.е. на площади почти в пять раз больше размера самой Германии, население немцев в середине 1899 г. составляло примерно 3,6 тыс. человек. Половина из них жила в немецкой Юго-Западной Африке. Общая численность белого населения в немецких колониях составляла чуть более 5,2 тыс. человек в том же году³¹⁵. К 1914 г. немецкое население всех колоний увеличилось почти до 24 тыс. человек, в то время как в целом белое население выросло до 28,8 тыс. человек³¹⁶, показывая рост населения, но не столь стремительный, как того хотели сторонники активного заселения колоний. Более того, если сравнить эти цифры с числом эмигрировавших из самой Германии в этот период, то можно увидеть, что к 1881 – 1882 гг. их число составило более 200 тыс. человек в год. Позже оно стало снижаться и в начале XX в. колебалось вокруг 20 тыс. человек в год³¹⁷.

Торговый баланс дает довольно схожие неудовлетворительные результаты. Доля колоний во внешней торговле Германии никогда не превышала уровня 0,5% в последние предвоенные годы. Доля Германии в торговле с ее колониями сократилась с 35,2% в среднем за десятилетие с 1894

---

³¹⁴ Hausen K. Op. cit. S. 63.

³¹⁵ Подсчитано по. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich / Hrsg. Vom kaiserlichen statistischen Amt. 1900. S. 226-227.

³¹⁶ Подсчитано по. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich / Hrsg. Vom kaiserlichen statistischen Amt. 1914. S. 449.

³¹⁷ Чернецкая Е. Жажда странствий: эмиграция из Германской империи в конце XIX – начале XX в. // Гуманитарный акцент – 2017. – Выпуск 1 (60).

по 1903 г. до 26,6% в последующее десятилетие³¹⁸. Из иностранных государств, торгующих с немецкими колониями, лидировали Великобритания и ее колонии. На Марианских островах и на Самоа иностранные государства вели более активную торговлю, чем сама Германия. Другие примеры тоже показывают сомнительные результаты торговли Германии с колониями. Так, доля Германии в торговле Цзяо-Чжоу к моменту мировой войны упала до 8%, а в Африке, такие регионы как Южная Африка, Египет и Марокко были для Германской империи более важными торговыми партнёрами, чем немецкие колонии³¹⁹. Только в своих западноафриканских колониях Германия имела экономическое превосходство. Одним словом, колонии не стали ни рынком сбыта для немецкой продукции, ни достаточным источником сырья.

Применяя хронологический подход А. Гетнера (интерпретированный В.Н. Стрелецким как акцент на «пространственных связях и сочетаниях, структурных характеристик индивидуальных районов»³²⁰), ключевым объектом исследования становятся не столько сами территории Германской колониальной империи (Юго-Западная Африка, Того, Камерун и др.), сколько уникальные пространственные особенности их организации. Как подчёркивает Стрелецкий, для Гетнера сущность географического исследования заключалась в выявлении «земной поверхности во всём многообразии её пространственных различий»³²¹, где решающую роль играли не изолированные объекты, а их взаимосвязи. В германских колониях это проявилось в культурно-ландшафтном разнообразии: через размежевание на зоны плантационного хозяйства (какао, хлопок), отдельные территории для местного населения и «свободные земли» для колонистов, создавая общность территорий с чётко выраженными функциями.

---

³¹⁸ Gann L.H. The Rulers of German Africa. P. 257-261.

³¹⁹ Conrad S. Deutsche Kolonialgeschichte. S. 61.

³²⁰ Стрелецкий, В. Н. Культурно-ландшафтные исследования за рубежом: национальные традиции и научные школы в мировой культурной географии // Псковский регионологический журнал. – 2020. – № 3(43). – С. 76.

³²¹ Там же.

Таким образом, германская колониальная практика стала лабораторией хронологического моделирования: пространство организовывалось как совокупность «индивидуальных районов», где природные условия (пустыни Намибии, тропические леса Камеруна) взаимодействовали с импортированными социально-экономическими структурами. Результатом стала гибридная пространственная матрица, где традиционные африканские модели расселения накладывались на европейские линейные схемы колониального контроля.

2.3. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ В ОКЕАНИИ И КИТАЕ

Колонии Германии в Океании представляли собой отдаленные опорные пункты империи. Они находились настолько далеко от Европы, что маршрут до них мог занимать не менее трех месяцев. Все территории, за исключением Новой Гвинеи, были несравнимы с африканскими колониями ни по площади, ни по численности проживающего там коренного населения. Более того, и Новая Гвинея, и Микронезия состояли из множества островов, разбросанных на сотни километров друг от друга. Главной колонией в Микронезии, безусловно, считалась группа островов Самоа, которая представляла собой цепь островов.

После того как контроль над Новой Гвинеей перешел от частной компании к империи, администрация колонии сосредоточилась на архипелаге Бисмарка, выбрав Хербертсхёе вместо Фридриха-Вильгельмсхафена в качестве новой столицы. Расширение государственного контроля в регионе происходило медленнее, чем ожидалось. Основной причиной стала нехватка персонала и финансов. Альберт Халь, ставший губернатором в 1902 г., не мог отправлять своих людей в длительные патрули, чтобы установить дружеские контакты с местным населением. Существовали другие административные обязанности, которые привязывали их к поселениям³²².

Одной из первых целей немцев в Новой Гвинее стало приобретение земли для создания плантаций. Первые поселенцы и колониальные чиновники мало думали о сложившихся правовых отношениях жителей Новой Гвинеи. Было широко распространено такое мнение: народ Новой Гвинеи не имел понятия о собственности на землю как таковой и что вся необработанная земля, следовательно, была бесхозной³²³. Утверждения колониальных чиновников об отсутствии у жителей Новой Гвинеи и

---

³²² Sack P.G. Op. cit. P. 97.

³²³ Ibid. P. 124.

Меланезии понятия земельной собственности отражают классический колониальный нарратив, игнорирующий системы традиционного землевладения. Исследования, проводимые на архипелаге Бисмарка, выявляли сложные устоявшиеся формы землевладения у коренных жителей, которые включали клановый суверенитет над территорией, а также различные виды прав на землю (коллективные и индивидуальные)³²⁴.

В годы основания колонии Новогвинейская компания имела монополию на приобретение земель. Обширные территории приобретались путем обмена на топоры, ножи или стеклянные бусины. Многие новогвинейцы не осознавали, что немцы занимали их земли навсегда. Большая часть земель была приобретена путем мошенничества, обмана или, в лучшем случае, в результате взаимного непонимания, что приводило к растущему сопротивлению и периодическим нападениям на белых поселенцев. Становилось очевидно, что без эффективной защиты от угроз со стороны местных жителей, которые считали колонизаторов нарушителями их традиционного образа жизни, нельзя было ожидать, что новые поселенцы приедут в страну и создадут процветающую плантационную экономику.

По мере освоения немцами Новой Гвинеи было подтверждено предположение о чрезвычайной плодородности почвы, как на материке, так и на архипелаге. Колония имела значительный запас пресной воды, удобный доступ к морю с прекрасными гаванями и потенциал создания судоходных связей. Этим благоприятным факторам отчасти противостояли непроходимость территории, почти полностью покрытой джунглями, воздействие климата, угрожающее жизни и здоровью при освоении новых земель, традиции и обычаи коренных жителей, все еще лишенных какой-либо культуры. Для компаний серьезной проблемой стала острая нехватка персонала, приспособленного к тропическим условиям, который возможно было набирать только постепенно ввиду законодательных ограничений³²⁵.

---

³²⁴ Epstein A.L. Matupit: Land, Politics, and Change among the Tolai of New Britain. P. 94-95.

³²⁵ Hutter F.K. Das Überseeische Deutschland. Band II. S. 315.

Более того, вскоре стало очевидно, что не все иностранцы способны переносить климат Новой Гвинеи.

По причине отсутствия у крупных плантаций рабочих, привыкших к местным условиям труда, в качестве рабочей силы привлекались китайские или яванские рабочие – кули. Китайские ремесленники использовались в колонии, поскольку они рассматривались как квалифицированные и трудолюбивые рабочие³²⁶. Среди китайцев часто встречались искусные рыбаки, плотники, пильщики, кузнецы, а также те, кто занимался подсчетом мелких счетов и умел вести таблицы. Яванцы, которые в начале развития плантаций были заняты в большом количестве, уже к середине 1900-х гг. остались в стране в небольшом количестве. Местные работники делали ненужными услуги более требовательных яванцев. Вопрос о найме китайских и яванских кули стоял на повестке лишь в том случае, если бы масштабы плантационных предприятий возросли настолько, что имеющегося в стране количества рабочих уже не хватало.

Методы вербовки для работ на плантациях регулировались законом, а силой набирать рабочую силу в колониях было запрещено, поэтому чаще всего приходилось убеждать население материальными стимулами. Обязанность платить налог, введенная в 1907 г., была средством оказания давления, поскольку эти деньги на практике можно было заработать только работая на колонизаторов. Трудовые договоры составлялись на срок от одного до трех лет. В качестве оплаты рабочие получали от пяти до десяти марок, на которые можно было купить разные товары: ежедневный или еженедельный паек риса, мяса или рыбы или пачку табака³²⁷. Как правило, две трети зарплаты не выдавались до окончания контракта.

Подушный налог имел ограниченный эффект, несмотря на тот факт, что налог должен был собираться со всей Новой Гвинеи. Сборы налогов

---

³²⁶ Ibid. S. 327.

³²⁷ Keck V. Representing New Guineans in German Colonial Literature. P. 64.

неуклонно росли с 76,3 тыс. марок в 1908 г. до 301,5 тыс. марок в 1914 г.³²⁸, и в отчетах почти не упоминается сопротивление налогу со стороны населения. Отсутствие полного контроля над сбором налогов в колонии была связана в том числе с тем, что местные жители самостоятельно занимались выращиванием различных культур и их последующей продажей.

На начальном этапе отношения колониальных чиновников с населением были достаточно мирными. Население Новой Гвинеи разделялось на значительное количество племен и языков, практически гарантируя отсутствие единого противодействия немецкой администрации. Прогнозировалось, что небольшого контингента, включая малые военно-морские силы, будет вполне достаточно для обеспечения порядка и безопасности³²⁹. В будущем планировалось создание регулярного небольшого стрелкового корпуса, в котором около четверти будут европейцы, но это планировалось сделать только в перспективе нескольких десятилетий. Это было связано с тем, что торговля и плантации не развивались достаточно быстро. Поэтому на начальном этапе самыми эффективными и дешевыми пионерами и миротворцами являлись миссионеры³³⁰.

В Новой Гвинее немцы пробовали выращивать огромное количество различных культур, но лишь некоторые попытки оказались успешными. К концу 1908 г. в колонии существовало 18 тыс. гектар кокосовых пальм, использовавшихся для производства копры, которая в начале XX в. стала одним из самых важных предметов в мировой торговле. Общий экспорт копры из колонии в 1909 г. оценивался в 8 тыс. тонн³³¹. Культура кокосовой пальмы была единственной в Новой Гвинее, которую можно было назвать «коренной». Ее можно было выращивать с относительно небольшими

---

³²⁸ Hempenstall P. Pacific Islanders under German Rule: A Study in the Meaning of Colonial Resistance. P. 159.

³²⁹ Fabri F. Op. cit. S. 101.

³³⁰ Ibid. S. 102.

³³¹ Hutter F.K. Das Überseeische Deutschland. Band II. S. 315.

затратами труда, в частности, с использованием только местных рабочих, она дает урожай круглый год и не требует особенного ухода.

Еще одной перспективной продукцией для Новой Гвинеи был хлопок. Производимый продукт представлял собой превосходный длиноволокнистый шелковистый лен исключительного качества, который мог легко конкурировать с лучшим мировым хлопком. Однако урожаи были настолько незначительными, что эта культура, с ее большими требованиями к рабочей силе, оказалась совершенно нерентабельной.

На архипелаге Бисмарка кофе высаживали в небольших масштабах, поэтому плантации не продвинулись дальше экспериментальной стадии. Выведенная культура какао, как и кофе, тоже поначалу столкнулась со значительными трудностями. Использование жизнеспособных семян из других стран увенчалось успехом только после многих безуспешных попыток. Более успешной оказалась культура каучуконосных растений, завезенная на Землю кайзера Вильгельма и архипелаг Бисмарка Новогвинейской компанией. В этом случае была проявлена величайшая осторожность, хотя это также потребовало много времени. Так, около 1890 г. несколько растений были привезены в колонию из Явы, и лишь к 1901 г. эти растения превратились в величественные деревья, которые предполагали хороший рост и в будущем. Урожай 1910 г. оценивается примерно в 7 тыс. кг, а в последующие годы ожидалось значительное увеличение³³².

Новая Гвинея не могла похвастаться большим количеством европейских переселенцев. Перепись населения на 1 января 1909 г. показала, что в колонии проживают 656 белых поселенцев, из которых 549 были немцами, 26 англичанами-колонистами, 19 англичанами, 19 голландцами, 7 французами и 36 представителями других национальностей. По роду занятий 150 человек были миссионерами, 102 – плантаторами, 66 – торговцами и

---

³³² Ibid S. 318-321.

купцами, 63 – государственными служащими, 83 человека были представителями других профессий³³³.

Торговый баланс между метрополией и колонией Новая Гвинея, включая Маршалловы острова, долгое время был отрицательным. Инвестиции вплоть до 1907 г. сильно перевешивали экспорт ресурсов из колонии. Однако в период с 1908 г. по 1911 г. колония экспортировала на сумму около 37 млн. марок, в то время как импортировала лишь на 21 млн. марок³³⁴. Такие результаты прогнозировали дальнейший рост плантаций в регионе и еще большее обеспечение метрополии необходимым для ее промышленности сырьем. Губернатор Халь составил программу развития на 1914-1917 гг., которая подразумевала уменьшение субсидий со стороны империи, увеличение числа станций местной администрации на юге колонии, а также усиление колониальной полиции, используемой для «умиротворения» новых территорий. Более того, планировалось увеличить количество государственных школ и медицинских учреждений для новогвинейцев. В течение десяти лет Халь надеялся сделать колонию полностью независимой от имперских субсидий³³⁵.

Важно рассмотреть и обратную сторону торговли между данным регионом и Германией. Стоимость перевозки грузов в Океанию была самой дорогой среди всех колоний. Учитывая менее важную значимость колоний в Океании в сравнении с африканскими колониями, правительство изучало варианты уменьшить данную статью расходов. В рейхстаге заявляли: «вполне естественно, что со временем импорт из Германии, который мы пытаемся увеличить, должен сократиться по сравнению с импортом из Австралии, поскольку фрахт и расходы оттуда намного ниже»³³⁶.

---

³³³ Ibid. S. 329.

³³⁴ Подсчитано по. Zimmermann A. Op. cit. S. 284.

³³⁵ Hemenstall P. Pacific Islanders under German Rule: A Study in the Meaning of Colonial Resistance. P. 158.

³³⁶ Verhandlungen des Reichstages. 27 Sitzung. 31 Januar 1910. S. 933.

После укрепления своих позиции в Новой Гвинее, Германия обратила внимание на другие территории в Океании. Одной из таких территорий стал архипелаг Самоа, приобретенный в 1899 г. На двух островах, отошедших Германии, проживало около 33 тыс. коренных жителей. В Германии это событие было встречено с восторгом. Если Новая Гвинея являлась колонией скорее для сельскохозяйственного освоения, то Самоа должен был стать для империи важным военно-морским опорным пунктом в регионе.

Новая колония была передана под контроль губернатора, первоочередной заботой которого была конфискация всего огнестрельного оружия, остававшегося в руках населения. Это было сделано, прежде всего, для предотвращения конфликтов между колонистами и коренным населением, которые еще иногда случались в первые годы управления колонией. Для поддержания порядка один из лидеров племен Матааса был назначен верховным вождем³³⁷, а также был восстановлен совет вождей, поддерживающий его. Это произошло несмотря на первоначальный меморандум рейхсканцлера об отказе двум претендентам, включая Матааса, на царский престол под предлогом их разрушительной борьбы за власть³³⁸.

На Самоа уже в начале 1900 г. было установлено немецкое судопроизводство. Главой судебной инстанции являлся губернатор колонии³³⁹. Губернатор Вильгельм Зольф создал систему управления, в которой одновременно сохранялись и значительно изменялись действующие институты коренного населения. Данный подход предполагал возможность для постепенного ограничения влияния ранее существовавших социальных элит. Это частичное сохранение самоанских социальных форм, лишенных своей власти, позже стало известно как «регулируемый традиционализм»³⁴⁰. Это способствовало достаточно мирному процессу культурного и

---

³³⁷ Gouverneursadresse vom 14.08.1900 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 332.

³³⁸ Reichskanzler-Denkschrift // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 329.

³³⁹ Verordnung vom 01.03.1900 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 105.

³⁴⁰ Fitzpatrick M.P. "Renegade" Resistance and Colonial Rule in German Samoa. P. 327.

политического объединения, в котором традиции местного населения были сохранены и мало-помалу объединены с немецкими обычаями и идеями.

Губернатор с самого начала ясно дал понять, что его план для Самоа сосредоточен в первую очередь на самоанском народе: именно он будет центром его внимания, а не небольшая община немецких и английских колонистов. Зольф утверждал, что с поднятием имперского флага Германия приняла на себя юридическое и моральное обязательство создать для жителей острова «лучшие и более рациональные условия жизни, чем они сами могли бы создать»³⁴¹. Идеалом Зольфа было развитие вместе с самоанцами, а не вопреки им.

Однако наряду с этим частичным сохранением самоанского общества существовала и откровенно разрушительная противоположность, которая утверждала, что якобы «плохие, варварские и глупые привычки должны быть устранены»³⁴². Правление Зольфа и его преемника Э. Шульца было скорее прагматичным ответом на слабую безопасность колонии, в которой немецкая администрация была защищена от населения только небольшой местной полицией.

К 1911 г. существовала точка зрения, согласно которой немцы заплатили слишком высокую цену за острова Самоа. Германия не успела превратить архипелаг в сильный военно-морской пункт, как этого хотели многие колониальные деятели, однако начала активно развивать там плантации. Находилось все больше оснований удерживать эту центральную базу в Южных морях и развивать ее таким образом, чтобы в один прекрасный день, когда Панамский канал откроет новые пути для мирового сообщения, она смогла бы служить мощным немецким сторожевым постом³⁴³.

Ряд немецких предпринимателей, начавших выращивать на островах какао, так же, как и более крупные торговые и плантационные компании в

---

³⁴¹ Hemenstall P. Pacific Islanders under German Rule: A Study in the Meaning of Colonial Resistance. P. 54.

³⁴² Fitzpatrick M.P. "Renegade" Resistance and Colonial Rule in German Samoa. P. 328.

³⁴³ Hutter F.K. Das Überseeische Deutschland. Band I. S. 315.

Новой Гвинее, столкнулись с нехваткой рабочей силы. Для решения проблемы потребовалось завозить китайских кули, но это обходилось очень дорого. Пароходное сообщение, организованное частными лицами в 1901 г., не окупилось и было немедленно прекращено. Попытка убедить North German Lloyd или Hamburger Packetfahrtaktiengesellschaft открыть пароходную линию на Самоа оказалась безуспешной³⁴⁴. Еще одной проблемой стало то, что острова потребляли слишком мало товаров извне и не производили достаточного количества высококачественных товаров, чтобы пароходство имело смысл. По этой причине даже потенциальный экспорт копры был выгоден только на парусных судах.

Помимо освоения колоний в Океании, Германская империя стремилась укрепить свое влияние в Китае, где ее интересы сталкивались с политикой других европейских держав. Одним из главных достижений немецкой «мировой политики» стало получение относительно небольшой территории Цзяо-Чжоу в Китае. Немецкое правительство желало присоединиться к «борьбе за Китай» и получить то, что Бернхард фон Бюлов через три недели после оккупации памятно назвал «местом под солнцем». Эта территория Восточной Азии символизировала новый статус Германии как современной мировой державы и демонстрировал амбициозную Weltpolitik, которая лишь усиливалась посредством этого приобретения. Несмотря на формальный статус арендованной территории сроком на 99 лет, Германия, тем не менее, относилась к ней как к колонии. Важным отличием стало то, что другие немецкие колонии находились в ведении департамента Министерства иностранных дел (с 1907 г. Имперского управления по делам колоний), в то время как Цзяо-Чжоу подчинялась военно-морскому министерству. Она пропагандировалась как модель колониального развития, которая должна была продемонстрировать культурные, научные и технические достижения Германской империи. Кроме того, у немцев были высокие ожидания в отношении порта Циндао на территории Цзяо-Чжоу как военно-морского объекта, так и экономического и культурного центра. Представители

---

³⁴⁴ Zimmermann A. Op. cit. S. 300.

министерства стремились создать *Musterkolonie* (образцовую колонию), которая продемонстрировала бы новые подходы к колониализму на национальной и международной арене³⁴⁵. Попытка создания такой образцовой колонии в Цзяо-Чжоу иллюстрировало стремление Германии легитимизировать колониализм через "цивилизаторскую миссию", что соответствует саидовской критике западного превосходства. Как отмечал Э. Саид, западные империи всегда стояли в позиции силы, или скорее господства по отношению к Востоку для легитимации власти³⁴⁶. В Цзяо-Чжоу воспроизводилась схема, создававшая иллюзию превосходства европейской культуры над «варварской» китайской.

Немецкая историография считает адмирала Альфреда Петера Фридриха фон Тирпица главным «архитектором» экспедиции в Цзяо-Чжоу³⁴⁷. Вся миссия была выполнена под его непосредственным руководством. Рейхстаг одобрил финансовые расходы, запрошенные фон Тирпицем для расширения флота в Тихом океане, как жизненно важное условие для поддержки военных действий в этом географическом районе. Позже удалось добиться гарантии, что рейхстаг не сможет принимать решения по вопросам, касающимся территории. Также для обеспечения самодостаточности поселения правительство выделило необходимые финансовые ресурсы в размере более 23 млн. марок для использования на городское развитие в период с 1898 по 1900 гг.³⁴⁸

После официального провозглашения Цзяо-Чжоу немецким протекторатом на Дальнем Востоке, была учреждена должность губернатора с ролью командующего гражданскими и военными войсками. Первым губернатором, управлявшим оккупированной территорией, был адмирал фон Дидерихс, отвечавший за закладку основ для использования округа в военных целях. Среди первых принятых мер был запрет на сделки по продаже земли и

³⁴⁵ Groeneveld S. Far away at Home in Qingdao (1897–1914) // *German Studies Review*. 2016. Vol. 39, Number 1. P. 66.

³⁴⁶ Саид Э. Ук. соч. С. 62.

³⁴⁷ Schrameier L.W. Op. cit.

³⁴⁸ Schrecker J. Imperialism and Chinese nationalism. P. 65.

жилья, чтобы избежать распространения спекуляций и потери административного контроля над территорией³⁴⁹.

Первое земельное регулирование Циндао (Landordnung) было подготовлено с целью ограничить спекуляции, ожидаемые при сделках с землей, используя административные меры, напрямую возлагающие решение на военные власти и, следовательно, исключают частные переговоры. Позже началось строительство гражданских домов для иностранных граждан и амбициозный проект создания железнодорожной ветки для соединения с региональным горнодобывающим районом. Была выделена эксклюзивная зона для иностранцев, в которой местные жители могли сохранять право собственности на недвижимость, но не могли проживать, за исключением слуг или постоянных сотрудников немецких компаний. Статистика показывает, что в первом десятилетии XX в. население Циндао достигло более 190 тыс. жителей, из которых около 4,5 тыс. были немцами³⁵⁰. Данная сегрегационная политика, включавшая особые зоны для иностранцев, создавала и узаконивала расовую иерархию, отрицая право китайцев на равный доступ к создаваемой инфраструктуре.

Данный подход можно характеризовать как один из инструментов социального контроля. Создание специальных эксклюзивных зон являлось попыткой создания в Китае «островков Европы» – пространства, воплощавшего немецкую идентичность, превосходство и «цивилизованность». Эта практика не просто ограничивала физическое присутствие китайцев: она маркировала их как «других», чье место было за пределами этих зон «прогресса», тем самым легитимируя колониальное господство через организацию ландшафта и воспроизводя ориенталистские представления о культурной иерархии.

При анализе германской колониальной практики в Цзяо-Чжоу на первый план выходит культурная география как дисциплина, изучающая

³⁴⁹ Schrameier L.W. Op. cit. S. 22.

³⁵⁰ Подсчитано по. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich / Hrsg. Vom kaiserlichen statistischen Amt. 1914. S. 449.

взаимосвязь культуры, пространства и власти. Как подчеркивает В.Н. Стрелецкий, опираясь на истоки немецкой ландшафтной школы, О. Шлютер видел в культурном ландшафте «материальное единство природных и культурных объектов, доступных восприятию человека»³⁵¹, где самая главная роль отводилась бы человеку-творцу. Именно эта антропоцентрическая установка Шлютера, акцентирующая активную, преобразующую роль культуры в формировании ландшафта, становится ключом к пониманию проекта Циндао. Создание специальных эксклюзивных зон в Цзяо-Чжоу (европейский квартал, порт, административный центр) было не просто урбанистическим проектом, а масштабным актом культурно-географического конструирования.

Строительство железнодорожной линии до столицы провинции Цзинань и эксплуатация угольных месторождений рассматривалась как немецкая «сфера влияния» и отправная точка для планов дальнейшего проникновения в Китай³⁵², особенно в контексте борьбы за влияние в этом регионе с Великобританией и Францией. Экономический проект протектората Цзяо-Чжоу касался разработки сырьевых ресурсов, особенно угля и железа, необходимых для производства стали. Главной целью были богатые угольные шахты в Бошане и Вэйсяне, всего в нескольких милях от побережья. Для реализации поставленной задачи были построены современная железнодорожная инфраструктура, портовые сооружения и телеграфная сеть³⁵³. Стоимость строительства была настолько высока, что достичь окупаемости в ближайшее время не представлялось возможным. Бескомпромиссное желание железнодорожной компании реализовать данный проект только способствовало разжиганию недовольства населения иностранным присутствием. Более того, пропаганда научно-технических

---

³⁵¹ Стрелецкий В.Н. Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: Научные истоки и современные интерпретации // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2019. – № 1(36). С. 51.

³⁵² Conrad S. Deutsche Kolonialgeschichte. S. 33.

³⁵³ Townsend M. E. Op. cit. P. 262.

достижений зачастую маскировала истинную цель – эксплуатацию угольных ресурсов колонии для нужд метрополии.

Железная дорога, соединявшая шахты с портом Циндао, была не просто транспортным коридором – она стала материальным воплощением немецкой сферы влияния в Шаньдуне, физически связывая ресурсы Китая с немецкими интересами. Созданная инфраструктура кардинально переконструировала региональное пространство, подчиняя его логике колониальной эксплуатации и облегчая выкачивание ресурсов. Ее высокая стоимость и трудности эксплуатации подчеркивали приоритет политического контроля и символического утверждения немецкой власти над экономической эффективностью.

Экономические и эксплуатационные трудности, вызванные в основном удаленностью от метрополии, а также ограничения, налагаемые военным контролем территории, не уменьшили интереса немецких торговцев и промышленных компаний. В период до Первой мировой войны на территории протектората находилось около трехсот немецких компаний³⁵⁴. Программа модернизации включала в себя развитие городских сооружений в Цзяо-Чжоу. Кроме того, была построена железнодорожная линия, современный порт, запущены программы восстановления лесов, улучшения в медицинской инфраструктуре, строительство современной канализационной и телеграфной систем, что сделало колонию самым дорогим колониальным проектом Германской империи.

---

³⁵⁴ Coco O. German Imperialism in China: The Leasehold of Kiaochow Bay (1897–1914) // *The Chinese Historical Review*. May 2020. P. 16.

2.4. МИССИОНЕРЫ В ГЕРМАНСКИХ КОЛОНИЯХ: ПОПЫТКИ «ГЕРМАНИЗАЦИИ» НАСЕЛЕНИЯ

Цивилизаторская миссия составляла идеологическое ядро колониального проекта. Она основывалась на убеждении миссионеров быть в авангарде всемирного движения за прогресс. На протяжении всего процесса колонизации они обещали всестороннего развития для коренных народов, включавшее распространение технического прогресса, отмену деспотического правления и установление справедливых отношений между разными группами населения. В то же время оно включало отказ от суеверий и других «пагубных» практик, на смену которым должны были прийти христианство и светское образование.

Фактически проникновение миссионеров в колонии было частью их завоевания, и, в целом, миссии представляли интересы, аналогичные интересам колониальных правительств. Они были частью колониального проекта и редко высказывали какую-либо фундаментальную критику. Они были не только бенефициарами государственного развития колоний, но и идеологически продвигали его вперед. Даже с точки зрения местных жителей, миссии и колониальное государство часто выглядели как единое целое. Нельзя не вспомнить, что, по словам фон Франсуа, «захват страны без первопроходческой работы миссионеров был бы совершенно иллюзорным актом»³⁵⁵.

Тем не менее, миссии позиционировали себя как защитника коренных жителей, и во многих случаях миссионеры действительно способствовали раскрытию нарушений со стороны колониальных администраций. Гаятри Чакраворти Спивак указывала на важность размышления об условиях агентности. Кто мог бы высказаться и бороться за интересы населения?

---

³⁵⁵ Moldaenke T. Die evangelische Mission in den Kolonien und die Wahrung des konfessionellen Friedens. S. 10.

Какими способами выражения туземцы фактически располагали и были ли они восприняты?³⁵⁶ Вопрос доступности различных точек зрения различных акторов также влияет на эмпирическую основу колониальной историографии. Существенная, хотя и неполная, масса письменных документов колониальной администрации контрастирует с отсутствием соответствующих письменных записей колониального населения. По этой причине изучение отношений с коренными жителями колоний приводит к опоре на документы колониальных администраций и миссионеров.

На первом колониальном конгрессе в 1902 г. отмечалось, что на тот момент было основано 274 миссионерских станций, т.е. те места, где жили и работали европейцы, а количество подстанций составляло более тысячи³⁵⁷. Они были распределены достаточно равномерно по территориям колоний, но чаще всего находились у побережья или в густонаселенных районах. В немецкой Юго-Западной Африке, благодаря многолетним усилиям Рейнской миссии, сеть станций равномерно покрывала всю территорию колонии, а общественная жизнь в этой колонии была более христиански ориентирована, чем в любом другом африканском регионе.

Особое место в германской колониальной практике заняла Бременская миссия, также известная как Северогерманская миссия (Norddeutsche Missionsgesellschaft), чья деятельность наиболее ярко проявилась в «образцовой колонии» Того. Идеология миссии делала акцент на труде, образовании и хозяйственной самостоятельности. Руководитель миссии Франц Михаэль Цан видел путь к христианизации не через простую проповедь, а через создание местных автономных религиозных и образовательных систем, где африканцы могли бы вести более цивилизованный образ жизни. Бременская миссия сыграла ключевую роль в

---

³⁵⁶ Spivak G.C. Op. cit. P. 271-313

³⁵⁷ Die Verhandlungen des Deutschen Kolonialkongresses 1902 zu Berlin am 10. und 11. Oktober 1902. S. 446.

разработке письменности для языка эве и переводе на него религиозной литературы, что, с одной стороны, сохранило язык, а с другой способствовало его интеграции в колониальный дискурс.

В Германской Восточной Африке станции были сгруппированы близко друг к другу, а районы миссии распределены островками, которые соответствовали соотношению густонаселенных и пустынных районов. В Океании влияние миссионеров распространялось так же успешно, как и в германской Юго-Западной Африке. Исключение составляет только Земля Кайзера Вильгельма, где станции, расположенные исключительно на побережье, находились на ранней стадии становления. На островах в Тихом океане миссии также были активны, особенно на Каролинских и Маршалловых островах, которые, по оценкам в ходе конгресса, были наполовину христианизированы, и на Самоа, где языческое население сократилось до минимума³⁵⁸.

Колониальная администрация во главе с губернаторами зачастую поддерживала культурную деятельность миссий и старалась помогать им всем необходимым. Губернатор Путткамер на примере Базельской миссии в Камеруне, являвшейся самой известной и крупной, отмечал, что счастлив поддерживать такие организации, но миссии не должны вмешиваться в государственные дела и в торговую деятельность колоний³⁵⁹. Тем не менее, миссии играли важную экономическую роль. Каждая миссионерская станция имела свое сельскохозяйственное производство, а также большие церковные плантации. В Восточной Африке, например, почти четверть частных плантаций принадлежала миссиям³⁶⁰. Миссионеры могли самостоятельно выращивать различные новые культуры и, в случае успеха, эти результаты применялись на плантациях и фермах, находящихся под контролем властей.

---

³⁵⁸ Ibid. S. 446.

³⁵⁹ Puttkamer J. Op. cit. S. 329.

³⁶⁰ Conrad S. Deutsche Kolonialgeschichte. S. 75.

Еще до активного освоения колоний европейские державы в 6 статье акта Конголезской конференции отметили тесную связь между колониальным господством и миссиями. Согласно этой статье власти стран обязуются «следить за сохранением коренного населения, улучшением его моральных и материальных условий жизни... и сделать блага цивилизации понятными и полезными для населения»³⁶¹.

Одним из инициаторов помощи христианским миссиям был Лео фон Каприви, который предлагал оказывать государственную помощь миссиям для продвижения интересов империи. Под этой помощью он подразумевал, в первую очередь строительство новых станций для миссионеров³⁶². Станции быстро становились центрами христианских миссий, но со временем они стали дислоцироваться в столицах или крупных поселениях колоний. Несмотря на внутренние разногласия, миссионеры в целом соглашались с тем, что Германия должна усиливаться как за счет религиозного влияния, так и политики завоевательных походов.

Первая колониальная выставка, которая прошла в Германии в 1896 г., стремилась привлечь людей к колониальным темам в целом, и важности миссионеров в колониях в частности, объясняя необходимость приобщения аборигенов к европейской культуре и ценностям. Инициаторы выставки хотели показать простым немцам примитивность коренных народов, их орудия труда, жилища и многое другое, что резко контрастировало с достижениями европейцев. Рассматривая этот аспект деятельности миссий, нельзя не отметить существование тенденций, позже отмеченных в работе Эдварда Саида, где все западное, включая культуру, было рациональным,

---

³⁶¹ General-Akte der Berliner Konferenz. Artikel 6.

³⁶² Caprivi L. Sitzung am 12. Mai 1890 // Die Reden des Grafen von Caprivi im Deutschen Reichstage, Preussischen Landtage und bei besonderen Anlässen. S. 55-56.

развитым, гуманным, высшим, а все, относящееся к «Востоку» – аберрантным, неразвитым, низшим³⁶³.

Миссионеры передавали основные знания о странах и населении немецких колоний, поддерживали правительственных уполномоченных и чиновников в качестве дипломатов, переводчиков и советников. В книге, описывающей выставку, приведены слова одного военного, который высоко оценивает вклад миссионеров для колониальных администраций: «Без новаторской работы миссионеров захват земли был бы совершенно иллюзорным актом на бумаге. То, что сделали торговцы, промышленники и ученые, особенно голландцы и англичане, совсем неважно по сравнению с положительными результатами миссионерской работы»³⁶⁴.

Различные миссионерские центры, тесно связанные с германской протестантской и евангелистской церквями, начали основываться в колониях сразу после их захвата. Главной целью центров было строительство новых церквей, школ и лечебниц на территории колоний. Они принимали участие в воспитании детей коренных жителей путем преподавания им элементарной грамотности, включая изучение немецкого языка. Они также могли сами учреждать миссионерские торговые акционерные общества и оказывать различную помощь немецким переселенцам и администрациям германских протекторатов.

Помимо того, что миссионерское движение являлось главным «защитником туземцев» в большинстве колоний европейских держав, его можно было рассматривать как еще один аспект общего расширения западного влияния в мире за пределами границ империй³⁶⁵. Именно поэтому миссии, существующие во всех германских протекторатах, оказались

---

³⁶³ Саид Э. Ук. соч. С. 464.

³⁶⁴ Meinecke G. Deutschland und seine Kolonien im Jahre 1896. Amtlicher Bericht über die erste Deutsche Kolonialausstellung. S. 126.

³⁶⁵ Potter B. The lion's share: A short history of British imperialism. P. 25.

мощными защитниками интересов Рейха, поскольку они облегчили колонизацию коренных народов, а также освободили государственную администрацию от части обязанностей по обучению местного населения. В связи с этим они пользовались широкой защитой и поддержкой со стороны властей, хотя они еще не были полностью интегрированы в администрации охраняемых территорий³⁶⁶.

Чтобы показать влияние миссий на колониальную политику, стоит посмотреть на их впечатляющий рост на примере Базельского евангелического миссионерского общества. В 1889 г. в нем было всего 10 рабочих, 160 новообращенных и несколько сотен учащихся в школах. К 1912 г. у нее было 12 станций, 89 белых рабочих, 13,1 тыс. новообращенных и 17,8 тыс. учеников. А в 1914 г. их церковь насчитывала более 15 тыс. прихожан³⁶⁷. Это была основная миссионерская группа в Камеруне. Их главной целью был полный контроль над процессом образования в регионе. Помимо просвещения местного населения, правительство Германской империи поручило этой миссии ослабить влияние английской церкви и ее миссионеров, присутствие которых было нежелательно. Тогда это была типичная борьба за влияние между колониальными державами.

Христианские миссионеры были советниками многих африканских лидеров, пользующихся уважением и авторитетом у коренного населения немецких колоний. Они также способствовали разрешению межэтнических противоречий и конфликтов. Миссионеры предполагали мирное существование двух цивилизаций и были своего рода связующей частью двух разных укладов. Очень популярно было мнение, что успешная колониальная политика основывается на сочетании миссионерской деятельности и военной силы.

---

³⁶⁶ Florack F. Op. cit. S. 43.

³⁶⁷ Rudin H. R. Op. cit. P. 369.

Миссионеры противопоставили «порабощению» африканцев «освобождение» в виде христианской веры. В то же время они пытались ввести новые, обязательные примеры для подражания. Последователи нового учения должны были усвоить, что полигамия по христианским принципам есть предосудительная безнравственность, что нагота, соответствующая тропическому климату, ранит чувство скромности, а жизнь без целенаправленного труда недостойна. Большая привлекательность белых европейцев и того, чем они обладали, а также живой интерес африканцев к школьному образованию, рассматривалась как возможность завоевать престиж за счет знаний и приспособления к европейскому образу жизни³⁶⁸.

Миссионерские школы требовали от своих учеников презирать обычаи своих предков. Для этого их родители выставались слабыми и примитивными по сравнению с образами европейцев, открывавшимися в книгах белого человека. «Образованные туземцы» создавали видимость превосходства и подражали манерам европейского среднего класса таким образом, что это было оскорбительно для их менее удачливых собратьев. Таким образом, между традиционными культурами народов Африки и представителями новой – немецкой, создавалась напряженность, даже когда миссионеры не намеревались вмешиваться в местную политику. Более того, некоторые немцы отмечали, что те африканцы, которые выступали за европейские блага и были готовы сотрудничать с германскими властями в колониях, уже в начале XX в. не желали возвращения «старых добрых дней»³⁶⁹.

Миссии были одними из главных инициаторов создания колониальной школьной системы. Европейское образование возникло с целью заменить различные формы передачи местных знаний, которые часто основывались на устных традициях. В колониях Германской империи школьное образование

---

³⁶⁸ Hausen K. Op. cit. S. 177.

³⁶⁹ Fonck H. Op. cit. S. 542.

оставалось преимущественно миссионерским (95%), тогда как Франция, например, создавала систему государственных школ в Африке и Юго-Восточной Азии³⁷⁰.

Согласно отчетам, предоставленным на колониальном конгрессе в 1902 г., всего в германских колониях находилось 1278 миссионерских школ (900 протестантских и 378 католических), в которых обучалось около 47,6 тыс. учащихся³⁷¹. Это были учебные заведения всех уровней, начиная с начальной школы, где занятия проходят под тенью дерева или в бедной глинобитной хижине, вплоть до школ в двухэтажных домах и хорошо оборудованных жилищах проповедников и учителей.

К 1914 г. количество всех колониальных школ увеличилось до 2903, в них обучалось около 153 тыс. человек³⁷². Это произошло вследствие активного субсидирования государством программы строительства школ и просвещения местного населения. В школах преподавались немецкий язык и литература, природоведение и география. Существовали также специальные курсы, на которых готовили учителей из местного населения. Воспитательная система миссионеров сыграла важную роль в осуществлении цивилизаторской миссии. Первоначально предназначенные в качестве сопутствующей меры для поддержки евангелизации, миссионерские школы превратились в учреждения, в которых коренное население знакомилось со знаниями и немецким образом жизни. Это позволяло в некоторых случаях набирать людей из коренного населения на незначительные должности в колониальных администрациях.

Школы были оборудованы весьма по-разному, спектр варьировался от небольших сельских собраний до хорошо организованных городских

---

³⁷⁰ Conrad S. Deutsche Kolonialgeschichte. S. 73.

³⁷¹ Die Verhandlungen des Deutschen Kolonialkongresses 1902 zu Berlin am 10. und 11. Oktober 1902. S. 447.

³⁷² Подсчитано по. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich / Hrsg. Vom kaiserlichen statistischen Amt. 1914. S. 449.

учреждений, которые в основном посещались представителями местного среднего класса. В некоторых школах содержание образования ограничивалось теоретическими знаниями сельскохозяйственной работы, чтением Библии и знакомством с аспектами европейской культуры. Местным культурам не придавались большого значения, не было системы высшего образования и уж, тем более, университетов, за исключением высшей школы, основанной в Циндао в 1908 г.

В колонии Того, например, в течение многих лет создавались школы, в которых с 1904 г. не разрешался в качестве предмета обучения никакой другой язык, кроме немецкого. Цель администрации состояла в возможности дать относительно небольшому числу отобранных учащихся максимально качественное образование, особенно на немецком языке, и установить единую цель обучения для всех школ³⁷³. На учительском семинаре в Того миссионеры готовили не только будущих учителей, но и специалистов по сельскому хозяйству, которые после окончания учебы возвращались в свои племена и применяли полученные знания на практике.

Бременская миссия зависела от тоголезских учителей не только из-за хронической нехватки учителей, но и по «социально-психологическим причинам, обусловленным особыми качествами африканского учителя как посредника между африканской и христианско-европейской культурой»³⁷⁴. Особая значимость местных учителей для функционирования миссий подчеркивалась в поздних исследованиях, в которых отмечалось что «только местный житель может учить так, чтобы дети страны понимали, и даже если его педагогические достижения в десять или сто раз меньше, чем у европейца, никакая педагогическая подготовка не заменит преимущества понимания образа мышления своих учеников»³⁷⁵. Таким образом, местных учителей

---

³⁷³ Trierenberg G. Togo. Op. cit. S. 51.

³⁷⁴ Adick C. Bildung und Kolonialismus in Togo. S. 159.

³⁷⁵ Sokolowsky C. Sprachenpolitik des deutschen Kolonialismus. Deutschunterricht als Mittel imperialer Herrschaftssicherung in Togo (1884 - 1914). S. 83.

можно рассматривать как важнейшее связующее звено между миссией и местным населением.

В Юго-Западной Африке администрация также могла рассчитывать на немецкую миссию. В целом, по мнению большинства миссионеров, школа была наиболее приятной частью миссионерской деятельности, но и она сильно страдала от кочевого образа жизни туземцев. Согласно статистике, составленной миссией, миссия гереро за 1903 г. дала следующую картину: 15 главных станций, 32 филиала, 48 школ, 1985 учащихся, 7508 прихожан. Поскольку общее число гереро можно оценить примерно в 60 – 70 тыс. человек, примерно двенадцатая часть всего народа приняла христианство³⁷⁶.

Схожая ситуация в образовании была и в колонии Цзяо-Чжоу. Там, помимо протестантских, существовали государственные школы, общее число которых к 1914 г. составило 50 школ, в которых обучалось около 2 тыс. учащихся³⁷⁷. Кроме того, правительством была построена немецко-китайская высшая школа, которая включала в себя отделения для изучения права, науки и сельского хозяйства, а также содержала одно отделение, полностью посвященное переводу учебников и немецкой литературы.

В отличие от Цзяо-Чжоу, правительство не сделало так много для образовательной работы в других тихоокеанских колониях, поскольку эти территории были предоставлены правительством для миссионерской деятельности. В общей сложности, в 1914 г. в этом регионе было всего пять государственных школ: 2 школы на Самоа и 3 школы в Новой Гвинее³⁷⁸. Но миссионерские общества добились многого. Они управляли 320 школами на Самоа с 10 тыс. учеников и 424 учителями и, вместе с государственными школами, охватили 33% из 34 432 коренных жителей, в то время как в Новой

---

³⁷⁶ Leutwein T. Op. cit. S. 282.

³⁷⁷ Подсчитано по. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich / Hrsg. Vom kaiserlichen statistischen Amt. 1914. S. 449.

³⁷⁸ Подсчитано по. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich / Hrsg. Vom kaiserlichen statistischen Amt. 1914. S. 449.

Гвинее 5 протестантских и 4 католических общества содержали 516 школ с 19 тыс. учеников и, вместе с одной государственной школой, обслуживали всего 4% из 600 тыс. коренного населения.

Для коренного населения африканских колоний христианство означало полный отказ от своей культуры, во многом из-за того, что их обычаи, включавшие в себя дикие для европейцев обряды, запрещались. Миссионеры, благодаря своему высокому положению среди аборигенов, могли пропагандировать отказ от других культур, включая традиционную культуру коренных народов. Они старались обязывать население носить одежду, а также подавляли многие виды традиционного искусства. Те, кто соглашался принять христианство, был обязан взять себе новое христианское имя. Одна из самых важных задач миссионеров заключалась в попытке мирными методами заставить коренных жителей не признавать власть племенных вождей и языческих старейшин, так как их власть исходила от старых языческих богов, что противоречило христианским принципам власти от Бога. Коренные жители, принявшие христианство и германские ценности, могли рассчитывать на новые возможности для своей жизни при немецких властях.

Для анализа того, как коренное население, перенимая европейские традиции и ценности, стремилось получить больше привилегий от колониальных властей, мы применяем концепцию американского исследователя постколониализма Х. Бхабха. Колониальный дискурс, как показано в статье Бхабха, строится на амбивалентности мимикрии, где подражание колонизированных субъектов становится одновременно инструментом контроля и угрозой для колониальной власти. Миметическое желание, выражающееся в стремлении колонизированных «быть почти такими же, но не совсем», создает пространство для сопротивления и подрыва авторитета колонизаторов³⁷⁹. Этот процесс на примере германской

---

³⁷⁹ Bhabha H. Op. cit. P. 127.

администрации и миссий показывает, что колониальная власть не может полностью ассимилировать или уничтожить различия между европейцами и народами колоний. Это приводит к постоянному конфликту между стремлением к контролю и неизбежным сопротивлением, возникающим из-за частичного признания новой власти и частичного подчинения ей коренного населения. Основываясь на данной концепции, можно сделать вывод, что мимикрия является не только механизмом колониального господства, но и источником его дестабилизации.

На Колониальном конгрессе в 1910 г. обсуждались вопросы образования для коренного населения африканских колоний. Одной из тем обсуждения были способы привить европейские ценности местному населению. Так, врач Людвиг Кюльц рассуждал о самой необходимости прививать европейские в целом, или германские идеалы в частности: «Каждый из нас согласится, что мы должны по крайней мере попытаться привести их от их до сих пор не очень высоких идеалов к новым, лучшим»³⁸⁰. Несмотря на некоторые смелые заявления, равенство между немцами и населением колоний не предполагалось: целью цивилизаторской миссии были идеальные туземцы, а не чернокожие европейцы. Чтобы отразить эту двойственность, следует упомянуть разработку особого «колониального немецкого языка» для заморских владений. На практике это хорошо отражает механизмы культурного взаимодействия. Целью было обеспечение возможности общения через языковые границы с населением всех колоний. Сокращенный базовый словарный запас был призван гарантировать, что колонизированный «сможет начать выполнять свои обязанности полезного работника, носильщика или слуги и тому подобное в кратчайшие сроки». Базовый словарный запас должен был содержать не более 150 слов, включая

---

³⁸⁰ Die Verhandlungen des Deutschen Kolonialkongresses 1910 zu Berlin am 6., 7. und 8. Oktober 1910. S. 623.

такие термины, как: работа, деньги, Бог, император и числа от одного до двенадцати.

Даже если христианская миссия была функционально встроена в колониализм и империализм европейских держав, ее вклад в благополучие и развитие народов также должен быть положительно оценен, поскольку с распространением веры пришла забота о человеке в целом, создание хотя бы элементарных систем здравоохранения и образования, обычно было составной частью деятельности. «Культурная миссия» христианских народов, среди прочего, заключалась в борьбе с рабством и работорговлей. Речь шла о рабстве в прямом и переносном смысле. Для миссионеров целью было освобождение рабов и африканцев – всех угнетенных, не только от произвола и жестокости кровожадных африканских вождей, но и от несправедливости и злоупотребления властью со стороны колонизаторов.

Миссионеры часто указывали на отсутствие финансирования их деятельности в нужном объеме, учитывая их вклад в общее с колониальной администрацией дело. Основным аргументом было уверение, что за счет большего финансирования миссионерской работы можно было бы эффективнее решить проблему недовольства коренного населения, а значит снизить затраты на колониальные войска, полицию и административный аппарат. На колониальном конгрессе обсуждалась разница в доходах некоторых должностей в колониях. Так, западноафриканский колониальный чиновник получает в качестве стартового жалованья около 5000 марок, молодой купец – 3,5 тыс., а неженатый миссионер – едва 2 тыс., то есть, чиновник с надбавкой к пенсии, отпуском и т.п. находится в гораздо более выгодном положении³⁸¹.

Своими действиями, своей помощью коренным жителям колоний и своими советами миссионеры доказывали, что они стремились к своей

---

³⁸¹ Die Verhandlungen des Deutschen Kolonialkongresses 1902 zu Berlin am 10. und 11. Oktober 1902. S. 445.

главной цели: они не только пытались обратить людей в христианство, но и предоставляли европейские возможности для получения образования, основав школы и обучив многих молодых жителей колоний. Они старались бороться за равенство и, прежде всего, достоинство для населения колоний, хотя следует также отметить, что, как и колонизаторы, миссионеры способствовали аккультурации народов.

***

Подведем итоги. Сложившейся практикой получения власти немцами в колониях было заключение «договоров о защите» между местными вождями и немецкими концессионными компаниями. Это изначально предусматривалось замыслами Бисмарка, которые состояли в минимизации роли государства и передаче управления концессионным компаниям. Однако недостаточное финансирование и отсутствие опыта не позволило компаниям успешно выполнять функции по управлению колониями, что вскоре потребовало прямого участия государства, означая полный отход от первоначальных планов Бисмарка.

Что касается непосредственно Германской колониальной политики в Африке и Океании, то она характеризовалась сочетанием военно-административного управления и принудительной эксплуатации местного населения. Ключевыми элементами управления в колониях были губернаторы, колониальные войска, системы правосудия и налогообложения. В африканских колониях власти внедряли различные модели ведения хозяйства, от плантационного хозяйства до фермерских поселений. В Океании, несмотря на ее удаленность и сложные условия, развивалось плантационное хозяйство, использующее принудительный труд как местного населения, так и наемных рабочих. В Китае Германия хотела на примере Цзял-Чжоу создать образцовую колонию, но высокие затраты ограничили успех колонии.

В общую практику управления были также интегрированы миссионеры, которые играли важную роль в процессе колонизации, выступая не только как проводники христианской веры, но и как агенты культурной ассимиляции. Они принимали участие в открытии школ, больниц и активно способствовали распространению европейских ценностей, что приводило к разрушению традиционных укладов жизни коренного населения.

Таким образом, несмотря на усилия колониальных властей, экономическая эффективность германских колоний оставалась низкой. Колонии не стали значимыми источниками сырья или рынками сбыта для немецкой промышленности, а затраты на их содержание часто превышали доходы. В целом, германский колониализм столкнулся с финансовой несостоятельностью, слабой демографической экспансией и растущим недовольством коренных народов, что подчеркивало его противоречивый и неустойчивый характер.

ГЛАВА 3. КОНФЛИКТЫ ГЕРМАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ С КОРЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

3.1. ОТВЕТЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ВЫЗОВЫ ГЕРМАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ В 1880-1890 ГГ.

Колониальная политика Германской империи была попыткой совместить экономические интересы метрополии с идеей «цивилизаторской миссии». Однако отсутствие четкой стратегии, жестокость в обращении с местным населением и неспособность учесть культурные особенности колоний привели к многочисленным конфликтам. Германский колониализм оставил глубокий след в истории Африки и Океании, став примером того, как имперские амбиции могут столкнуться с сопротивлением и непониманием со стороны тех, кого пытаются «цивилизовать».

Анализ конфликтов германской колониальной администрации с коренным населением однозначно свидетельствует, что именно африканский континент стал главной ареной массовых антиколониальных восстаний конца XIX – начала XX в. В то время как в тихоокеанских и азиатских владениях наблюдались преимущественно локальные столкновения, в Африке вспыхнули полномасштабные войны, угрожавшие основам германского правления на континенте. Эта региональная специфика обусловлена совокупностью факторов, выявленных в ходе исследования.

Юго-Западная Африка стала одной из первых колоний, где произошли события, серьезно угрожавшие всему существованию германской власти в регионе. К 1888 г. уже три года действовал «договор о защите» между германскими властями и племенем гереро, которое являлось одним из самых многочисленных и влиятельных. Между сторонами существовали взаимные обвинения: вожди гереро часто жаловались на то, что немцы не способны ни

защитить их от другого сильного племени – нама, столкновения с которым случались постоянно, ни помочь в их разгроме. Гереро также находились под влиянием англичан. Один из них – торговец Роберт Льюис, являвшийся одним из вдохновителей плана по присоединению германской Юго-Западной Африки к английским колониям на юге континента. В октябре 1888 г. состоялось собрание с участием комиссара колонии Г. Геринга и представителей племени гереро. В ходе встречи глава гереро Махареро объявил недействительными все заключенные с немцами контракты, а также все предоставленные им концессии, фактически отказался от «договора о защите» с Германией и покинул собрание³⁸². Для предотвращения вооруженного конфликта с гереро, которых подстрекали англичане, немцы были вынуждены отступить в порт Уолфиш-Бей, ожидая решения от германского правительства.

Правительство Германии, тем временем, проводило дипломатический обмен нотами с англичанами для урегулирования споров по территории на юге колонии. Из наблюдений немецкого армейского офицера Курта фон Франсуа, позже отправленного с небольшим отрядом в колонию, со стороны это казалось возможной уступкой немцев в этом вопросе. По его словам, действия правительства показали совершенное равнодушие к колонии, так как не было стремления в кратчайшие сроки решить вопрос с англичанами³⁸³. При этом, в метрополии считали причинами тяжелой ситуации на начальном этапе колонизации не оплошности чиновников, а губительный, ошибочный подход германской колониальной политики: «чудесная идеалистическая идея, что где-то на земле можно политически влиять на страну и народ и даже управлять ими, не укрепляя никакой власти, а может быть, даже не тратя никаких денег. Этот идеализм, который составляет чудесный контраст с другой нашей

---

³⁸² Hintrager O. Op. cit. S. 23.

³⁸³ Francois C. Op. cit. S. 32.

строгой немецкой реальной политикой, является основой наших поражений на Юго-Западе, а также в Восточной Африке»³⁸⁴.

В январе 1889 г. капитан фон Франсуа высадился в Уолфиш-Бей во главе отряда из 21 солдата и унтер-офицеров немецкой армии. Основными пунктами инструкций для него были: восстановление в должности немецких чиновников, арест или изгнание Роберта Льюиса, ограничение ввоза огнестрельного оружия и боеприпасов, посещение лояльных вождей, чтобы выслушать их жалобы и пожелания, поддержание мира между различными племенами. По инструкции войска не должны были использоваться для военных операций и могли вмешиваться только тогда, когда отдельные лица нарушали немецкие приказы³⁸⁵.

Надежда была на то, что после недавней смерти Махереро получится обратно склонить отдельные племена гереро на свою сторону. Успех немцев зависел от того, кто станет новым верховным вождем, так как оставались сторонники сохранения отношений с Германской империей, и те, кто уже видел себя в сфере влияния Англии. Безусловно, обе страны не желали начинать войну из-за относительно небольшого спора, поэтому применение силы было ограничено. В такой ситуации немцы делали ставку на те группы гереро, которые были настроены прогермански.

Отряд фон Франсуа отправился в земли гереро, получив информацию, что англичане с помощью бренди готовятся разжигать настроения против немцев. В поселении Очимбингве Франсуа записал свои первые впечатления: «Меня очень неприятно поразила отвратительная наглость гереро и их высокомерие по отношению к торговцам. Я встречался со многими негритянскими племенами, но ни разу ни с одним, где к белому человеку относились с таким явным презрением и пренебрежением»³⁸⁶. Тем не менее, в

---

³⁸⁴ Fabri F. Op. cit. S. 71.

³⁸⁵ Francois C. Op. cit. S. 35.

³⁸⁶ Hintrager O. Op. cit. S. 27.

июле состоялась его встреча с еще одним лидером гереро Манассе, который выступал за восстановление договоров с немцами. Но ключевой фигурой в планах немцев на восстановление своего влияния был Самуэль Махареро, сын умершего верховного вождя гереро, который так же оставался верен прежним договорам с Германией. К 1890 г. немцам удалось постепенно сконцентрировать всю власть в его руках, что означало возвращение немецкой власти в этой части колонии. Во время переговоров в мае 1890 г. Махареро предоставил немецким войскам охраны право селиться где угодно. Изучив различные варианты, фон Франсуа остановил свой выбор на Виндхуке, потому что он был расположен в пустынной местности между землями гереро и нама в центральной части колонии³⁸⁷.

После решения вопроса с гереро, оставалась еще одна задача, которая все еще не была решена, а именно отказ Хендрика Витбоя из народа нама признавать власть Германии над его племенем. Фон Франсуа считал это настолько важным, что выступал в Берлине за регулирование этого вопроса до начала фактической колонизации. Чтобы достичь соглашения с Хендриком Витбоем, он совершил три поездки в Намаланд и в горную крепость «Хорнкранц» в 1892 г. В нескольких беседах он объяснил Хендрику необходимость заключить мир. Правительство Германии было полно решимости установить мир в стране, остановить торговлю оружием и боеприпасами и принять меры против тех, кто нарушает мир.

Немецкие обещания защиты никогда не прельщали лидера нама Хендрика Витбуя. С самого начала колониальной эпохи он боролся с имперской гегемонией всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Антиколониальная программа Витбоя в основном была сосредоточена на его убеждении, что нама были хозяевами своей собственной судьбы и что они имели право жить за пределами границ иностранного контроля. После того, как колониальная администрация подняла имперский флаг в Виндхуке, Витбой проверял пределы немецкой власти, действуя следующим образом:

---

³⁸⁷ Ibid. S. 29.

он напал на конкурирующие африканские общины, связанные с немцами, делал непроходимыми торговые пути, которые проходили через его территорию, запрещал белым поселенцам проводить разведку на его земле и отказывался продавать скот, припасы и имущество имперским силам³⁸⁸.

В том же 1892 г. произошло событие, которого, вероятно, никто не предвидел: Хендрик Витбои довольно быстро сблизился с гереро и заключил с ними мир. Некоторые очевидцы событий считали, что он прислушался к призывам фон Франсуа прекратить военные действия против гереро, но не к призывам признать немецкое покровительство. С этого момента существовали опасения, что с заключением мира дело обстоит иначе и что бывшие враги захотели объединиться против немцев³⁸⁹.

Противостояние же немцев с народом нама и их лидером продолжилось вплоть до 1894 г., когда новым губернатором стал Теодор Лейтвайн. В своем письме Хендрику от 5 мая 1894 г. Лейтвайн ясно дал понять: «Мы не ведем войны против вашего народа. Мы находимся в состоянии войны с лично Вами, если считаете себя повелителем Намаленда и считаете, что имеете право убивать других вождей по своему желанию. Вы могли сделать это раньше. Это должно прекратиться сейчас»³⁹⁰. В более позднем письме Лейтвайн писал: «Тот факт, что вы не хотите подчиниться Германскому рейху, не является грехом или позором, но опасен для существования немецкого протектората. Мир без явного подчинения немецкой защите больше не существует для вас и вашего народа. Это мое последнее слово по этому вопросу»³⁹¹.

Утвердительного ответа на последнее предложение так и не последовало. После прибытия подкрепления у немцев было около 300 человек и 2 единицы орудия для решающего сражения. 27 августа 1894 г. была взята штурмом основная позиция Хендрика Витбуа в Науклуфте. За

---

³⁸⁸ Bochert C. The Witboois and the Germans in South West Africa: A Study of their Interaction between 1863 and 1905. P. 45.

³⁸⁹ Schwabe K. Im deutschen Diamantenlande: Deutsch-Südwestafrika von der Errichtung der deutschen Herrschaft bis zur Gegenwart (1884-1910). S. 16.

³⁹⁰ Leutwein T. Op. cit. S. 34-35.

³⁹¹ Ibid. S. 36.

этим последовала чрезвычайно трудная и дорогостоящая девятидневная горная война, по результатам которой 11 сентября 1894 г. Хендрик Витбой принял предложение о подчинении немецким властям. Лейтвайн также убедил его подписать договор о войне и защите и в дополнительном соглашении от 16 ноября 1895 г. обязал по требованию Германии сопровождать армию со всеми людьми, способными носить оружие в случае войны³⁹². Хендрик Витбой также обязывался поддерживать порядок на своей территории, за что ему полагалось жалование в 2 тысячи марок в год³⁹³. Таким образом, хотя подписавшие Берлинскую конференцию 1885 г. державы считали Юго-Западную Африку протекторатом Германии, колониальные власти довольно долгое время не могли значительно влиять на управление колонией без поддержки местного населения³⁹⁴.

В Восточной Африке на начальном этапе германского правления также произошло восстание, которое могло серьезно подорвать влияние империи в регионе. Одной из причин стало то, что во время присоединения регионов Восточной Африки к другим колониям Германии, Восточноафриканское общество Карла Петерса не смогло добиться выхода к морю, и прибрежные территории оставались владением султана Занзибара Сайда Халифа бен Саида. В последующие годы правительством Германии на султана оказывалось серьезное давление с целью передачи этой территории. В итоге это привело к заключению договора в апреле 1888 г., в котором он соглашался передать Германско-Восточноафриканскому обществу всю власть, на которую он имеет право на материке (Мрима) и на своих территориях к югу от реки Умба, а также передает ему всю администрацию этих областей³⁹⁵.

Несмотря на это, территория Занзибарского султаната даже после установления германского господства в Восточной Африке оставалась

---

³⁹² Zusatzvertrag mit Hendrick Witboi/ SWA vom 16.11.1895 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 307.

³⁹³ Балезин А.С. Тропическая и Южная Африка в Новое и Новейшее время: люди, проблемы, события. С. 120.

³⁹⁴ Werner W. A Brief History of Land Dispossession in Namibia // Journal of Southern African Studies. 1993. Vol.19. №1. P. 138.

³⁹⁵ Küstenvertrag der Doag vom 28.04.1888 mit Zanzibar // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. S. 333-336.

центром работорговли. Особую выгоду из нее извлекали арабы, жившие в большом количестве в данном регионе и являвшиеся влиятельными землевладельцами. В результате после установления власти Восточноафриканского общества коренное африканское население стало находиться под влиянием как арабских работорговцев, так и немецко-колонистов. Арабы чувствовали унижение их гордости этим договором, потому что отныне над ними должна была править иностранная держава, и они были тем более унижены, что, несмотря на весь свой опыт, они еще не научились уважать эту власть³⁹⁶. Европейцы, которым теперь предстояло править Восточной Африкой, сосредоточили свои усилия в первую очередь на искоренении работорговли. Им было очевидно, что полная отмена рабства – лишь вопрос времени.

Рассуждая о вопросе искоренения рабства, колониальная пресса указывала на возможность разрушить торговые станции в Танганьике, изгнать лидеров караванов из региона, бороться с охотниками за рабской силой или наказывать тех, кто служит арабам в качестве торговцев людьми. «Они бродят по стране небольшими группами, нападают на отдельных людей и тащат их к торговцам – за кусок ткани, за ювелирные кольца, часто за корзину муки. Весть о захвате нескольких невольничьих кораблей, за которой должно последовать самое суровое наказание торговцев в качестве сдерживающего примера, могла бы восстановить подорванную репутацию немцев»³⁹⁷.

Проблемой в случае отмены рабства становилось то, что работорговля была лишь одним направлением в деятельности арабов в регионе – важную роль играла торговля оружием и ценностями, например, слоновой костью. Представители Германского восточноафриканского общества ставили перед собой цель подорвать позиции арабов в этой сфере и в будущем полностью уничтожить работорговлю. В результате арабы увидели угрозу всему своему существованию, как и часть коренного африканского населения, чья общность интересов с арабами достигла высшей точки в работорговле. Все

---

³⁹⁶ Reichard P. Op. cit. S. 116.

³⁹⁷ Der Sklavenhandel in Afrika // Freiburger Zeitung. 1889. 1 Januar. 1. Blatt S. 1.

население Германской Восточной Африки с самого начала было враждебно настроено по отношению к немцам и положениям договора, который серьезно менял их уклад жизни. Ф. Фабри, рассуждая о менталитете африканцев, отмечал, что они меньше всего соглашаются на призывы к восстанию по идейным соображениям, но соглашаются только тогда, когда видят угрозу своим жизненным интересам³⁹⁸.

В результате в 1888 г. в Килве происходит убийство двух немецких чиновников. Это случилось при полном бездействии со стороны военных кораблей, находящихся в этом районе, что могло выглядеть для восставших как «проявление страха и слабости»³⁹⁹. Это положило начало восстанию, в историографии известному как «Восстание Бушири», в честь араба Бушири бин Салима. Нападения на немецкие станции начали происходить одновременно в нескольких районах, и султан Занзибара оказался неспособен самостоятельно подавить эти выступления. В Пангани его войска не смогли устоять против повстанцев во главе с Бушири. В районе Багамойо начались бои, в которых погибло около сотни местных жителей. Немцам пришлось бежать из Килвы и Линди. Только в столице колонии Дар-эс-Саламе ситуация была спокойной. В срочном порядке для подавления восстания предложили кандидатуру немецкого капитана имперских войск Германа Виссмана⁴⁰⁰.

В колониальных сводках уже после первых событий началась поддержка Восточноафриканского общества, подчеркивалась необходимость отправки помощи для подавления восстания. Отмечалось также, что причиной восстания стали исключительно коммерческие интересы арабского населения, о которых до этого было хорошо известно как в самой колонии, так и в Германии. Религиозный фактор, который мог бы разжечь большее ожесточение между сторонами, не рассматривался как еще одна потенциальная причина восстания. Связано это с тем, что арабские торговцы, а именно аббадиты и шаситы, почти не занимались пропагандой ислама.

---

³⁹⁸ Fabri F. Op. cit. S. 34.

³⁹⁹ Ibid. S. 35.

⁴⁰⁰ Zimmermann A. Op. cit. S. 149.

Немцы по первым годам в данном регионе сделали вывод, что арабы, занимающиеся работоторговлей, в основном грабят, убивают и жгут, но не являются прозелитистами⁴⁰¹.

Бисмарк умело использовал волнение в обществе как рычаг для принятия мер по борьбе с восстанием. Ему удалось достичь соглашения с Англией и Португалией о блокировании африканского побережья. С одной стороны, это было призвано сократить или полностью исключить экспорт рабов, а с другой стороны, предотвратить импорт оружия и боеприпасов. Предложение о блокаде восточноафриканского побережья с целью пресечения торговли людьми и оружием было принято в Лондоне 5 ноября 1888 г., а уже 2 декабря этого же года блокаду начали английская и немецкая эскадры. Позже к ним присоединились итальянские и португальские корабли. Немецкие корабли немедленно предприняли действия против повстанцев в районах Багамои и Линди, но в некоторых случаях блокада не была полной из-за отсутствия достаточного количества кораблей вдоль всей береговой линии.

К началу 1889 г. блокада не принесла ощутимых результатов, а ситуация в колонии продолжала ухудшаться. 10 января 1889 г. повстанцы напали на протестантскую, а вскоре и на католическую миссию возле Дар-эс-Салама, убив и взяв в плен нескольких миссионеров. В Восточной Африке действовало всего пять протестантских и три католических миссионерских общества, которые находились под угрозой нападения со стороны восставших. В этой ситуации Восточноафриканское общество обратилось за помощью к Рейху. 14 января на заседании рейхстага компания оценила свои потери в 650 тыс. марок, указав, что без помощи правительства империи она будет вынуждена прекратить свою деятельность⁴⁰². Вмешательство империи было тем более оправданным, что компания стремилась подавить работоторговлю, так как незадолго до этого 14 декабря 1888 г. под давлением

---

⁴⁰¹ Meinede G. Die Lage in Ostafrika ind die Araber // Deutsche Kolonialzeitung. 1888. 6 Oktober. S. 317.

⁴⁰² Zimmermann A. Op. cit. S. 151.

общественного мнения большинство рейхстага уже согласилось принять меры против работорговли.

17 января 1889 г. правительство потребовало ссуду в два миллиона марок и разрешение направить комиссара, которому будет поручен надзор за Восточноафриканским обществом и его должностными лицами в колонии. Силами одного только флота не было возможности подавить восстание, так как для этого требовались еще и сухопутные войска. Поскольку у общества не было средств для их формирования и полного обеспечения, Германской империи пришлось вмешаться.

Еще до своего прибытия в колонию Виссман принял два важных решения: во-первых, он предоставил собственную флотилию из четырех пароходов, что сделало его достаточно независимым от военно-морского флота империи в проведении стратегических операций. Во-вторых, он начал активную вербовку суданцев, чьи военные навыки он оценил во время своих визитов в Каир в качестве представителя империи на переговорах с англичанами⁴⁰³.

Виссман прибыл в Восточную Африку и 28 апреля 1889 г. принял на себя высшую власть, включая гражданскую администрацию. К этому моменту в колонии находились необходимые для боевых действий оружие, пушки и боеприпасы, а наемные суданцы прибыли в конце апреля. Через неделю по войскам Бушири был нанесен первый успешный удар – 8 мая 1889 г. был захвачен укрепленный лагерь повстанцев. Бушири и значительной части его последователей удалось бежать, однако поражение было крайне серьезным для восставших. После этого территория вокруг Багамойо до Кингани была полностью очищена от противника, а к 20 мая Дар-эс-Салам и прилегающие районы были заняты немцами.

К концу весны 1889 г. основные военные действия перешли в местность Саадани, где действовал второй лидер восставших - султан Бана Хери.

---

⁴⁰³ Deutschland als Kolonialmacht. Dreiig Jahre deutsche Kolonialgeschichte. S. 57.

Бушири с остатками восставших смог отойти во внутренние районы, где ему удалось заключить союз с племенами вахехе и мафити⁴⁰⁴, которые тоже вступили в борьбу с немцами. Первым объектом нападения восставших стала станция Мпапуа, являвшейся важным опорным пунктом в торговом и стратегическом отношениях. После его захвата и разграбления последовали нападения на другие немецкие миссионерские станции. Несмотря на то, что в начале восстания случались частные случаи нападения на европейских миссионеров, на данном этапе Бушири отказался от репрессивных действий по отношению к миссионерам. В октябре 1889 г. станция Мпапуа была восстановлена и снова укреплена немецким гарнизоном. Вскоре племя Мафити было разбито немцами, что побуждало некоторых участников восстания также сложить оружие. Несмотря на продолжающееся ожесточенное сопротивление, в ходе одного из столкновений Бушири был схвачен и повешен публично в Пангани 15 декабря 1889 г.⁴⁰⁵

В начале 1890 г. все внимание было переключено на Бана Хери, который располагал силами для продолжения сопротивления. В результате нескольких сражений силы восставших были разбиты, а остатки были зажаты в пустынной местности, отрезанные от продовольствия. Через несколько дней в немецкий лагерь прибыли представители Бана Хери, которые объявили о его полной покорности. После того, как он лично поклялся принять условия мира и добросовестно соблюдать их, он и все его последователи были помилованы и получили разрешение поселиться в районах Садани и Увинджи⁴⁰⁶. В случае с Бана Хери снисходительность Висмана была уместна, так как немцы в его случае имели дело с вождем, который больше боролся за свою независимость, чем был на самом деле мятежником, хотя в определенной степени он был единомышленником Бушири⁴⁰⁷.

---

⁴⁰⁴ Hutter F.K. Das Überseeische Deutschland. Band II. S. 120.

⁴⁰⁵ Ibid. S. 120.

⁴⁰⁶ Reichard P. Op. cit. S. 216.

⁴⁰⁷ Ibid. S. 216.

Восстание, произошедшее в Германской Восточной Африке в 1888-1890 гг., можно назвать первым проявлением вражды по отношению к германским колониальным властям. Кроме того, для Германии подавление этого восстания стало первым опытом борьбы с такими выступлениями. Данное восстание нельзя ставить в один ряд с будущими антиколониальными движениями в Юго-Западной и Восточной Африке, так как арабские и африканские силы отстаивали, прежде всего, свои права во внутренней и внешней торговле, устоявшиеся принципы управления, а также свою собственную власть в регионе. Восстание закончилось неудачей не только по причине очевидного военного превосходства Германской империи, но и вследствие отсутствия у восставших общей цели, которая могла бы объединить все социальные слои в их общей борьбе против немецких властей.

3.2. ВОССТАНИЯ В ГЕРМАНСКОЙ ЮГО-ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ

Руководство колониями и правительство Германии рассматривало коренное население как дешевую рабочую силу, использовало откровенно рабские условия труда, а также не давало какой-либо правовой защиты. Это могло приводить к злоупотреблению полномочиями со стороны как представителей администрации, так и рядовых колонистов. Было несколько случаев телесных наказаний, тогда известных как «отцовские наказания», когда представители метрополии применяли физические виды наказаний для провинившихся африканцев. Хотя телесные наказания были отменены в Германии еще в 1871 г., немецкие фермеры зачастую настаивали на продолжении их применения в колонии. Африканцы не считались людьми в «европейском понимании», поэтому систематическое применение насилия к коренному населению было обыденным делом. Преступления немецких граждан часто наказывались лишь незначительными штрафами или вовсе игнорировались колониальными властями. Конечно, жестокость к коренному населению не была повсеместным явлением. Так, некоторыми представителями колонистов отмечалось, что ни за совершенные насильственные действия и преступления, ни за ошибки определенной категории белого населения, ни за отдельные случаи нападений на африканцев, нельзя винить все белое, и в основном немецкое население страны⁴⁰⁸.

Проводимая немецкой администрацией политика «грабежа» скота, насильственного труда и искоренения традиционных обычаев – все это вызывало недовольство коренного населения во всех регионах, но крупные восстания против властей происходили только в Юго-Западной и Восточной Африке. В Юго-Западной Африке политика «разделяй и властвуй» губернатора Лейтвейна долгое время была направлена на деление крупных племен на более мелкие группы⁴⁰⁹. Так, восставшие в 1896 г. племена

---

⁴⁰⁸ Schwabe K. Der Krieg in Deutsch-Südwestafrika, 1904-1906. S. 70.

⁴⁰⁹ Leutwein T. Op. cit. S. 95.

мбандьеру и кхауа были изолированы друг от друга и не смогли оказать сопротивление колониальным войскам. Целями немцев в этих войнах было не только укрепление отношений с теми племенами, которые не присоединились к восстанию и остались лояльными немцам, но и 12 тыс. голов скота, захваченных во время военных действий и полученных в качестве репараций после их окончания⁴¹⁰.

Это было лишь первое крупное выступление против германской власти в этом регионе. В 1904-1907 гг. произошли два крупных восстания: гереро и нама. Причинами стали экспроприации собственности, жестокое отношение и абсолютное бесправие африканского населения колоний. Помимо этих причин местное население возмутило строительство Отавийской железной дороги, за которым последовало отчуждение у населения необходимых для ее строительства земель. Тот факт, что восстания произошли не одновременно, сыграло очень важную роль в их подавлении. Союз двух самых крупных племен Юго-Западной Африки мог изменить положение дел в войне, однако политика, проводимая губернатором Лейтвейном по предотвращению каких-либо союзов, стала спасением для немецких властей в начале восстания⁴¹¹.

По словам командующего войсками Юго-Западной Африки, в начале 1904 г. положение дел в колонии не вызывало особого беспокойства⁴¹². Восстание гереро стало полной неожиданностью для колониальных властей. В течение нескольких дней гереро убили более 120 немцев, проживавших на землях племени⁴¹³. В основном это были немецкие фермеры, владевшие участками земли в непосредственной близости от столицы. Исключение составляли женщины и дети, которых гереро не убивали, а отправляли в ближайшую миссию или немецкое поселение. Все станции представляли собой укрепления в виде каменных зданий или дворов, обнесенных стенами. Во многих случаях имелись башни, чтобы облегчить обзор. Во всех немецких

---

⁴¹⁰ Дрекслер Х. Ук. соч. С. 93-94.

⁴¹¹ Leutwein T. Op. cit. S. 492.

⁴¹² Schwabe K. Der Krieg in Deutsch-Südwestafrika, 1904-1906. S. 59.

⁴¹³ Rust C. Krieg und Frieden im Hererolande. S. 145-146.

опорных пунктах были предусмотрены условия для хранения большего количества оружия. Укрепленные станции в целом хорошо себя зарекомендовали во время восстания, иногда позволяя небольшим гарнизонам выстоять против превосходящих сил. Гереро не пытались нападать на города или станции, так как штурм укрепленных мест противоречил их традиционным методам ведения боевых действий. Считалось, что штурм укрепленных поселений это очень глупое решение, ведь тем самым немцы навязали бы им свою волю⁴¹⁴. Если они и попадали в руки гереро, то всегда в результате нападения в начале восстания, еще до того, как были предприняты оборонительные меры⁴¹⁵.

В Германии сразу после начала восстания многие политики или чиновники, связанные с колониальной деятельностью, выступали за максимально жесткое и быстрое подавление восстания, вплоть до уничтожения народа гереро или изгнание его за пределы колонии. В то же время часть немецких политиков выступала против уничтожения восставших. В январе 1904 г. Август Бебель, лидер Социал-демократической партии, возражал в немецком парламенте против варварского обращения немецких войск с гереро, аргументируя это тем, что гереро защищают землю, принадлежавшую им на протяжении веков, которую они рассматривают как собственность, данную им их богами и которую они обязаны защищать от вторжений чужеземцев всеми имеющимися в их распоряжении средствами⁴¹⁶.

Потерпев неудачи в самом начале восстания, немецкие колониальные власти, начиная с весны, начали принимать самые активные меры для подавления восстания. 17 мая 1904 г. генерал-лейтенант германских войск Лотар фон Трота был назначен главнокомандующим в Юго-Западной Африке, и до его прибытия никаких решительных операций не проводилось. До 11 июня того же года, для постепенно прибывающих в регион восстания подкреплений, шла подготовка инфраструктуры. Созданная группировка

---

⁴¹⁴ Hintrager O. Op. cit. S. 50.

⁴¹⁵ Großer Generalstab. Die Kämpfe der deutschen Truppen in Südwestafrika. Bd.1. S. 13.

⁴¹⁶ Verhandlungen des Reichstages. 14 Sitzung. 19 Januar 1904. S. 368.

колониальных войск дала немцам возможность перейти к июлю в наступление, но фон Трота решил перед решающей битвой дождаться прибытия всех подкреплений.

К лету 1904 г., пока происходило активное пополнение войск в Африке, и активные боевые действия не велись, в самой Германии наряду с неудовольствием, порождаемым неудачами экспедиции, растет чувство раздражения Англией, которая не без основания обвиняется в тайном подстрекательстве мятежников. Последние свободно переходят границу и находят в английских владениях возможности снабжаться снарядами и провиантом⁴¹⁷. Это подтверждается тем фактом, что большинство гереро были вооружены современными, преимущественно английскими винтовками, хотя немецкая администрация охраняемой территории контролировала ввоз оружия и боеприпасов с 1884 г.⁴¹⁸

Русский посол в Берлине писал о дрящемся уже более шести месяцев восстании: «Германская колония в Африке не перестает быть источником все новых забот для правительства. Генералу фон Трота до сих пор не удалось водворить порядок в Юго-Западной африканской колонии и потери, понесенные им при стычках с мятежными гереро, требуют постоянного пополнения поставленных в его распоряжение военных сил. На военную экспедицию против гереро Германия истратила уже около 400 миллионов марок и рейхстагу придется осенью задним числом дать свое согласие на открытие новых кредитов»⁴¹⁹. Кроме того, указывалось, что неурядицы в Юго-Западной Африке отразились уже до некоторой степени и на положении дел в Восточных Африканских владениях Германии, откуда получены на днях тревожные вести о готовящемся и там восстании одного из местных племен⁴²⁰. Данные новости оказались верными, так как вскоре Германская

---

⁴¹⁷ АВПРИ. Ф. 167 Посольство в Берлине. Оп.509/1. Д. 4566. Л. 96-97.

⁴¹⁸ Leutwein T. Op. cit. S. 249.

⁴¹⁹ АВПРИ. Ф. 167 Посольство в Берлине. Оп.509/1. Д. 4566. Л. 96.

⁴²⁰ Там же. Л. 96-97.

Восточная Африка погрязла в одном из самых крупных антиколониальных восстаний – восстании Маджи-Маджи.

Фон Трота, понимая недовольство людей в Германии затянувшейся войной, принял решение действовать более решительно и начал готовиться к решающей битве при Ватерберге, недалеко от безводной пустыни Омахеке. Еще до начала битвы фон Трота телеграфировал Генеральному штабу о своем решении выставить сравнительно малые силы у дороги в пустыню, предполагая попытку прорыва со стороны гереро именно в этом месте. Это, безусловно, было на руку немцам: «Считалось маловероятным, что гереро отойдут в юго-восточном направлении, поскольку такое движение приведет их на безводную территорию Омахеке. Поэтому на этой стороне нужно было развернуть лишь более слабые силы. Однако если бы гереро попытались прорваться сюда, такой исход был бы тем более желателен для немецкого руководства, поскольку тогда враг добровольно побежал бы навстречу своей гибели. Потому что ему пришлось умереть от жажды на безводном песчаном поле»⁴²¹. В ходе битвы гереро понесли потери, что заставило их отступать через позиции немцев в пустыню Омахеке, как и планировалось немецким командованием⁴²². После этого немецкие войска преследовали оставшихся гереро, чтобы не дать им возможности сменить направление бегства⁴²³.

Трактовка таких действия была предельно простой – безводная Омахеке должна была завершить то, что было начато немецким оружием: уничтожение народа гереро⁴²⁴. Многие действия германских войск квалифицируются рядом исследователей как геноцид целого народа: прежде всего, пресловутый приказ стрелять в восставших, в число которых также входили женщины и дети, создание лагерей для заключенных и изгнание гереро в район пустыни

---

⁴²¹ Großer Generalstab. Op. cit. S. 132.

⁴²² См. Приложение №3.

⁴²³ Schwabe K. Der Krieg in Deutsch-Südwestafrika, 1904-1906. S. 294.

⁴²⁴ Großer Generalstab. Op. cit. S. 132.

Омахеке – все это привело к тому, что эта война под руководством Троты сегодня интерпретируется как война на уничтожение⁴²⁵.

После подавления восстания всем оставшимся гереро было приказано покинуть страну, а те, кто решили остаться, были убиты. Из примерно 80 тыс. гереро, проживающих на момент закрепления германских властей в Юго-Западной Африке, по официальным отчётам к 1911 г. осталось чуть более 15 тыс. человек. Однако к этим цифрам надо относиться очень осторожно, так как во время чумы крупного рогатого скота 1897 г. численность гереро сильно сократилась⁴²⁶. Во время подавления восстания происходило множество примеров жестокого обращения с населением гереро, но в официальных немецких источниках они никогда не упоминаются. Геноцид – подходящий термин для того, что произошло. Война в Юго-Западной Африке не была похожа на другие эпизоды подавления подобного рода восстаний в Африке: необузданный характер боевых действий и их масштаб делали ее экстремальным случаем. Убийство колониальных подданных не входило в «логику колониализма»⁴²⁷, так как их можно было использовать в качестве рабочей силы.

Исследователи, изучавшие геноцид как явление, установили, что для того, чтобы начать истребительную войну и, в частности, акт геноцида, необходимы определенные процессы, чтобы помешать преступнику каким-либо образом отождествить себя с жертвой. Потенциальные жертвы должны быть дегуманизированы, они должны быть лишены человеческого достоинства и помещены за пределы сферы, в которой применяется моральная ответственность. Они должны быть изгнаны из круга тех, «кого мы обязаны защищать, принимать во внимание и перед кем мы должны отчитываться»⁴²⁸. В момент восстания гереро почва для этого процесса уже

---

⁴²⁵ Conrad S. Deutsche Kolonialgeschichte. S. 52.

⁴²⁶ Reichskolonialamt. Die Behandlung der einheimischen Bevölkerung in den kolonialen Besitzungen Deutschlands und Englands: eine Erwiderung auf das englische Blaubuch vom August 1918: Report on the natives of South-West-Africa and their treatment by Germany. S. 27.

⁴²⁷ Osterhammel J. Op. cit. P. 127.

⁴²⁸ Zimmerer J. From Windhoek to Auschwitz? Colonialism and Genocide in Germany. P. 41.

была подготовлена и еще больше усилена пропагандой зверств, которая сопровождала начало войны: так, сразу после начала восстания говорилось, что гереро убивали женщин и детей и калечили своих жертв. В своей прокламации фон Трота специально ссылался на это обвинение, чтобы оправдать свою политику убийств и изгнаний. Согласно этой логике, сами гереро были ответственны за то, что с ними происходило, из-за якобы бесчеловечного способа, которым они вели войну: они были «варварами» и «дикарями», противостоящими «цивилизованным» и «дисциплинированным» немецким войскам⁴²⁹.

В поздней историографии на основании высказываний выживших гереро и других племен Юго-Западной Африки, которые сражались против гереро на стороне немцев, отмечались новые, ранее неизвестные для широкой публики подробности немецких «методов ведения войны», включавших убийство сотен и даже тысяч гереро, в том числе женщин и детей⁴³⁰. К сожалению, данные высказывания выживших остаются отдельными примерами альтернативного нарратива, что оставляет восстания в основном изученными через «призму победителя», где жертвы лишены субъектности.

Для понимания методов подавления восстания необходимо сделать акцент на словах самого генерала: «Проявление такой силы в виде тотального терроризма и даже жестокости было и остается моей политикой. Я уничтожу восставшие племена, пролив реки крови и истратив кучу денег»⁴³¹. Эти события повлекли еще большую ненависть со стороны населения этих районов по отношению к колониальным властям, а любые переговоры между сторонами стали практически невозможны.

Вскоре после разгрома гереро, произошло восстание племени нама. Поводом стали угрозы расправы с нама после подавления гереро. В колониальных кругах находились те, кто выступал за полный запрет оружия у всего коренного населения и необходимость провести полное разоружение

---

⁴²⁹ Ibid. P. 41.

⁴³⁰ Дрекслер Х. Ук. соч. С. 149-150.

⁴³¹ Там же. С. 146.

племен. Такие предложения продвигались и через колониальную прессу: «Мы не имеем права зарывать наш топор войны прежде, чем будут разоружены все племена»⁴³². Безусловно, такие призывы доходили до всех племён в регионе, вызывая их опасение за свои права и свободы. Со стороны немецких властей уже поступали угрозы разоружения населения, устранения вождей и роспуск племенных союзов, даже несмотря на то, что нама поддерживало немецкие власти. Так, до начала восстания лидер гереро Самуэль Магареро пытался убедить присоединиться к нему Хендрика Витбоа. Последний, однако, не только не принял участия в восстании гереро, но и предоставил немцам для борьбы с гереро примерно 100 воинов-нама, как он делал во всех войнах немцев против коренных жителей Юго-Западной Африки. Губернатор Лейтвейн в начале восстания нама отметит, что это восстание не готовилось заранее, иначе Хендрику Витбою было бы правильнее воспользоваться неблагоприятным положением немцев в начале восстания гереро вместо того, чтобы посылать им поддержку⁴³³. Таким образом, на юге, где проживали нама, складывалась благоприятная для немцев ситуация в ходе всего восстания гереро.

Еще в феврале 1904 г. представитель губернатора Лейтвайна, правительственный советник Текленбург, докладывал колониальному отделу министерства иностранных дел: «В результате медленного развития войны с гереро у некоторых туземцев могут возникнуть сомнения относительно того, действительно ли сила немцев так велика, как они считали ранее. Учитывая недалекость среднего туземца и его незнание того, какие меры Рейх способен предпринять в любое время, преувеличенные слухи о несостоятельности немецкого оружия могут спровоцировать восстание на юге»⁴³⁴.

К 14 октября 1904 г., когда восстание гереро было подавлено, а обстановка в Юго-Западной Африке казалась стабилизированной, в Берлине

---

⁴³² Hesse H. Der Aufstand in Südwestafrika // Deutsche Kolonialzeitung. 1904. 19 Mai. S. 190.

⁴³³ Leutwein T. Op. cit. S. 460.

⁴³⁴ Hintrager O. Op. cit. S. 64.

была получена депеша. Ее суть сводилась к тому, что Хендрик Витбой еще 3 октября через своего представителя передал окружному капитану в колонии Д.Р. фон Бургсдорфу депешу об объявлении войны⁴³⁵, фактически означая начало нового восстания в колонии. На следующий же день фон Бургсдорф отправился в земли племени нама для личной встречи с Хендриком Витбоем, которого он хотел убедить изменить свое мнение о выступлении против колониальных властей. Представители нама, собравшиеся в Мариентале без своего лидера, убили фон Бургсдорфа после того, как он подтвердил им получение депешы. В эти же дни в землях нама начались массовые репрессии по отношению ко всем немцам, а также разграбление ферм колонистов.

Одной из причин веры в успех восстания могло стать сильное влияние местного пророка Штюрмана на Хендрика Витбой, склонного к религиозным заблуждениям. Штюрман проповедовал, что он послан Богом и поможет изгнать всех немцев из колонии. При этом, по словам губернатора Лейтвайна, Хендрик Витбой не отдавал приказ об убийстве «своего давнего друга», это действие, вероятно, было совершено против воли Хендрика теми, кто по определенным причинам хотел предотвратить дискуссию между двумя мужчинами⁴³⁶.

Полевые командиры не соглашались с мнением, что данное восстание получится подавить гораздо быстрее, чем это было с гереро. Высокую оценку боеспособности нама давали еще в 1893 г., когда власть Германской империи не была столь прочной, и случались столкновения с различными племенами: «Готтентоты, с которыми мы здесь сражаемся, являются одними из самых значительных противников, которые когда-либо сталкивались с европейскими войсками в колониальной войне... Выращенные на войне, умелые легкие наездники, почти непревзойденные в военной службе, а также искусные стрелки, они вооружены исключительно самыми современными винтовками, по большей частью английского производства, и чрезвычайно опасны. Их стиль боя такой же, как у нашей пехоты, и в этом отношении они

⁴³⁵ Schwabe K. Der Krieg in Deutsch-Südwestafrika, 1904-1906. S. 310.

⁴³⁶ Leutwein T. Op. cit. S. 460.

совершенно современны. Они используют в бою людей и всадников, но никогда не слезают с коней, а всегда спрыгивают. Маршируют в основном по пересеченной местности без использования дорог, часто широким фронтом, но они чрезвычайно искусны в создании стрелковых линий из колонн»⁴³⁷.

В то же время более 4 тыс. солдат были отправлены из Германии для помощи в подавлении восстания. Началось планирование строительства железной дороги из бухты Людерица во внутренние районы страны, по причине того, что война на бедном дожде юге была намного сложнее, чем в землях гереро, из-за трудностей со снабжением. Кроме того, как уже говорилось, немцы считали нама гораздо более опасными противниками, чем гереро. Нельзя при этом констатировать численный или, тем более, качественный перевес в силах на стороне африканцев. У витбоев, самого крупного из племен нама, к началу восстания имелось от 800 до 900 воинов, из которых лишь около трети было вооружено стрелковым оружием⁴³⁸.

К декабрю 1904 г. немецким войскам удалось выбить племя Хендрика Витбоя из их поселения, но боевые действия шли медленнее, чем того требовало правительство. Немецким войскам не удавалось втянуть восставших нама в решающее сражение, которое было бы сравнимо с битвой при Ватерберхе против гереро. Поворотным моментом восстания стала смерть вождя витбоев 29 октября 1905 г. Нама напали на немецкий транспортный обоз, Хендрик Витбой получил рану, в результате которой вскоре умер. Его смерть оказала большое влияние на весь народ нама, деморализовав его. Преемником Хендрика Витбоя они избрали его сына Исаака Витбоя, не обладавшего ни авторитетом, ни кругозором своего отца. Вскоре, некоторые небольшие племена отделились от нового лидера. В феврале 1906 г. племя витбоев сдалось немцам, а их участь оказалась чуть лучше, чем у гереро, так как не стояла цель полностью выселить или, тем более, истребить народ. Население было подвергнуто насильственному расселению в отведенных местах, постоянной военной охране, а также работе

---

⁴³⁷ Schwabe K. Der Krieg in Deutsch-Südwestafrika, 1904-1906. S. 316.

⁴³⁸ Дрекслер X. Ук. соч. С. 168.

без жалованья. Партизанская война отдельных племен сохранялась вплоть до 1907 г., однако уже в меньших масштабах.

Обе войны унесли множество жизней и поставили на грань исчезновения два африканских народа. Численность народа нама, составляющая около 20 тыс. человек, также сократилось примерно вдвое в ходе войны⁴³⁹. Из 14 тыс. немецких солдат в Юго-Западной Африке около 1,5 тыс. умерли от болезней и военных действий⁴⁴⁰. Губернатор Лейтвайн позже отмечал помощь христианских миссий в подавлении восстаний: «Миссия в Юго-Западной Африке сыграла решающую роль в установлении немецкого господства огнем. Необоснованные подозрения относительно лояльности миссионеров во время восстания гереро давно опровергнуты. Сегодня любой знает, что протестантские и католические миссионеры работали вместе, чтобы усмирить повстанцев»⁴⁴¹. Такая оценка в очередной раз показывает миссии как один из инструментов укрепления германского колониального господства.

Используемые для подавления восстания методы, а также последствия, с которыми столкнулись народы гереро и нама, в самой Германии не поддерживались полностью. Социал-демократы в целом, часто критикующие весь проект колониальной империи, и, в частности, их лидер Август Бебель на заседании рейхстага подверг жесточайшей критике ведение войны колониальными войсками, а также указал на несколько преступлений, которые были совершены в Юго-Западной Африке⁴⁴².

Таким образом, войны с гереро и нама, происходившие с 1904 по 1907 гг. в Германской Юго-Западной Африке, занимают особое место в коллективном немецком сознании вплоть до настоящего времени. Этому есть ряд определенных причин: во-первых, немецкая Юго-Западная Африка

⁴³⁹ Drechsler H. Let us die fighting: the struggle of the Herero and Nama against German imperialism (1884-1915). P. 214.

⁴⁴⁰ Conrad S. Deutsche Kolonialgeschichte. S. 53.

⁴⁴¹ Moldaenke T. Op. cit. S. 10.

⁴⁴² Verhandlungen des Reichstages. 133 Sitzung. 4 Dezember 1906. S. 4145.

официально считалась единственной поселенческой колонией и, следовательно, общепризнанным немецким жизненным пространством. Вторых, ударом для империи стал факт гибели относительно большого числа немцев при подавлении этих восстаний, особенно в сравнении с другими антигерманскими выступлениями. И, наконец, приказ об истреблении гереро, изданный немецким генералом Лотаром фон Тротой, остается предметом критики в историографии. Народы гереро и нама пытались добиться правосудия за преступления против человечности и геноцид с 1946 г.⁴⁴³ В 2006 г. Апелляционный суд в Нью-Джерси поддержал отклонение иска гереро о «жестокое использование рабского труда и управлении собственным концентрационным лагерем»⁴⁴⁴. В обосновании своего решения судьи, признавая моральную сложность вопроса, отметили: «хотя мы склонны полагать, что поведение, утверждаемое апеллянтами, нарушало международные нормы в то время, когда оно имело место, одна лишь склонность не является основанием для иска...».⁴⁴⁵ Суд, по-видимому, опасался множества других подобных исков, которые данное решение может повлечь.

В Намибии в середине 2000-х гг. в заголовках местных СМИ начали появляться предположения о том, что в музеях и архивах Германии находятся черепа гереро и нама. В 2008 г. документальный фильм Маркуса Френцеля, немецкого тележурналиста, доказал нахождение человеческих останков намибийского происхождения в Германии. В результате переговоров между правительствами Германии и Намибии стороны достигли соглашения, по которому Германия вернёт останки гереро и нама. До возвращения черепов в 2011 г. кабинет министров Намибии уже обозначил Акр героев, расположенный в нескольких километрах к югу от Виндхука, как подходящее место захоронения черепов гереро и нама. В противовес этому предложению представители гереро посчитали, что «исторические вещественные

⁴⁴³ Haring S.L. German Reparations to the Herero Nation: An Assertion of Herero Nationhood in the Path of Namibian Development // *West Virginia Law Review*. 2002. Vol. 104. №2. P. 412.

⁴⁴⁴ Paulose R.M., Rogo R.G. Addressing Colonial Crimes Through Reparations: The Mau Mau, Herero and Nama // *State Crime Journal*. 2018. Vol. 7. № 2. P. 378.

⁴⁴⁵ *Ibid.* P. 378.

доказательства ни в коем случае не должны быть захоронены». Этот призыв был публично озвучен, когда за несколько месяцев до возвращения первой партии черепов комитет из десяти вождей Совета гереро решили, что черепа «станут частью собственности правительства Намибии, чтобы их можно было профессионально хранить и сохранять память об этой части истории Намибии для будущих поколений»⁴⁴⁶.

В меморандуме, адресованном кабинету министров Намибии, содержались следующие рекомендации: вместо того, чтобы захоронить такие важные материальные доказательства там, где их никто не увидит, черепа следует хранить в музеях и архивах для реставрации и передачи потомкам⁴⁴⁷. Большинство гереро желали вернуть черепа своих предков для захоронения их в Окахандже, где похоронены большинство лидеров восстания 1904-1905 гг. Ритуальная церемония проводится каждый год в «День гереро» в Окахандже, во время которой гереро собираются, чтобы почтить память павших во время восстания.

В 2021 г. Германия официально признала уничтожение гереро и нама актом геноцида, что стало результатом многолетних требований потомков жертв и активистов. С другой стороны, переговоры о репарациях остаются незавершенными, и даже признание геноцида часто сводится лишь к символическим жестам. Меморализация событий восстаний остается полем борьбы и сегодня. Памятники таким колониальным деятелям как Лотар фон Трота подвергаются критике и демонтажу, тогда как мемориалы жертвам, например в Виндхукке, принимают новое значение. Современные требования потомков включают не только материальные компенсации, но и возвращение культурных артефактов, захваченных и вывезенных в колониальный период. Постколониальные исследования подчеркивают важность переосмысления истории через призму угнетенных и бросают вызов евроцентричным интерпретациям прошлого.

---

⁴⁴⁶ Weidlich B. Herero and Nama skulls to be preserved, not buried // The Namibian. 2010. P. 1. URL: <https://www.namibian.com.na/herero-and-nama-skulls-to-be-preserved-not-buried/>

⁴⁴⁷ Statement by Hon. Dr. Kuaima Riruako Paramount Chief of the Ovaherero. 30 September 2011.

3.3. ДВИЖЕНИЕ МАДЖИ-МАДЖИ: АНТИКОЛОНИАЛЬНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ В ГЕРМАНСКОЙ ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

Ситуация в германской Восточной Африке не особо отличалась от Юго-Западной Африки: население здесь было недовольно не только сложными условиями принудительного труда, но и введением новых налогов, включая подушный налог и налог на хижину. У населения не было средств для того, чтобы платить все введенные налоги, что означало принудительную отправку на отработки вдали от дома. Кроме того, происходило земельное ограбление, подавление или подчинение традиционных политических институтов, произвол и насилие со стороны немецкой колониальной администрации.

Конкретными причинами восстания были меры правительства по увеличению доходности колонии за счет налогов и принудительного выращивания хлопка, а также назначение деревенских старост, часто неместных арабов. В отличие от Юго-Западной Африки, восстание не было поддержано более широким политическим сообществом, а произошло в регионе, где бок о бок проживало множество различных народов. Тот факт, что война вообще нашла надрегиональную поддержку, был обусловлен религиозным движением, возникшим под руководством пророка Кинджиките в конце 1904 г. и вращавшимся вокруг культового поклонения «Маджи». Его суть, как заявлял бывший губернатор Германской Восточной Африки генерал фон Либерт, была предельно простой: «туземцы были убеждены, что великий маг обрел власть над белыми и что если белые теперь захотят начать стрелять в черных, то пули не покинут стволы их ружей, а вместо них полетит вода»⁴⁴⁸. Преодолевая языковые, социальные и культурные границы, движение «Маджи» смогло объединить преимущественно сельское население и даже нескольких полудиких народов, которые ранее не имели каких-либо связей с крупными восточноафриканскими народами.

---

⁴⁴⁸ General von Liebert über die Unruhen in Deutsch-Ostafrika // Freiburger Zeitung. 1905. 13 Oktober. 1. Blatt S. 1.

Начало самого крупного восстания в этом регионе, которое получило название «восстание Маджи-Маджи», пришлось именно на те районы, где происходила особенно безжалостная эксплуатация природных и людских ресурсов. В рейхстаге заявили, что причиной возмущения на этот раз стали беспощадный сбор налогов и применение принудительного труда среди населения⁴⁴⁹. Существовали и несогласные с утверждением, согласно которому практика налогообложения могла вызвать недовольство у населения. В колониальных газетах считали введённые рейхом налоги благом для туземцев, которое помогло сделать всю систему управления более эффективной, а жизнь африканца лучше⁴⁵⁰.

В совокупности восстание Маджи-Маджи являлось прямым ответом населения колонии на усилившийся налоговый гнет, введение системы принудительного труда, насильственное внедрение экспортных сельскохозяйственных культур, земельное ограбление, подавление и подчинение традиционных политических институтов, произвол и насилие германской колониальной администрации, полиции и местных органов власти, а также усиление идеологической экспансии христианских миссий.

Началом восстания принято считать начало уничтожения урожая хлопка народом матумби на немецких плантациях. Затем оно начало быстро распространяться вглубь страны, поскольку люди передавали друг другу идеологию маджи и новости о войне другим племенам и народам. Начавшись с локальных вооружённых выступлений, восстание впоследствии приобрело характер «национальной войны против иноземного господства», как его называл губернатор Восточной Африки Густав Адольф фон Гётцен.⁴⁵¹ Восстание стало полной неожиданностью для колониальных властей, так как считалось, что племена и общества в этом регионе были разобщены и не имели военного потенциала ввиду длительной предшествующей борьбы

---

⁴⁴⁹ Zimmermann A. Op. cit. S. 252.

⁴⁵⁰ Langheld F. Ist die Hüttensteuer als Grund des ostafrikanischen Aufstandes anzusehen? // Deutsche Kolonialzeitung. 1905. 25 November. S. 493.

⁴⁵¹ Götzen G. Op. cit. S. 63.

против германского правления. На это указывал влиятельный офицер и начальник военного округа в колонии Эрнст Нигманн, когда отмечал проведение в 1902-1905 гг. карательных операций в колонии, которые должны были предотвратить крупные выступления в будущем⁴⁵².

При этом, уже в начале восстания властями было заявлено о тщательном приготовлении восставших к боевым действиям, которые умело скрывались от немцев. Так, были версии, по которым многие представители африканской родоплеменной и религиозной верхушки, а также фанатично настроенные вожди и проповедники, осуществили тайный сговор с целью свержения германской администрации, изгнания всех иноземцев и восстановления своих утраченных прав и привилегий. Немцы, в качестве аргументации, писали в отчетах: «Развитие движения вне сомнения... контролировалось опытными стратегами. Многие подозревают, что движение было делом рук разжалованного аскари, другие полагают, что его руководителем является один араб... Он располагает точными сведениями о методах германской администрации, о наличии и размещении военных и полицейских сил в Килве и на других прибрежных станциях. Систематический способ, которым восстание планировалось и распространялось на далеко отстоящие друг от друга районы, показывает, насколько хорошо лидеры знали диспропорцию между реальными физическими ресурсами администрации и тем, что она привыкла требовать от туземцев. Начало восстания стало возможным главным образом благодаря тому факту, в котором больше нельзя сомневаться, что наиболее проникательные среди цветных народов разглядели и правильно оценили блеф правительства, державшего целые племена под контролем с помощью горстки людей»⁴⁵³. По мере изучения истории восстания было доказано отсутствие тщательной подготовки, так как немцы неправильно понимали изначальный характер восстания⁴⁵⁴.

---

⁴⁵² Nigmann E. Op. cit. S. 85-88.

⁴⁵³ Gwassa G.C.K. Op. cit. P. 13-16.

⁴⁵⁴ Пегушев А. Ук. соч. С. 124.

В начале восстания, ввиду полной неожиданности, немецкие колониальные войска не могли быстро реагировать на отдельные бунты, происходившие в разных частях страны. К сентябрю 1905 г. восстание охватывало значительные территории, доходя на севере до железной дороги между двумя крупными пунктами: Дар-эс-Салам и Килоса. На юго-западе восстание распространилось до озера Ньяса, на юге до португальской колонии Мозамбик, а на юго-востоке и востоке до океанского побережья на всем его протяжении. Восстание было одновременно крестьянской борьбой и религиозным движением, которое переросло в «племенной конфликт», когда достигло южных нагорий. Историками отмечается, что распространение конфликта с побережья следовало организационной схеме, которая коррелировала с его географическим расширением. В районе вспышки восстание было крестьянским движением. В период расширения оно приобрело религиозный контекст. Когда маджи наконец достигли южных нагорий, «племенной принцип» взял верх, и революционный характер движения пошел на убыль⁴⁵⁵.

Губернатор Гётцен описывал сложность ведения войны против восставших ввиду их тактики, по которой они поначалу появлялись большими группами от 1000 до 2000 человек, но со временем они распадались на множество мелких отрядов и этим вынуждали немецкие войска вести затяжную мелкомасштабную войну в горной местности, которая всегда сопровождалась незначительными успехами⁴⁵⁶. Тем не менее, даже имея многократное численное преимущество, восставшие не могли достигнуть крупных успехов и несли крупные потери. Одной из главных сложностей была неспособность брать укрепленные пункты даже с не самым большим количеством войск внутри.

Особые усилия германских властей были направлены на выявление и захват вдохновителей и руководителей восстания. Уже в самом начале

---

⁴⁵⁵ Iliffe J. The Organization of the Maji Maji Rebellion // The Journal of African History. 1967. Vol. 8. №. 3. P. 496.

⁴⁵⁶ Götzen G. Op. cit. S. 58.

восстания удалось схватить организатора движения Маджи - Кинджикитиле и его ближайшего помощника. Они были доставлены в окружной центр Мохоро, и 4 августа 1905 г. военно-полевой суд приговорил их обоих к смертной казни через повешение. Гибель руководителя движения Маджи не изменила хода событий. Кинджикитиле перед смертью успел произнести фразу, которая лишь подтвердила, что быстро разобраться с восстанием у властей не получится: «Моя смерть ничего не изменит, мое учение уже распространилось повсеместно»⁴⁵⁷. Успехи восставших на начальном этапе и правда побуждали присоединиться к ним новые племена и народы, которые до этого колебались.

Для подавления восстания колониальные власти прибегали к помощи вспомогательных войск из наемников, набранных в соседних странах. В ходе долгого и жестокого подавления восстания колониальными властями была использована тактика «выжженной земли», что повлекло голод во многих районах, продлившийся около трех лет. Еще по ходу восстания некоторые офицеры отмечали «успешность» тактики выжженной земли. Так, капитан Рихтер, начальник округа Сонгеа считал так: «Правильно, люди будут просто голодать. Мы должны позаботиться о продовольствии для себя. Если бы я мог, я бы даже запретил им что-либо выращивать. Это единственный способ, которым мы можем заставить их устать от войны»⁴⁵⁸.

Со временем восстание удалось подавить, но это было сделано ценой больших жертв. Даже если голод длился недолго, во многом ввиду пышности африканской природы, и даже если сгоревшие деревни быстро восстанавливались, сокращение населения означало ущерб, сказывающийся на экономической эффективности страны. В годовом отчете о развитии Восточной Африки даже говорилось: «То, что последовало за восстанием, было для туземцев хуже, чем открытые бои»⁴⁵⁹.

---

⁴⁵⁷ Iliffe J. A modern history of Tanganyika. P. 172.

⁴⁵⁸ Gwassa G.C.K. Op. cit. P. 27.

⁴⁵⁹ Götzen G. Op. cit. S. 233.

Последствия восстания и особенно методы его подавления имели масштабы геноцида. Использование пулеметов привело к бесчисленным жертвам с африканской стороны. Пленников переправляли на побережье и, если не казнили, то приговаривали к каторжным работам в цепях. Тактика выжженной земли вызвала массовые перемещения беженцев и разрушение натурального производства в зоне боевых действий. В последующие годы африканское население страдало от голода и эпидемий, о чем позже свидетельствовал чрезвычайно низкий уровень рождаемости. Число жертв на африканской стороне точно неизвестно: наиболее авторитетные эксперты оценивают их в количестве от 200 до 300 тыс. человек⁴⁶⁰. Как и в Юго-Западной Африке было реквизировано или уничтожено большое количество скота и продовольствия, а жителей насильно переселяли в другие районы.

Восстание Маджи-Маджи 1905-1907 гг. занимает важное место в истории современной Танзании и Африки в целом⁴⁶¹. Это событие сыграло значительную роль в прокладывании пути к возникновению африканских независимых государств посредством ранних антиколониальных инициатив с уникальной особенностью объединения более десяти этнических групп с идеологией маджи, вдохновленной социально-экономической и политической несправедливостью колониализма. Маджи-Маджи изображается как уникальный и исключительный ответ на колониальное угнетение. Беспрецедентное единство различных этнических групп, приписываемое идеологии Маджи, стало иконой антиколониального протеста в Африке. История Маджи-Маджи стала особенно важна в период после обретения Танзанией независимости. Ее наиболее мощным образом была сила единства, созданная верой в общую традицию. Современные политики до сих пор продолжают использовать антиколониальную и антиевропейскую

---

⁴⁶⁰ Koronen J. *Op. cit.* P. 597-599.

⁴⁶¹ De Juan A. *Op. cit.* P. 291-323. Otiso K.M. Construction of Postcolonial Tanzanian National Identity, in *Scaling Identities: Nationalism and Territoriality*, Gutram // Herb G.H. *Scaling Identities: Nationalism and Territoriality*. Lanham, 2017. P. 85-103

традицию Маджи-Маджи. Воспоминания людей из районов, где проходила война, и всей Танганьики являются коллективными воспоминаниями.

После обретения независимости Танзанией восприятие войны Маджи-Маджи существенно изменилось, во многом из-за усилий историков-националистов. Националистическая школа изображала восстание как одно из движений, сыгравших важную роль в последующих изменениях почти во всех сферах жизни Танзании и Африки в целом. Основываясь на результатах своих исследований, историки-националисты постулировали, что с момента обретения Танганьикой независимости аспект Маджи-Маджи существенно изменился, поскольку тогда ее понимали как эпическую эпоху в истории Танганьики и указывали как одну из основ борьбы за независимость⁴⁶². Отдельными исследователями утверждается приобретение Маджи-Маджи уникального положения в антиколониальной борьбе в Африке и, в частности, в Танзании, поскольку она имеет корни в борьбе за независимость, в которой была основана нация⁴⁶³. Поэтому практически очевидно то, что Маджи-Маджи будет продолжать использоваться как мощное оружие в борьбе с различными пороками, включая неоколониализм, распространяющийся на африканском континенте, и, в частности, в Танзании. Важную роль течение получит в качестве средства массовой мобилизации для борьбы с несправедливостью и противоправными действиями уже в независимой Танзании.

---

⁴⁶² Ranger, T.O. Connexions between “Primary Resistance” Movements and Modern Mass Nationalism in East and Central Africa Part: I. // *The Journal of African History*. 1968. Vol. 9, №4. P. 631-641

⁴⁶³ Rushora N. *Op. cit.*

3.4. РЕАКЦИЯ ВЛАСТЕЙ: ПОПЫТКИ ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ КОЛОНИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Произшедшие в Восточной и Юго-Западной Африке восстания получили в историографии названия «больших восстаний»⁴⁶⁴. Во многом они стали ответом коренного населения африканских колоний на проводимую германскими колониальными властями политику. Восстания обнажили фундаментальное противоречие колониализма: между заявленной «цивилизаторской миссией» и практикой тотальной эксплуатации. Кризис был не управленческим, а системным – следствием европоцентричного видения, отрицавшего право африканцев на автономию.

В правительстве Германии начал обсуждаться вопрос о новых способах дальнейшего управления колониями, чтобы избежать повторения подобных массовых восстаний. Восстания отчетливо указывали на явный кризис всей колониальной политики. Несмотря на заявления об уничтожении мятежных племен и их способности к сопротивлению⁴⁶⁵, было очевидно, что подавление крупных восстаний лишь временно уменьшает проблему, но не дает гарантий предотвращения подобных выступлений в будущем.

Губернатор Теодор Лейтвайн говорил: «В конце концов, лишенная всех идеальных и гуманных атрибутов, конечная цель любой колонизации – всего лишь бизнес. Раса колонизаторов не хочет принести аборигенам колонизируемой страны ожидаемое ими счастье, а прежде всего, ищет свою выгоду. Такое стремление соответствует только человеческому эгоизму и поэтому естественно»⁴⁶⁶. Это признание подчеркивало противоречие между декларируемой «цивилизаторской миссией» и реальной практикой, что и привело к кризису. Признание Лейтвайна об экономической подоплёке

---

⁴⁶⁴ Дрекслер Х. Ук. соч. С. 176.

⁴⁶⁵ Verhandlungen des Reichstages. 5 Sitzung. 2 Dezember 1905. S. 81.

⁴⁶⁶ Leutwein T. Op. cit. S. 541.

колонизации разоблачает миф о «бремени белого человека». Риторика «цивилизаторской миссии» служила легитимации насилия, маскируя экономическую эксплуатацию под культурное превосходство⁴⁶⁷.

Эти выводы дополняются еще более радикальным анализом Лейтвайна, предложившего в 1907 г. три возможных пути разрешения расовых и управленческих противоречий в колониях: «Теперь мы знаем, что колониальная политика, основанная только на договорах, кажется неосуществимой в колонии-поселении в долгосрочной перспективе. Либо нужно уравнивать обе расы, либо подчинить одну силой оружия. Существует еще третья возможность, а именно разделение двух рас путем содержания одной в резервациях, въезд в которые другой запрещен. И у этого, возможно, будет свое будущее»⁴⁶⁸.

Для улучшения ситуации и исключения риска повторения подобных бунтов было необходимо выяснить причины «больших восстаний»: была ли вина в действиях колониальной администрации, предпринимателей, миссионеров или военных. Каждая из этих групп явно пыталась снять с себя вину за произошедшее. В правительственных кругах считалось, что вина лежит на предпринимателях и торговцах, которые часто не замечали последствия своей деятельности из-за явной погони за прибылью. Торговцы же наоборот, видели основными причинами антиколониальных восстаний действия правительства, как, например, отсутствие должного внимания к изучению традиций и жизни коренного населения в каждом из регионов, а также действия по переделу земли и последствия от несправедливости этого передела. Часть ответственности также перекладывалась на христианских миссионеров. Упоминались даже англичане и их действия по дестабилизации ситуации в соседних с ними колониях. В Восточной Африке в восстании

---

⁴⁶⁷ Саид Э. Ук. соч. С. 630-631.

⁴⁶⁸ Leutwein T. Op. cit. S. 242.

обвинили местных шаманов, которые уверяли население в магии, способной помочь избавиться от немецких колонистов.

Разгорающийся колониальный кризис затронул внутреннюю политику Германии зимой 1906 г., когда канцлер Бернхард фон Бюлов распустил рейхстаг после его неспособности одобрить чрезвычайный военный бюджет для раздираемой восстанием Юго-Западной Африки. Мобилизуя имперский вопрос как средство укрепления национальной идентичности, Бюлов преуспел в свержении правящего центра и социал-демократического большинства, консолидировав временную поддержку консервативных и либеральных сил в Германии, но он также был вынужден признать всеобъемлющий характер колониального кризиса⁴⁶⁹. Тем самым, было показано, что необходимо провести масштабную реконструкцию немецкой колониальной политики после окончания боевых действий в Африке.

Изменения произошли и на самых высоких должностях. Новым статс-секретарем вместо принца Гогенлоэ-Лангебургского был назначен Бернхард Дернбург, занимавший до этого момента должность Директора Дармштадского банка для торговли и промышленности. Современники отмечали данное назначение как полную неожиданность для всех. Считалось, что император, не знавший Дернбурга, назначил его по предложению Бюлова⁴⁷⁰. Дернбург создал себе имя в рейхстаге во время предвыборной кампании как яростный противник Центра и социал-демократических партий, основных источников колониальной критики в период правления Вильгельма II. Его усилия принесли ему похвалу радикальных пангерманистов и более умеренных национал-либералов, заслужив титул

---

⁴⁶⁹ Naranch B.D. "Colonized Body," "Oriental Machine": Debating Race, Railroads, and the Politics of Reconstruction in Germany and East Africa, 1906-1910 // *Central European History*. 2000. Vol. 33. №. 3. P. 300.

⁴⁷⁰ АВПРИ. Ф. 167 Посольство в Берлине. Оп.509/1. №4655. Л. 25-26.

«человека с железной метлой»), способного расчистить колониальное управление и реабилитировать колониальный статус Германии⁴⁷¹.

Используя риторический язык в своих предвыборных лекциях для массовой мобилизации населения, Дернбург реализовал стратегию по формированию национального консенсуса по немецкому империализму. Он перенес вопрос по отношению населения к имперской политике во внутренние дебаты, что позволило ему переложить ответственность за кризис с колониальной администрации на те слои немецкого населения, которые оставались равнодушными к имперской экспансии или открыто сопротивлялись ей. Это также было сутью *Sammlungspolitik* Бюлова, политики, которая нападала на социал-демократическую и центристскую партии как на антиимперские враждебные элементы.

В Дернбурге видели намерение капитального переустройства колониального отдела и возвращение к политике Бисмарка, считавшего колониальные дела предприятием торговым, во главе которого должен стоять не чиновник, а купец⁴⁷². Такая риторика может быть логичной, учитывая, насколько сильно экономика империи пострадала от восстаний. Был необходим срочный переход к новой форме колониального управления, с новыми методами по стабилизации положения в колониях и восстановлению как самих колоний, так и власти Германии в них, учитывая изменившееся отношение со стороны коренного населения. Дернбург отмечал, что, когда он вступил в должность, началась новая эра в колониальной политике. Свою программу он характеризовал словами: «Колонизация означает использование земли, ее богатств и прежде всего людей на благо экономики

---

⁴⁷¹ Naranch B.D. "Colonized Body," "Oriental Machine": Debating Race, Railroads, and the Politics of Reconstruction in Germany and East Africa, 1906-1910 // *Central European History*. 2000. Vol. 33. №. 3. P. 301.

⁴⁷² АВПРИ. Ф. 167 Посольство в Берлине. Оп.509/1. №4655. Л. 26.

колонизирующей нации, и это в обмен на ее более высокую культуру, ее нравственные понятия, ее лучшие методы»⁴⁷³.

После вступления Дернабурга в должность были изучены финансы, которые были к этому моменту потрачены на колонии. Результаты показывали: в колонии империи уже было инвестировано порядка 370 миллионов марок, при этом 65 миллионов пришли из частных капиталов. Уже в ближайшем будущем Б. Дернабург рассчитывал, что общая сумма капиталовложений в колонии вырастет до 1 млрд. марок⁴⁷⁴.

Весной 1907 г. Дернабург подтвердил свою решимость лично отправиться в недавно умиротворенные районы Восточной и Юго-Западной Африки. Это стало первым официальным государственным визитом высокопоставленного колониального чиновника за более чем пятнадцать лет. Таким способом он хотел лично ознакомиться с положением дел в регионах, пострадавших от восстаний. Его решение было встречено с большим энтузиазмом немецкой печатью и широкими кругами новоиспеченных колониальных активистов⁴⁷⁵. При знакомстве с системой колониального управления на местах он, общаясь с колониальной администрацией, требовал, чтобы ему предоставлялась самая объективная и правдивая информация о положении дел в колониях без акцента исключительно на отдельных колониальных достижениях. Позже отмечалось, что лучшим доказательством проницательности статс-секретаря является способность выделять те области, которые имеют наибольшее значение для будущего развития колоний, как, например, районы Великих озер в Германской Восточной Африке⁴⁷⁶.

Поездки Дернабурга должны были точнее показать текущее положение дел в колониях и выявить проблемы, которые правительство должно будет

---

⁴⁷³ Dernburg B. Op. cit. S. 5.

⁴⁷⁴ Böttger H. Die neue Aera der deutschen Kolonialpolitik. S. 71.

⁴⁷⁵ Die Reise des Staatssekretärs Dernburg Deutsche Kolonialzeitung. 1907. 20 Juli. S. 285-286.

⁴⁷⁶ Müller-Fulda R. Dernburgs Programm. Ein Wendepunkt in Schicksal Deutsch-Ostafrikas Kolonie oder Negerland unter Deutschen Flagge von Africanus minor. S. 16.

решать в кратчайшие сроки. 18 февраля 1908 г. Дернабург рассказал о впечатлениях от 30-дневной поездки по Германской Восточной Африке перед Бюджетной комиссией рейхстага. В своей речи он высказался о проблемах, существующих в колонии. Одной из них стало отсутствие полной власти Германии во всех частях охраняемой территории: «Вы знаете, что у нас практически нет власти над наиболее густонаселенными и, вероятно, наиболее богатыми скотом частями Восточно-Африканского протектората, например, над всей Руандой и Урунди. Говорят, что в этих провинциях проживает около пяти миллионов человек, и они очень богаты. [...] На Западе местные султаны продолжают править несмотря на немецкое господство; [...] что должно произойти со странами Восточной Африки, которые все еще находятся под властью этих местных султанов, принцев или глав деревень? Изменить это будет сложно, поскольку это потребует значительных затрат»⁴⁷⁷.

Программа реформ, которую Дернабург впервые сформулировал во время своего визита в Африку, подтвердила первостепенное значение западных технологий и знаний в содействии колониальному развитию. Одновременно она фактически отвергала как немецкое переселение, так и плантационное хозяйство как экономически жизнеспособные и политически желательные модели колониального развития. Дернабург продвигал новую модель колониального развития, которая была, по сути, коммерческой концепцией колониализма, основанной на стимулировании местных форм производства, ограниченном расширении инфраструктуры для соединения внутренних районов с побережьем и обучении элитного корпуса немецких колониальных чиновников для поддержания порядка и надзора за развитием колонии. Для Восточной Африки, например, именно применение западных знаний и технологий с целью получения прибыли, а не радикальное преобразование колонии в «немецкую Индию», доминировало в

---

⁴⁷⁷ Fragen der Eingeborenenpolitik in Deutsch-Ostafrika // Ritter G.A. Op. cit. S. 349.

колониальном видении Дернабурга⁴⁷⁸. Программа реформ также опиралась на образ африканского фермера, как «экономического человека», способного рационально реагировать на рыночные стимулы путем повышения производительности, хотя и под бдительным надзором обученных колониальных специалистов.

Вместо того, чтобы рассматривать колониальные реформы Дернабурга как либеральную или просвещенную попытку исправить систему насилия и эксплуатации, некоторые историки критикуют его политику. Юхани Копонен утверждал, что Дернабург бросил вызов одной форме колониального господства в Африке, заменив ее другой. Его новое видение опиралось на научные, технократические, гуманитарные и антропологические дискурсы, чтобы оправдать эксплуатацию местных экономических ресурсов в интересах долгосрочного, стабильного развития на благо немецких национальных и имперских целей. С Копоненом можно, отчасти, согласиться, особенно учитывая тот факт, что незадолго до начала Первой мировой войны только в германской Восточной Африке рабами являлись несколько сотен тысяч человек, или порядка 10% всего коренного населения колонии⁴⁷⁹.

Произошедший сдвиг в колониальной политике от насильственных форм добычи сырья и эксплуатации коренных жителей к более умеренному курсу инфраструктурных улучшений, технологического прогресса и поощрения местных форм производства является частью того, что Ю. Копонен назвал «императивом развития»⁴⁸⁰. Хотя такой сдвиг в политике привел к некоторым улучшениям в колониальной Восточной Африке, он утверждает, что целью немецких инициатив развития в конечном итоге была лишь более сложная и эффективная форма эксплуатации.

---

⁴⁷⁸ Naranch B.D. "Colonized Body," "Oriental Machine": Debating Race, Railroads, and the Politics of Reconstruction in Germany and East Africa, 1906-1910. P. 301.

⁴⁷⁹ Sunseri T. Slave Ransoming in German East Africa, 1885-1922 // The International Journal of African Historical Studies. 1993. Vol. 26. №3. P. 490.

⁴⁸⁰ Koronen J. Op. cit. P. 167-223.

Политика Дернабурга и нового губернатора в Восточной Африке Альбрехта фон Рехенберга основывалась на идее, что колонии должны развиваться через свободу рыночных сил, а не через принудительные меры⁴⁸¹. Они считали, что африканские фермеры, обладая глубокими знаниями местных условий, являются наиболее эффективными производителями, и выступали за развитие местной экономики как основу процветания колонии. Дернабург подчеркивал, что цель Германии – не создание плантаций для нескольких сотен колонистов, а развитие обширной территории для получения сырья и рынков сбыта немецких товаров. Рехенберг, в свою очередь, отстаивал принцип взаимной выгоды для колонизаторов и местного населения, утверждая, что государство должно создавать условия для экономической деятельности, но не вмешиваться напрямую. Однако их политика столкнулась с сопротивлением колонистов, которые требовали большей государственной поддержки и ограничений для африканцев и индийских торговцев⁴⁸².

Одним из важнейших направлений деятельности метрополии в колониях стало строительство железных дорог. К этому моменту оно было недостаточным для эффективного экспорта колониального сырья, а также для подавления антиколониальных выступлений. Была очевидна потребность Германии в огромных запасах продовольствия и сырья из колоний для ее растущей промышленности. Плодородных земель и природных ресурсов было так же недостаточно для постоянно растущего населения. Поэтому, подчеркивая важность экспорта сырья из колоний в Германию, Дернабург заявлял, что немецкий импорт в 1905 г. на сумму более миллиарда марок составил продукцию, которую Германия могла бы производить в своих колониях, т. е. хлопок, медь, каучук, нефть, рис, кофе, масличные культуры и т. д.⁴⁸³ Постепенно правительство начало финансирование данных отраслей,

---

⁴⁸¹ Ibid. P. 260.

⁴⁸² Ibid. P. 273-276.

⁴⁸³ Dernburg B. Op. cit. S. 31.

и это постепенно привело к расширению транспортной сети во многих колониях, особенно в Африке. Протяженность всех железных дорог в колониях была более чем вдвое увеличена за период с 1906 по 1910 гг. и железнодорожному строительству был дан импульс, который прекратился только с началом Первой мировой войны.

Германская Юго-Западная Африка продолжала рассматриваться как ключевая колония всей колониальной империи. После 1906 г. одной из задач администрации охраняемых территорий стало усиление действий по превращению данной колонии в объект притяжения немецкой эмиграции. Это, как и раньше, диктовалось, прежде всего, природными условиями страны. Вполне объективно считалось, что какими бы благоприятными они ни были в большинстве частей страны с точки зрения климата, условий для животноводства, а во многих случаях и для горнодобывающей промышленности, в них все же отсутствуют некоторые существенные предпосылки и требования, необходимые для расселения европейцев в более широком масштабе. Эти требования включали наличие воды на поверхности земли и хорошие транспортные пути. Если они присутствуют, автоматически возникают дальнейшие административные меры по обеспечению и содействию заселению: соответствующее измерение и выделение земли поселенцам на благоприятных условиях. При этих основных взглядах на задачи заселения, которые разделяет и население охраняемой территории, с самого начала опровергалось мнение, что заселением этой страны должно было руководить государство⁴⁸⁴.

Для предотвращения угрозы новых выступлений, которая существовала даже после подавления всех восстаний, рассматривались два метода: военный и политический. Образцовость колонии Того выступала как подтверждение возможности изменения всей политики с целью ее либерализации. В некоторых колониях применялись суровые постановления о снижении прав и

---

⁴⁸⁴ Ibid. S. 75-76.

свобод народов, участвовавших в восстаниях 1904 – 1907 гг. В Юго-Западной Африке «туземная проблема» была решена с помощью тотальной и насильственной экспроприации земельной собственности у населения. Необходимо отметить, что такая экспроприация проходила и в других колониях. Так, земли, которые по каким-либо причинам не находились в чье-либо собственности и, следовательно, не использовались, объявлялись собственностью государства.

Помимо земельных экспроприаций вводились и другие меры. Смена местожительства и выезд в другой округ даже на короткий период времени был возможен только с разрешения чиновника. Безусловно, это могло усложнить получение рабочего места, усиливало статус африканцев как дешевой рабочей силы и усиливало их правовую незащищенность. Кроме того, земельная собственность гереро и нама после восстания была конфискована, а родоплеменная организация племен полностью разрушена. Местному населению полностью запрещалось содержание скота⁴⁸⁵. В Германской Восточной Африке происходила не только экспроприация земель и скота, но также был введен специальный налог, позволяющий «взимать кроме обычно выплачиваемого налога на дом или хижину в качестве знака покорности штраф в три рупии. В случае невозможности это выполнить покорившимся должна быть предоставлена возможность... заработать сумму денежного штрафа»⁴⁸⁶.

Дернбург неоднократно выступал в рейхстаге, указывая на изменения, которые необходимо проводить как в колониях, так и в системе колониального управления в самой Германии. Так, по его мнению, целью является создание немецкого правительства, которое должно заслужить доверие всех классов и профессий, представленных в колониях, которое способно справиться с основными задачами преимущественно

---

⁴⁸⁵ Дрекслер Х. Ук. соч. С. 200-202.

⁴⁸⁶ Пегушев А. Ук. соч. С. 191.

экономического характера и которое также гарантирует, что их требования будут неизбежно выполнены и что штрафные санкции будут реализованы. Отсюда следует, что это должно быть правительство справедливости и доброжелательности по отношению к белым и цветным людям, поддерживаемое людьми, имеющими необходимую экономическую подготовку⁴⁸⁷. Несмотря на его неприятие социальных дарвинистских оправданий сильного немецкого присутствия в колонии, собственный язык Дербурга не был свободен от следов примитивистской или эволюционной логики, которые лежали в основе его представления о африканской цивилизации как о «тысячелетиях» отстающей от Западной и Центральной Европы и, таким образом, устойчивой к быстрой модернизации⁴⁸⁸.

Для выполнения этих требований необходимо, чтобы вновь командируемым государственным служащим и офицерам, а также тем, кто возвращался из длительного отпуска на родине, была предоставлена возможность пополнить свою экономическую подготовку теоретически и практически в максимально возможной степени. Правительство должно было принять соответствующие меры для обеспечения большей стабильности среди административных чиновников и более длительного срока полномочий, зависящего от их знания страны и ее народа. Это требовало создания в местных администрациях промежуточного звена для вновь прибывших чиновников, которые могли бы делать свои первые шаги на поприще африканского управления под руководством опытных людей⁴⁸⁹.

Дербург стремился пробудить интеллектуальный энтузиазм и интерес к колониальным делам, особенно среди деловых кругов. В результате членство в Колониальном обществе увеличилось, инвестиции в колониальные предприятия стали всеобщими, и в 1908 г. в Гамбурге был свой

---

⁴⁸⁷ Verhandlungen des Reichstages. 124 Sitzung. 17 März 1908. S. 4028.

⁴⁸⁸ Dernburg B. Op. cit. S. 7.

⁴⁸⁹ Ibid. S. 7.

собственный Колониальный институт. Это учреждение наиболее успешно функционировало в период с 1908 по 1912 гг. и стало центром информации по всем вопросам, касающимся колоний. Оно направляло свои усилия на исследования, а также на распространение информации посредством учебных курсов, лекций и публикаций. В 1912 г. в штате общества насчитывалось уже двадцать два профессора и восемьдесят четыре ассистента⁴⁹⁰.

Несмотря на все старания Дернбурга, у него находилось множество оппонентов, которые оказались чрезвычайно эффективными в подрыве его авторитета как человека, правильно понимающего положение вещей в колониях. Уже в 1907 г. в ходе выборов места в парламент получили те, кто обладал существенным колониальным опытом – Эдуард фон Либерта, Герман Пааше, Отто Арендта и Вильгельм Арнинг, которые могли оспорить опыт, на которые опирался Дернбург, с помощью собственной информации⁴⁹¹.

До 1910 г. критика в адрес Бернахарда Дернбурга лишь усиливалась. Центральным объектом полемики стало его сравнение немецких поселенцев с африканскими фермерами и индийскими торговцами на основе общих экономических показателей, что резко контрастировало с господствующей среди его критиков доктриной расового превосходства европейцев⁴⁹². Эти различия были достаточно существенными, чтобы Дернбург, который поднялся на колониальную сцену как национальный герой в 1907 г., ушел через три года критикуемым со всех сторон и называемым «антигерманским» и «дружественным неграм». Рехенберг, потеряв своего главного союзника, оставался под шквалом критики до 1912 г., когда был вынужден выйти в отставку, оставив часть реформ незавершенными. Колониальная администрация продолжала балансировать между внедрением новых экономических подходов и традиционными методами жёсткого подавления и

---

⁴⁹⁰ Townsend M. E. Op. cit. P. 248.

⁴⁹¹ Piiffe J. Tanganyika under German Rule 1902-1912. P. 47.

⁴⁹² Naranch B.D. "Colonized Body," "Oriental Machine": Debating Race, Railroads, and the Politics of Reconstruction in Germany and East Africa, 1906-1910. P. 334.

контроля. Система по-прежнему страдала от внутренних противоречий, недостатка компетентных кадров и фундаментального конфликта между декларируемыми «цивилизаторскими» целями и реальной практикой эксплуатации. Таким образом, к началу Первой мировой войны Германская империя подошла с грузом системных проблем в колониях, которые, в конечном счёте, так и не были решены.

***

Подведем итоги. Первые годы германской колонизации сопровождались конфликтами с коренным населением, что было вызвано несоответствиями между «цивилизаторской миссией», обещаниями защиты и реальной политикой империи в колониях. Отсутствие четкой стратегии, игнорирование культурных особенностей местного населения и попытки разрушить сложившиеся устои привели к сопротивлению со стороны народов гереро и нама, а также арабских общин Восточной Африки. Восстания показали слабость германской администрации, которая была вынуждена опираться на военную силу и помощь метрополии, а также сделали насилие одним из основных инструментов контроля.

Восстания гереро и нама (1904-1907 гг.) стали кульминацией конфликта между немцами и коренными народами в Юго-Западной Африке. Жестокая эксплуатация, земельные экспроприации и расовая дегуманизация спровоцировали первые крупные восстания, на которые Германия ответила самым жестким образом. Тактика «выжженной земли», концентрационные лагеря и приказ стрелять во всех гереро привели к десяткам тысяч жертв. Эти события остаются символом колониального насилия, а их последствия, включая современные требования репараций, остаются актуальными и сегодня.

Восстание Маджи-Маджи стало ответом на усиление налогового гнета, принудительный труд населения и разрушение традиционных укладов. Маджи

стало тем религиозным движением, которое объединило десятки этнических групп и превратилось в масштабную антиколониальную борьбу. Колониальные власти ответили массовыми репрессиями, повлекшими десятки тысяч смертей. Несмотря на поражение, восстание стало важным этапом формирования антиколониального сознания в Африке в целом и в Танзании в частности, где наследие Маджи используется как символ единства и сопротивления.

После тяжелого и жестокого подавления восстаний Германия была вынуждена пересмотреть методы управления в колониях. Реформы Бернхарда Дёрнбурга, включавшие развитие инфраструктуры и стимулирование местной экономики, были направлены на снижение социальной напряженности. Однако эти меры оставались инструментом эксплуатации, маскируя экономические интересы метрополии под другими риториками. Продолжение политики контроля за населением, земельные экспроприации и ограничение прав подтвердили, что колониальная система сохранила старые подходы. Кризис в системе колониального управления так и не был преодолен. Несмотря на попытки реформ, инициированные Дёрнбургом и его сторонниками, сопротивление со стороны консервативных кругов, колонистов и части политической элиты метрополии привело к тому, что многие преобразования остались незавершёнными или были реализованы лишь частично.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Колониальная политика Германской империи на рубеже XIX-XX в. способствовало становлению Германии как одной из ведущих мировых держав, сыграв важнейшую роль в формировании национального немецкого самосознания и значительном укреплении военной мощи страны. Колониальная риторика глубоко проникла в германское общество через многочисленные колониальные общества, печатные издания и выставки. Правительство Германии взаимодействовало с различными общественно-политическими организациями, такими как Германское колониальное общество и Пангерманский союз. Колониальный энтузиазм, активно подогреваемый Пангерманским союзом и националистическими кругами, создавал картину общенациональной поддержки заморской экспансии. Колонии стали символом национального престижа, элементом консолидации нации вокруг кайзера и идеи «Мировой политики». Однако реальная вовлеченность населения (в виде массовой эмиграции или инвестиций) оставалась крайне низкой, обнажая пропасть между идеей и практикой.

Необходимо отметить, что колониальная политика Германской империи на рубеже XIX-XX в. отличалась своими принципами от действий других колониальных держав. Утверждение Германской империи в колониях достигалось с помощью подписания неравных «договоров о защите» с вождями африканских и океанских племен, которые в большинстве случаев ничего не получали, а лишь способствовали укреплению германских позиций в колониях.

Изначально ставка делалась на частные концессионные компании, которые заключали соглашения с местными вождями. Это позволило минимизировать прямое военное вмешательство со стороны государства. Однако данная стратегия, сформулированная и продвигаемая канцлером Отто фон Бисмарком, уже на начальном этапе показала свою несостоятельность. Причинами стали: отсутствие государственного контроля, недостаточное

финансирование и неопытность управляющих компаний, что вскоре привело к необходимости прямого вмешательства метрополии. Кроме того, зависимость колониальной политики от позиции действующего канцлера и императора провоцировала ее непостоянство.

Наглядным примером неудачи модели Бисмарка была деятельность Германского Восточноафриканского общества под руководством Карла Петерса. Основанные на насилии, обмане вождей и грабительских договорах методы спровоцировали восстания, что вынудило правительство выкупить активы компании и взять управление колонией на себя уже в 1891 г. Аналогичные проблемы, хотя и в меньших масштабах, можно увидеть и у других частных компаний, которые оказались совершенно не готовы к решению сложных задач по управлению обширными территориями с разнородным населением, организации инфраструктуры и подавлению вооруженного сопротивления, подтверждая системный кризис концессионного управления.

В дальнейшем, для успешного функционирования колоний в них формировалась централизованная власть во главе с губернатором: он контролировал как административный аппарат, так и охранные войска. Управление колониями в Африке, Океании и Китае строилось на жесткой эксплуатации местного населения и военно-административном принуждении. Внедрение плантационных хозяйств, налоговой и судебной систем и культурной ассимиляции через миссионеров приводило к разрушению устоев и традиций, провоцируя сопротивление со стороны коренных жителей. Несмотря на попытки создания «образцовой» колонии Цзяо-Чжоу, германский колониализм столкнулся с непреодолимыми проблемами: низкой экономической эффективностью, демографическим дисбалансом и растущим неприятием со стороны завоеванных народов.

Важнейшим инструментом колониальной политики являлись христианские миссии. Они не только выполняли религиозные и образовательные функции, но и активно способствовали разрушению

традиционных укладов, внедрению европейских традиций и норм. Ключевым результатом их деятельности, как показано в работе, стало формирование прослойки лояльной колониальной администрации местной элиты, прошедшей через миссионерские школы и усвоившей основы западной культуры, что облегчало управление охраняемыми территориями.

Марокканский кризис увеличил градус напряженности в отношениях между Германской империей и странами Антанты, особенно Францией. Вероятность начала войны, которая представлялась бы войной за колонии, была высока уже в 1911 г. Германская империя являлась именно той колониальной державой, которая была больше всех заинтересована в начале войны. Передел колоний других европейских держав в случае быстрой победы мог бы решить задачи по обретению «места под солнцем» для империи и превращению ее в ведущую мировую державу.

В 1907-1910 гг. Б. Дербургом были проведены реформы, направленные на переход к технократической модели управления. Осуществленные реформы, будучи общеимперскими по замыслу, на практике наиболее комплексно были реализованы в Германской Восточной Африке. Именно здесь, на фоне подавленного масштабного восстания Маджи-Маджи, особенно остро стояла задача не столько отказа от эксплуатации, сколько создания стабильной системы управления. В этом регионе реформы выразились в активном развитии инфраструктуры, внедрении новых агрокультур и попытках наладить сотрудничество с местными элитами. В то же время, в других колониях, таких как Юго-Западная Африка, опустошенной после восстаний гереро и нама, реформы носили более ограниченный характер и были в первую очередь направлены на обеспечение безопасности в регионе. Таким образом, региональный контекст определял масштаб и приоритеты реформ Дербурга. Хотя эти реформы принесли определенное развитие инфраструктуры, стимулировали местное производство и улучшили подготовку чиновников, но не изменили колониального статуса зависимых территорий. Исследование доказывает, ключевым итогом реформ стала не

ликвидация, а лишь маскировка расового неравенства, позволившая создать более эффективную и рациональную систему эксплуатации человеческих и природных ресурсов колоний. Колониальная политика Германской империи представляла собой эволюцию от изначально провальной модели управления частными концессиями к системе прямого военно-административного управления, характеризующейся жестокостью и расовой дискриминацией.

Колониальное наследие оставило глубокий след в истории стран Африки и Океании. Подавление восстаний гереро, нама и Маджи-Маджи выявило крайнюю жестокость и расовую дегуманизацию, присущие германскому колониальному режиму. Доказано, что использовавшиеся методы (тактика «выжженной земли», создание концлагерей, массовые убийства и изгнание) носили характер первого геноцида XX в. Неполное признание этих преступлений современной Германией является прямым отражением незавершенности процесса исторического примирения и продолжает оказывать влияние на современные политические и репарационные дискурсы.

Колониальный опыт стал важным, но противоречивым и трагическим фактором становления Германской империи как мировой державы, оставившим глубокий след как в ее истории, так и в истории народов бывших колоний, последующее развитие которых было направлено на постепенное преодоление последствий колонизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1.1. Архивные документы

1. АВПРИ (Архив Внешней Политики Российской империи). Ф. 167
Посольство в Берлине. Оп. 509/1.

1.2. Источники официального происхождения

2. Bericht Bismarcks an den Kaiser vom 9. November 1888 über die Lage in und um Ostafrika // Sorge R. Der neue deutsche Imperialismus. Berlin: Dietz, 1988. S. 144-145.
3. Botschafter in London an den Reichskanzler. Günstige Aufnahme des deutschen Vorschlages (Nr. 8443) in London. Die Annexion der Südküste von Neu-Guinea durch England steht unmittelbar bevor // Das Staatsarchiv. Vol. 44. №. 8445. S. 199-200.
4. Bulow B. Reden nebst urkundlichen Beiträgen zu seiner Politik / gesammelt und herausgegeben von Johannes Penzer. Berlin: Verlag von Georg Reimer, 1907. – 523 S.
5. Der Botschafter in London Graf Münster an den Reichskanzler Fürsten von Bismarck; Der Reichskanzler Fürst von Bismarck an den Botschafter in London Grafen Münster // Die grosse Politik der europäischen Kabinette: Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes. Band 4. Nr. 738-743. S. 50-62.
6. Deutsch-Britischer Notenwechsel vom 29.10./01.11.1886 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 204-206.
7. Deutsch-französisches Abkommen über Marokko vom 4. November 1911 URL: <https://deutsche-schutzgebiete.de/wordpress/projekte/marokkokrisen/marokkoabkommen-1911/> (Дата обращения: 11.05.2024)

8. Deutsch-Spanischer Vertrag vom 30.06.1899 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 224.
9. Dernburg B. Zielpunkte des Deutschen Kolonialwesens. Berlin: Mittler und Sohn, 1907. – 88 S.
10. Der Sklavenhandel in Afrika // Freiburger Zeitung. 1889. 1 Januar. 1. Blatt S. 1.
11. Die deutsche Kolonialgesellschaft 1882-1907 / Im Auftrage des Ausschusses der Deutschen Kolonialgesellschaft dargestellt. Berlin: Dietrich Reimer, 1908. – 228 S.
12. Die politischen Reden des Fürsten Bismarck: historisch-kritische Gesamtausgabe / besorgt von Horst Kohl. Stuttgart: Cotta, 1892. – 430 S.
13. Die Reden des Grafen von Caprivi im Deutschen Reichstage, Preussischen Landtage und bei besonderen Anlässen / herausgegeben von Rudolf Arndt. Berlin: Ernst Hofmann & Co., 1894. – 424 S.
14. Die Verhandlungen des Deutschen Kolonialkongresses 1902 zu Berlin am 10. und 11. Oktober 1902 / herausgegeben von Redaktionausschluss. Berlin: Verlag von Dietrich Reimer, 1903. – 856 S. URL: <https://brema.suub.uni-bremen.de/dsdk/periodical/titleinfo/1961313>
15. Die Verhandlungen des Deutschen Kolonialkongresses 1905 zu Berlin am 5., 6. und 7. Oktober 1905/ herausgegeben von Redaktionausschluss. Berlin: Verlag von Dietrich Reimer, 1906. - 1055 S. URL: <https://brema.suub.uni-bremen.de/dsdk/periodical/titleinfo/1961313>
16. Die Verhandlungen des Deutschen Kolonialkongresses 1910 zu Berlin am 6., 7. und 8. Oktober 1910 / herausgegeben von Redaktionausschluss. Berlin: Verlag von Dietrich Reimer, 1910. – 1195 S. URL: <https://brema.suub.uni-bremen.de/dsdk/periodical/titleinfo/1961313>
17. Ersuchen Carl Peters' an die Regierung um Unterstützung // Sorge R. Der neue deutsche Imperialismus. Berlin: Dietz, 1988. S. 132.

18. Espagne et France. Accord secret relatif au Maroc, signe a Paris le 3 octobre 1904 URL: <https://mjp.univ-perp.fr/constit/ma1904.htm> (Дата обращения: 19.02.2023)
19. Geheime Konvention zur deutsch-britischen Konvention vom 30.08.1898 // Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871-1914, im Auftrage des Auswärtigen Amtes. Band 14. Erste Hälfte. S. 351-352.
20. General-Akte der Berliner Konferenz. Vom 26. Februar 1885. URL: <https://archiv.diplo.de/resource/blob/2683840/6c62559bb16d16cefa26c3ec26bfdab4/uebersetzung-generalakte-data.pdf> (Дата обращения: 07.02.2025)
21. General von Liebert über die Unruhen in Deutsch-Ostafrika // Freiburger Zeitung. 1905. 13 Oktober. 1. Blatt S. 1.
22. Gouverneursadresse vom 14.08.1900 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 332.
23. Großer Generalstab. Die Kämpfe der deutschen Truppen in Südwestafrika. 2 Bände. Berlin: Mittler&Sohn, 1906. – 630 S.
24. Helgoland-Sansibar-Vertrag. URL: <https://deutsche-schutzgebiete.de/wordpress/helgoland-sansibar-vertrag/>, (Дата обращения 11.05.2022).
25. Instruktion des Reichkanzlers für Reichskonsul Lippert vom 24.04.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 146.
26. Kaiserlicher Erlass vom 03.10.1912 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 379.
27. Kaiser Wilhelm II an das Auswärtige Amt // Die grosse politik der europäischen kabinette: Sammlung der diplomatischen akten des Auswärtigen Amtes. Im Auftrage des Auswärtigen amtes. Band. 14. Erste Hälfte. S. 67.
28. Kolonialpolitischer Führer // Kolonialpolitischen Aktionskomite. Berlin: Wedekind, 1907. – 48 S.
29. Reichskanzler-Denkschrift // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 329.

30. Reichskolonialamt. Die Behandlung der einheimischen Bevölkerung in den kolonialen Besitzungen Deutschlands und Englands: eine Erwiderung auf das englische Blaubuch vom August 1918: Report on the natives of South-West-Africa and their treatment by Germany / Reichskolonialamt. Berlin: Komissionverlag von Hans Rober Engelmann, 1919. – 201 S.
31. Schutzbrief für die Gesellschaft für deutsche Kolonisation vom 27.02.1885 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 113-114.
32. Schutzbrief für die Neu-Guinea-Kompagnie vom 17.05.1885 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 115-116.
33. Schutzgebietgesetz von 1886 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 25.
34. Schutzgebietgesetz von 1888 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 28-30.
35. Schutzvertrag mit Bethanien / SWA vom 28.10.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 248-250.
36. Schutzvertrag mit König Debundje / Kamerun vom 10.01.1885 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 255.
37. Schutzvertrag mit König Ekume / Kamerun vom 10.01.1885 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 254.
38. Schutzvertrag mit König Kumbo von Uanda / Kamerun vom 10.01.1885 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 253.
39. Schutzvertrag mit König Madiba/ Kamerun vom 10.01.1885 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 256.

40. Schutzvertrag mit König Njeka / Kamerun vom 07.01.1885 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 252.
41. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich / Hrsg. Vom kaiserlichen statistischen Amt. 1900. Berlin: Verlag von Puttkamer & Mühlbrecht, 1900. - 258 S.
42. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich / Hrsg. Vom kaiserlichen statistischen Amt. 1914. Berlin: Verlag von Puttkamer & Mühlbrecht, 1914. – 648 S.
43. Statut der Deutschen Kolonialgesellschaft für Südwestafrika vom 05.04.1885 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 123.
44. The Franco-British Declaration URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/entecord.asp (Дата обращения: 11.07.2024)
45. Verhandlungen des Deutschen Reichstages. 1871-1918. URL: <https://www.reichstagsprotokolle.de/> (Дата обращения: 01.03.2024)
46. Vertrag mit dem Sultan von Kimola vom 27.11.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 352.
47. Vertrag mit dem Sultan von Mangungo vom 29.11.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 353.
48. Vertrag mit dem Sultan von Nguru vom 24.11.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 350.
49. Vertrag mit dem Sultan von Sebegul vom 29.11.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 354.

50. Vertrag mit den Herero vom Omaruru / SWA vom 03.11.1885 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 271.
51. Vertrag mit den Rehobother Bastards / SWA vom 13.10.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 247.
52. Vertrag mit der Jaluit- Gessellschaft vom 21.01.1888 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 132-134.
53. Vertrag mit King Mossasso / Kamerun vom 07.01.1885 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 251.
54. Vertrag mit König Bussungu / Kamerun vom 25.02.1885 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 258.
55. Vertrag mit König Leoa / Kamerun vom 16.01.1885 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 257.
56. Vertrag mit König Mlapa / Togo vom 05.07.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 243-244.
57. Vertrag mit Piet Haibib / SWA vom 19.08.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 347.
58. Vertrag mit Togo-Häuptlingen vom 05.11.1884 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts / herausgegeben von Dr. Norbert B. Wagner. Brühl/Wesseling, 2008. S. 349.
59. Verträge zwischen der deutschen und der englischen Regierung vom 30. August 1898 // Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871-1914, im Auftrage des Auswärtigen Amtes. Band 14. Erste Hälfte. S. 347-355.

1.3. Источники личного происхождения

60. Бисмарк О. Мысли и воспоминания: в 3 кн. Пер. с нем. под редакцией проф. А. С. Ерусалимского. Москва: ОГИЗ СОЭЖГИЗ, 1940-1941. – 3 кн.
61. Бюлов Б. Воспоминания / Под ред. с предисловием В.М. Хвостова. Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. – 563 с.
62. Мемуары кн. Гогенлоэ / пер. с нем. Г. Вильям. Москва: Русский труд, 1907. – 251 с.
63. Рорбах П. Война и германская политика; с предисловием проф. Котляревского. Москва: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1915. – 107 с.
64. Тирпиц А. Воспоминания / пер. с немецкого и комментарии В.Я. Голанта. Москва: Воениздат, 1957. – 447 с.
65. Fabri F. Fünf Jahre Deutscher Kolonialpolitik. Gotha: Friedrich Andreas Perthes, 1889. – 154 S.
66. Fonck H. Deutsch-Ost-Afrika: eine Schilderung deutscher Tropen nach 10 Wanderjahren. Berlin: Dossische Buchhandlung, 1910. – 612 S.
67. Francois C. Deutsch-Südwest-Afrika: Geschichte der Kolonisation bis zum Ausbruch des Krieges mit Witbooi. Berlin: Dietrich Reimer, 1899. – 223 S.
68. Götzen G. Deutsch-Ostafrika im Aufstand 1905/06. Berlin: Dietrich Reimer, 1909. – 274 S.
69. Leutwein T. Elf Jahre Gouverneur in Deutsch-Südwestafrika. Berlin: Mittler&Sohn, 1908. – 589 S.
70. Peters C. Die Gründung von Deutsch-Ostafrika. Berlin: Verlag von C.A. Schwetschke und Sohn, 1906. – 276 S.
71. Puttkamer J. Gouverneursjahre im Kamerun. Berlin: Verlag von Georg Stilke, 1912. – 331 S.
72. Rust C. Krieg und Frieden im Hererolande. Leipzig: Kittler Verlag, 1905. – 552 S.
73. Schwabe K. Der Krieg in Deutsch-Südwestafrika, 1904-1906. Berlin: Verlag von C. R. Weller, 1907. – 448 S.

74. Schwabe K. Im deutschen Diamantenlande: Deutsch-Südwestafrika von der Errichtung der deutschen Herrschaft bis zur Gegenwart (1884-1910). Berlin: Mittler und Sohn, 1909. – 443 S.
75. Schwabe K. Mit Schwert und Pflug in deutsch-südwestafrika: Vier Kriegs- und Wanderjahre. Berlin: E.S. Mittler und Sohn, 1899. – 444 S.
76. The Kaiser's Memoirs by Wilhelm II. English translation by Thomas R. Ybarra. NY.: Harper & Brothers publishers, 1922. – 366 p.

1.4. Отчеты географических экспедиций

77. Klose H. Togo unter deutscher Flagge. Berlin: Dietrich Reimer, 1899. – 561 S.
78. Passarge S. Adamaua. Bericht über die Expedition des Deutschen Kamerun-Komitees in den Jahren 1893/94. Berlin: Geographische Verlagshandlung Dietrich Reimer, 1895 – 660 S.
79. Reichard P. Deutsch-Ostafrika: Das Land und seine Bewohner. Leipzig: O. Spamer, 1892. – 524 S.
80. Rohlf G. Angra Pequena: Die erste deutsche Kolonie in Afrika. Bielefeld und Leipzig: Velhagen & Klasing, 1884. – 16 S.
81. Trierenberg G. Togo. Die Aufrichtung der deutschen Schutzherrschaft und die Erschließung des Landes. Berlin: Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1907. – 216 S.

1.5. Сочинения современников

82. Böttger H. Die neue Aera der deutschen Kolonialpolitik. Berlin: Heymann Verlag, 1907. – 96 S.
83. Deutschland als Kolonialmacht. Dreißig Jahre deutsche Kolonialgeschichte. Berlin: Kameradschaft, 1914. – 398 S.
84. Florack F. Die Schutzgebiete, ihre Organisation in Verfassung und Verwaltung. Tübingen: Verlag von J. C. B. Mohr, 1905. – 66 S.
85. Hasse E. Deutsche Politik. München: J. F. Lehmann Verlag, 1908. – 71 S.
86. Hutter F.K. Das Überseeische Deutschland. 2 Bd. Stuttgart: Union Deutsche Verlagsgesellschaft, 1913.– 744 S.

87. Meinecke G. Koloniales Jahrbuch, 1889. Berlin: Carl Heymanns Verlag, 1890. – 312 S.
88. Moldaenke T. Die evangelische Mission in den Kolonien und die Wahrung des konfessionellen Friedens. Berlin: Verlag des Evangelischen Bundes, 1913. – 30 S.
89. Müller-Fulda R. Dernburgs Programm. Ein Wendepunkt in Schicksal Deutsch-Ostafrikas Kolonie oder Negerland unter Deutschen Flagge von Africanus minor. Berlin: Verlag von Martin Oldenbourg, 1908. – 76 S.
90. Nigmann E. Geschichte der Kaiserlichen Schutztruppe für Deutsch-Ostafrika. Berlin: Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1911. – 214 S.
91. Prager E. Die deutsche Kolonialgesellschaft 1882-1907. Berlin: Verlag von Dietrich Reimer, 1908. – 228 S.
92. Sander L. Geschichte der Deutschen Kolonialgesellschaft für Südwest-Afrika. Berlin: Verlag von Dietrich Reimer, 1912. – 315 S.
93. Supan A. Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien. Gotha: Perthes, 1906. – 344 S.
94. von Byern G. Deutsch-Ostafrika und seine weißen und schwarzen Bewohner. Berlin: Süsserott, 1913. – 42 S.
95. Zimmermann A. Die deutsche Kolonialgesetzgebung. Sammlung der auf die deutschen Schutzgebiete bezüglichen Gesetze, Verordnungen, erlasse und internationalen Vereinbarungen, mit Anmerkungen und Sachregister. Berlin: Mittler und Sohn, 1893. – 172 S.
96. Zimmermann A. Geschichte der deutschen Kolonialpolitik. Berlin: Mittler und Sohn, 1914. – 336 S.

1.6. Периодическая печать

97. Deutsche Kolonialzeitung. 1887-1907.
98. Die Lage im Herrerrolande // Deutsche Kolonialzeitung. 1887. 1 September. S. 532-533.
99. Meinede G. Die Lage in Ostafrika ind die Araber // Deutsche Kolonialzeitung. 1888. 6 Oktober. S. 317-318.

100. Der Sklavenhandel in Afrika // Freiburger Zeitung. 1889. 1 Januar. 1. Blatt S. 1.
101. Die koloniale Lage // Deutsche Kolonialzeitung. 1890. 26 Juli. S. 190-191.
102. Die Umwaldung der «Gessellschaftskolonien» in «Kronkolonien» // Deutsche Kolonialzeitung. 1890. 18 Oktober. S. 257-260.
103. Die Zukunft unserer Nationalität // Deutsche Kolonialzeitung. 1897. 27 März. S. 122-123.
104. Hesse H. Der Aufstand in Südwestafrika // Deutsche Kolonialzeitung. 1904. 19 Mai. S. 190-191.
105. General von Liebert über die Unruhen in Deutsch-Ostafrika // Freiburger Zeitung. 1905. 13 Oktober. 1. Blatt S. 1.
106. Langheld F. Ist die Hüttensteuer als Grund des ostafrikanischen Aufstandes anzusehen? // Deutsche Kolonialzeitung. 1905. 25 November. S. 493.
107. Die Reise des Staatssekretärs Dernburg // Deutsche Kolonialzeitung. 1907. 20 Juli. S. 285-286.
108. Ein Deutsch- französisches Abkommen über Marokko // Norddeutsche allgemeine Zeitung. 1909. 10 Februar. S. 2.
109. Dr. Raulisch. Zur marokkanischen Frage // Deutsche Kolonialzeitung. 1911. 8 Juli. S. 455-456.

Литература

110. Балезин А.С. Тропическая и Южная Африка в Новое и Новейшее время: люди, проблемы, события. Москва: Книжный дом Университет, 2008. – 271 с.
111. Буталий С.В. Германия и Юго-Западная Африка: междивилизационный контакт и его результаты: 1870-е гг. – 1915 г.: дисс. канд. ист. наук: 07.00.03. Краснодар, 2010. – 256 с.
112. Голант В. Германский империализм в Африке // Исторический журнал, 1942. №. 7. С. 101-106.
113. Гольдштейн И.И. Германский империализм. Москва: Госполитиздат, 1947. – 478 с.

114. Дрекслер Х. Юго-Западная Африка под германским колониальным господством, 1884-1915; Пер. с немецкого А.С. Балезина. Москва: Наука, 1987. – 292 с.
115. Емельянов А.Л. Постколониальная история Африки южнее Сахары: учеб. пособие. Москва: МГИМО-Университет, 2012. – 492 с.
116. Зонтер Р. Новый немецкий империализм; Пер. с рукописи под ред. Т. Л. Аксельрода. Ленинград: Прибой, 1928. – 164 с.
117. Киктева Е.В. Роль Германского флотского союза в формировании общественного мнения Германии (1898-1918 гг.) : автореф. дис. к. ист. н.: 5.6.2; Москва: РГГУ, 2022. – 25 с.
118. Кучинский Ю. Очерки истории германского империализма; Пер. с нем. А. Ф. Доброхотова и Е. С. Колокольцевой; Под ред. и с предисл. Г. Беспалова. Москва: Изд-во иностр. лит., 1952. – 367 с.
119. Луценко С.М. Формирование и обустройство переселенческих поселений в германских африканских колониях в конце XIX - начале XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. №. 4. С. 224-233.
120. Пегушев А.М. Восстание Маджи-Маджи. Становление и кризис германского колониального правления в Восточной Африке. Москва: Наука, 1991. – 262 с.
121. Пуховская Е.Ю. Колониальная идея в кайзеровской Германии: Замыслы и воплощение: дисс. д-ра. ист. наук: 07.00.03. Иркутский гос. педагогический ун-т. Иркутск: ИГПУ, 2001. – 832 с.
122. Ростиславлева Н. В. Импульсы глобализации в осмыслении истории Германии XIX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. №10 (54) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840001767-2-1/> (дата обращения: 23.11.2024). DOI: 10.18254/S0001767-2-1

123. Ростиславлева Н.В. Макс Вебер в годы Первой мировой войны // Вестник РГГУ. 2017. №13 (135). С. 136-145.
124. Саид Э. Ориентализм. Санкт-Петербург: Русский мир, 2006. – 640 с.
125. Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма, 1871-1919 гг. 2-е изд., доп. Москва: Гос. изд-во, 1928. – 511 с.
126. Туполев Б.М. Германский империализм в борьбе за место под солнцем: Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX - нач. XX вв. Москва: Наука, 1991. – 202 с.
127. Турыгин А.А. Пангерманская агитация и Китай: о задачах германской колониальной политики в Китае в конце XIX- начале XX века // Вестник Пермского университета. 2023. №3(62). С. 18-27.
128. Фарберова О. Е. Ихэтуаньское восстание: позиция России // Военно-исторический журнал. 2018. № 5. С. 33-40.
129. Филитов А. М. История Первой мировой войны в современном международном дискурсе: традиционные дискуссии, новые темы, "белые пятна" // Российская история. 2015. № 1. С. 103-122.
130. Фокин С.В. "Дранг нах Африка": колониальная политика Германии (конец XIX - 30-е годы XX века). Москва: Граница, 2003. – 168 с.
131. Хальгартен Г. Германский империализм до 1914 года. Пер. с немецкого А. Галкина, Е. Гнедина, О. Накропина, М. Соколова и И. Шрайбера. Москва: Издательство иностранной литературы, 1941. – 695 с.
132. Хвостов В.М. Как развивался германский империализм: (исторический очерк). Москва: ОГИЗ Госполитиздат, 1943. – 56 с.
133. Царёв А.С. Англо-бурская война и позиция Германии // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2010. №26. С. 53-59.
134. Adick C. Bildung und Kolonialismus in Togo. Weinheim: Beltz&Gelberg, 1981. – 364 S.

135. Barkin K.D. The Controversy over German Industrialization, 1890-1902. Chicago: University of Chicago Press, 1970. – 307 p.
136. Baumgart W. Deutschland im Zeitalter des Imperialismus 1890-1914. Grundkräfte, Thesen und Strukturen. Stuttgart: Kohlhammer Verlag, 1972. – 237 S.
137. Baumgart W. German imperialism in historical perspective // Knoll A.J. Germans in the tropics. N.Y.: Praeger, 1987. P. 151-164.
138. Bechhaus-Gerst M. Die (koloniale) Begegnung: AfrikanerInnen in Deutschland 1880-1945. Lausanne: Peter Lang GmbH – Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2003. – 334 S.
139. Bhabha H. Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse // The MIT Press. 1984. Vol. 28. P. 125-133.
140. Blackshire-Belay C. A. German Imperialism in Africa. The Distorted Images of Cameroon, Namibia, Tanzania, and Togo // Journal of Black Studies. 1992. Vol. 23. №. 2. P. 235-246.
141. Bley H. Kolonialherrschaft und Sozialstruktur in Deutsch-Südwestafrika 1894-1914. Hamburg: Leibniz-Verlag, 1968. – 390 s.
142. Bochert C. The Witboois and the Germans in South West Africa: A Study of their Interaction between 1863 and 1905. Durban: University of Natal, 1980. – 207 p.
143. Bridgman J. German Africa: A select annotated bibliography. Stanford: Hoover Institution on War, Revolution, and Peace, Stanford University, 1965. – 120 p.
144. Buell R.L. The native problem in Africa. N.Y.: The Macmillan company, 1928. – 1101 p.
145. Büttner K. Die Anfänge der deutschen Kolonialpolitik in Ostafrika: Eine kritische Untersuchung an Hand unveröffentlicher Quellen. Berlin: Akademie Verlag, 1959. – 156 S.
146. Coco O. German Imperialism in China: The Leasehold of Kiao chow Bay (1897–1914) // The Chinese Historical Review. 2020. Vol. 26. №. 2. P. 156-174.

147. Conrad S. Deutsche Kolonialgeschichte. München: Verlag C.H. Beck, 2016. – 127 S.
148. Conrad S. Globalization and the nation in imperial Germany. München: Verlag C.H. Beck, 2016. – 516 S.
149. De Juan A. Extraction and Violent Resistance in the Early Phases of State Building: Quantitative Evidence From “Maji Maji” Rebellion 1905-1907 // Comparative Political Studies. 2016. Vol. 49. №. 3. P. 291-323.
150. Drechsler H. Let us die fighting: the struggle of the Herero and Nama against German imperialism (1884-1915). London: Zed Press, 1980. - 287 p.
151. Egelhaaf G. Geschichte der neuesten Zeit vom Frankfurter Frieden bis zur Gegenwart. Stuttgart: Carl Krabbe Verlag, 1920. – 470 s.
152. Eley G. Reshaping the German Right: radical nationalism and political change after Bismarck. New Haven: Yale University Press, 1980. – 387 p.
153. Epstein A.L. Matupit: Land, Politics, and Change among the Tolai of New Britain. Canberra: Australian National University Press, 1969. – 335 p.
154. Friedjung H. Das Zeitalter des Imperialismus 1884-1914. Berlin: Verlag Neufeld & Henius, 1919. – 472 S.
155. Gissibl B. The nature of German imperialism: conservation and the politics of wildlife in colonial East Africa. N.Y.: Berghahn Books, 2016. – 374 p.
156. Grimmer-Solem E. The Professors' Africa: Economists, the Elections of 1907, and the Legitimation of German Imperialism // German History. 2007. Vol. 25. №. 3. P. 313-347.
157. Gründer H. Christliche Mission und deutscher Imperialismus. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 1982. – 444 S.
158. Gwassa G.C.K. Records of the Maji Maji Rising. Nairobi: East African Publishing House, 1967. – 32 p.
159. Hammann O. Deutsche Weltpolitik, 1890-1912. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing, 1925. – 240 S.

160. Harring S.L. German Reparations to the Herero Nation: An Assertion of Herero Nationhood in the Path of Namibian Development // *West Virginia Law Review*. 2002. Vol. 104. №. 2. P. 393-417.
161. Hausen K. Deutsche Kolonialherrschaft in Afrika: Wirtschaftsinteressen und Kolonialverwaltung in Kamerun vor 1914. Freiburg: Atlantis Verlag, 1970. – 340 S.
162. Hempenstall P. Pacific Islanders under German Rule: A Study in the Meaning of Colonial Resistance. Canberra: Australian National University Press, 1978. – 264 p.
163. Hintrager O. Südwestafrika in der deutschen Zeit. München: Kommissionsverlag R. Oldenbourg, 1955. – 261 S.
164. Iliffe J. A modern history of Tanganyika. N.Y.: Cambridge University Press, 1979. – 616 p.
165. Iliffe J. Tanganyika under German Rule 1902-1912. London: Yale University Press, 1968. – 79 p.
166. Iliffe J. The Organization of the Maji Maji Rebellion // *The Journal of African History*. 1967. Vol. 8. №. 3. P. 495-512.
167. Kampffmeyer G. Die Grundlagen der Marokkofrage // *Zeitschrift für Politik*. 1915. Vol. 8. S. 297-380.
168. Keck V. Representing New Guineans in German Colonial Literature // *Paideuma: Mitteilungen zur Kulturkunde*. 2008. Vol. 54. P. 59-83.
169. Koponen J. Development for Exploitation. German Colonial Policies in Mainland Tanzania. Helsinki: Raamattutalo Pieksämäki, 1994. – 740 p.
170. Leutwein P. Dreißig Jahre deutsche Kolonialpolitik mit weltpolitischen Vergleichen und Ausblicken. Berlin: Gersbach & Sohn, 1922. – 412 S.
171. Lindner U. Imperialism and Globalization: Entanglements and Interactions between the British and German Colonial Empires in Africa before the First World War // *German Historical Institute London Bulletin*. 2010. Vol. 32. №. 1. P. 4-28.

172. Lowe J. *The Great Powers, Imperialism and the German Problem, 1865-1925*. London and N.Y.: Routledge, 1994. – 257 p.
173. MacKenzie J.M. *The Partition of Africa, 1880-1900 and European imperialism in the nineteenth century*. London: Methuen & Co, 1983. – 44 p.
174. Mommsen W.J. *Kaiser Wilhelm II and German Politics // Journal of Contemporary History*. 1990. Vol. 25. №. 2/3. P. 289-316.
175. Mommsen W.J. *Theories of imperialism*. Chicago: University of Chicago Press, 1982. – 190 p.
176. Naranch B.D. “Colonized Body,” “Oriental Machine”: Debating Race, Railroads, and the Politics of Reconstruction in Germany and East Africa, 1906–1910 // *Central European History*. 2000. Vol. 33. №. 3. P. 299-338.
177. Noyes J. K. *Colonial space: spatiality in the discourse of German South West Africa 1884-1915*. London and N.Y.: Routledge, 2012. – 328 p.
178. Okon E.N. *Imperialism and Contemporary Africa: An Analysis of Continuity and Change // Journal of African Foreign Affairs*. 2018. Vol. 5. №. 2. P. 227-249.
179. Osterhammel J. *The transformation of the world. A global history of the nineteenth century*. Princeton: Princeton University Press, 2014. – 1167 p.
180. Paulose R.M. *Addressing Colonial Crimes Through Reparations: The Mau Mau, Herero and Nama // State Crime Journal*. 2018. Vol. 7. №. 2. P. 369-388.
181. Ranger T.O. *Connexions between “Primary Resistance” Movements and Modern Mass Nationalism in East and Central Africa Part: I. // The Journal of African History*. 1968. Vol. 9. №. 4. P. 631-641
182. Reuss M. *The Disgrace and Fall of Carl Peters: Morality, Politics, and Staatsräson in the Time of Wilhelm II // Central European History*. 1981. Vol. 14. №. 2. P. 110-141.
183. Ritter G.A. *Das Deutsche Kaiserreich 1871–1914. Ein historisches Lesebuch*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1992. – 387 S.
184. Röhl J.C.G. *Wilhelm II: The Kaiser’s Personal Monarchy*. Chicago: Cambridge University Press, 2015. – 1300 p.

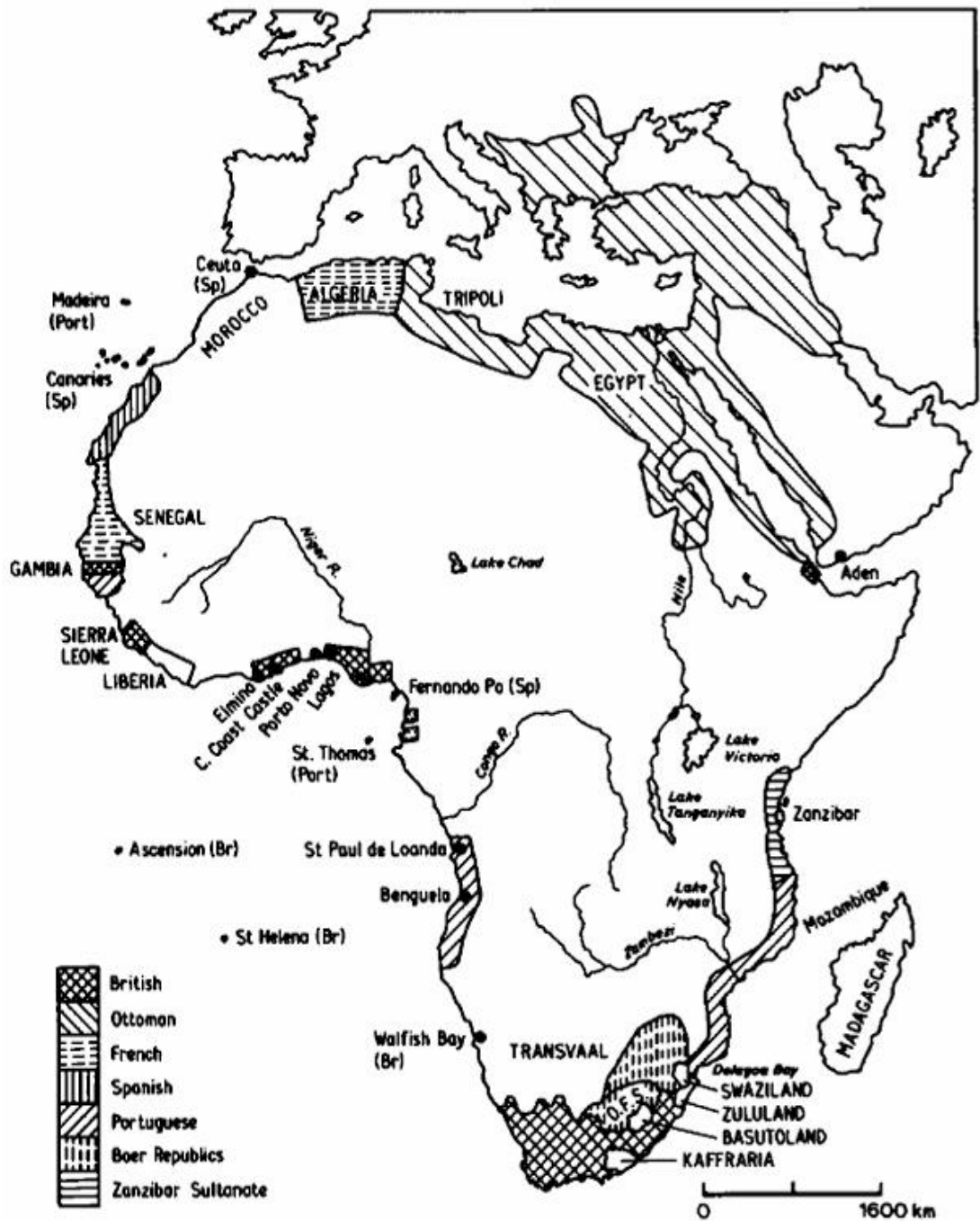
185. Rudin H. R. Germans in the Cameroons 1884-1914. A case study in modern imperialism. New Haven: Yale University Press, 1938. – 456 p.
186. Rushora N. Cult, Crosses and Crescent: Religion and Healing from Colonial Violence in Tanzania // Religions. 2019. Vol. 10. №. 9. – 14 p.
187. Sack P.G. Land Between Two Laws: Early European Land Acquisitions in New Guinea. Canberra: Australian National University Press, 1973. – 197 p.
188. Sauer K. Morphology of Landscape // University of California. Publications in Geography. 1925. Vol. II. №. 2. P. 19-53.
189. Schrameier L.W. Kiautschou seine Entwicklung und Bedeutung. Berlin: Curtius, 1915. – 96 S.
190. Schrecker J. Imperialism and Chinese nationalism. Cambridge: Harvard University Press, 1971. – 350 S.
191. Smith T. The pattern of imperialism: the United States, Great Britain, and the late-industrializing world since 1815. NY.: Cambridge University Press, 1981. – 308 p.
192. Smith W. D. The German Colonial Empire. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1978. – 274 p.
193. Sokolowsky C. Sprachenpolitik des deutschen Kolonialismus. Deutschunterricht als Mittel imperialer Herrschaftssicherung in Togo (1884 - 1914). Stuttgart: Ibidem Verlag, 2004. – 142 S.
194. Sorge R. Der neue deutsche Imperialismus. Berlin: Dietz Verlag, 1988. – 191 S.
195. Spivak G.C. Can the Subaltern Speak? // Nelson C. Grossberg L. Marxism and the Interpretation of Culture. Chicago: University of Illinois Press, 1988. P. 271-313
196. Stoecker H. German imperialism in Africa: From the beginnings until the Second World War. London: Hurst & Co., 1986. – 446 p.
197. Sunseri T. Slave Ransoming in German East Africa, 1885-1922 // The International Journal of African Historical Studies. 1993. Vol. 26. №. 3. P. 481-511.

198. Townsend M. E. The rise and fall of Germany's colonial empire, 1884-1918. N.Y.: Macmillan, 1930. – 424 p.
199. Uzoigwe G.N. Reflections on the Berlin West African Conference, 1884-1885 // Journal of the Historical Society of Nigeria. 1984. Vol. 12. №. 4. P. 9-22.
200. Van der Linden M. The Acquisition of Africa (1870-1914): The Nature of International Law. Chicago: Wolf Legal Publishers, 2017. – 369 p.
201. Wegener G. Das deutsche Kolonialreich: Wie es entstand, wie es war, wie es verloren ging. Potsdam: Athenaion, 1937. – 200 S.
202. Wehler H.U. Bismarck und der Imperialismus. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1969. – 582 S.
203. Wehler H.U. Sozialimperialismus. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1970. – 582 S.
204. Wehrenalp E. Deutschland greift über den Aquator: Ein Buch von Deutschlands Kolonien Einst und Jetzt. Berlin: Etthofen Verlag, 1933. – 465 S.
205. Weidlich B. Herero and Nama skulls to be preserved, not buried // The Namibian. 2010. URL: <https://www.namibian.com.na/herero-and-nama-skulls-to-be-preserved-not-buried/> (Дата обращения: 11.05.2025)
206. Werner W. A Brief History of Land Dispossession in Namibia // Journal of Southern African Studies. 1993. Vol.19. №.1. P. 135-146.
207. Zimmerer J. Deutsche Herrschaft über Afrikaner. Staatlicher Machanspruch und Wirklichkeit im kolonialen Namibia. Münster: Lit Verlag, 2001. – 344 s.
208. Zimmerer J. From Windhoek to Auschwitz? Colonialism and Genocide in Germany. München: De Gruyter Oldenbourg, 2023. – 366 S.

ПРИЛОЖЕНИЯ

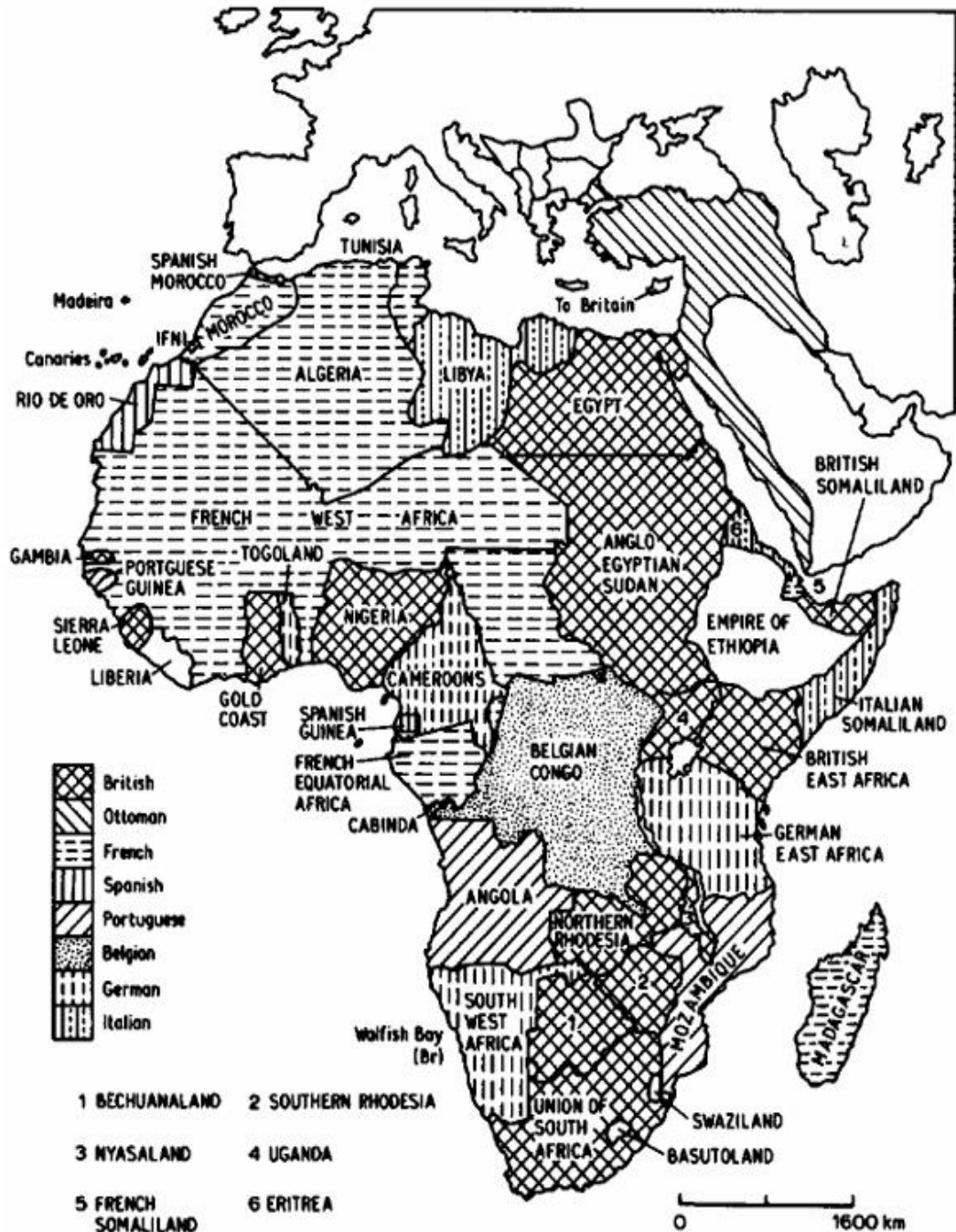
Приложение №1. Африканские колонии европейских держав в 1870 г. // MacKenzie J.M. The Partition of Africa, 1880-1900 and European imperialism in the nineteenth century. London: Methuen & Co, 1983. P. 15.

Africa and the Ottoman Empire c. 1870

Приложение №2. Африканские колонии европейских держав в 1914 г. // MacKenzie J.M. The Partition of Africa, 1880-1900 and European imperialism in the nineteenth century. London: Methuen & Co, 1983. P. 30.

Africa and the Ottoman Empire in the 1914

Приложение №3. Битва при Ватерберге в 1904 г. // Rust C. Krieg und Frieden im Hererolande. Leipzig: Kittler Verlag, 1905. S. 383.

